У(С2ИК)
Б38

Киев и его святыня.

К., 1871

Тапер нет 1937р
9(47.113) К38
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ПОЛТАВА

КІЕВЪ

и

ЕГО СВЯТЫНЯ.

Изданіе 4-е, исправленное и дополненное.

9(С21К) К38
Читальня Обласної бібліотеки
Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР
1964
КДУ

КІЕВЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КІЕВОПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ.

1871.

Печатать дозволяется. Кіевъ, 17 Августа, 1871 года.
Цензоръ *Н. Щеголевъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глав.		стран.
I.	Кіевъ	1.
II.	Ближнія и дальнія пещеры	7.
III.	Храмъ Первозваннаго на Старомъ Кіевѣ	40.
IV.	Святая Софія	53.
V.	Михайловскій монастырь	80.
VI.	Десятинная церковь	99.
VII.	Крещатикъ	113.
VIII.	Оскольдова могила	119.
IX.	Выдубицкій монастырь	123.
X.	Вышгородъ и Межигоры	130.
XI.	Братскій монастырь	138.
XII.	Пустыни Китаева и Голосѣевская	147.
XIII.	Печерская Лавра	155.
XIV.	Праздникъ Успенія	184.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.	Усадьба въ Кіевѣ	195.
II.	Символика Софійскаго собора	221.
III.	Значеніе Кіева для Россіи	257.
IV.	Крестный ходъ на Крещатикъ въ день Св. Владиміра	266.
V.	Обновленіе крещальни св. Владиміра	276.
VI.	Прощаніе съ Межигорьемъ	286.
VII.	Судьба Андреевской церкви въ Кіевѣ	291.
VIII.	Юбилей Андреевской церкви	300.
IX.	Обновленіе дворца въ Кіевѣ	315.

I.

КІЕВЪ.

Черная туча преслѣдовала меня по густому лѣсу, отъ селенія Броваровъ до самаго Кіева; шире и шире расходились ея тяжелыя крыла, доколѣ не охватили весь небосклонъ:—въ полночь она разразилась; глухіе раскаты грома и далнія молніи сосредоточились наконецъ въ одну страшную грозу, какой давно я не видалъ на сѣверѣ. По нѣскольку минутъ небо казалось отверстымъ и стрѣлами сыпались изъ него молніи, дико озаряя окрестность.—Я вспомнилъ послѣдній день Помпеи, и повѣрялъ природою дивную кисть вдохновеннаго художника: онъ разгадалъ бурю и, одною изъ ея молній, написалъ свою картину.—Далекб впереди блеснула внезапно золотая глава колокольни Печерской, какъ нѣкое свѣтило этой чудной ночи; отъ времени до времени зажигался предо мною ея путеводительный фаросъ, увѣнчанный спасительнымъ знаменіемъ креста. Не такъ ли внезапно возсіяетъ онъ и въ день пришествія Сына человѣческаго, которое будетъ, по словамъ евангельскимъ, также какъ молнія, исходящая отъ востока и блистающая до запада?

При выѣздѣ изъ чащи лѣса, мгновенно озарилась вся обширная Лавра, съ своими бѣлыми церквами и оградой, раскинутыми по горамъ; вдругъ запылали всѣ кресты ея седмиглаваго собора и другихъ отдѣльныхъ куполовъ, и надъ ними всталъ изъ мрака, въ огненномъ вѣнцѣ своемъ, бѣлый столпъ колокольни.—Шумѣлъ и широкій Днѣпръ, тяжкимъ колебаніемъ отзываясь на знакомый голосъ бури. Сердитыя волны съ ревомъ набѣгали на длинный мостъ его, ходившій, какъ безпріютный путникъ, по влажной стихіи; онѣ грызли его утлое дерево, бѣлою пѣною обозначая непрочную стезю сію на темнотѣ водъ. Но идущему по ней, въ промежуткѣ молній, когда все погружалось опять, изъ ослѣпительнаго свѣта въ столь же ослѣпительный мракъ, и ни одной путеводительной звѣзды не блистало на цѣломъ небѣ,—одна лишь, болѣе отрадная, привѣтливо сіяла отъ горы Кіевской:—это была мирная лампада, теплившаяся надъ самымъ Днѣпромъ, при входѣ дальнихъ пещеръ Ѳеодосіевыхъ, и взоръ, утомленный блескомъ молній, искалъ отдохнуть, при тихомъ мерцаніи сей лампады, которую молитвенно возжгли святые отшельники въ ихъ безмятежной пристани, за много вѣковъ и еще на много столѣтій!

На правомъ берегу Днѣпра, южная природа дохнула мнѣ сквозь бурю, роскошнымъ запахомъ своихъ тополей и липъ, разросшихся по оврагамъ, въ ихъ дикой свободѣ; а съ горной вершины, какъ бѣлыя

волны широкаго потока, устремилось ко мнѣ на встрѣчу огромное стадо тучныхъ питомцевъ Украйны; ихъ конный вожатый съ трудомъ прочищалъ дорогу, длиннымъ своимъ шестомъ. Я подвигался медленно, по скользкимъ оврагамъ, и вотъ зашумѣлъ ливень, повсюду заструились воды и буря разыгралась во всей ея силѣ; едва, едва можно было достигнуть въ темнотѣ до высокой площади Печерской. Било два часа по полуночи;—при шумѣ непогоды, внезапно раздался изъ Лавры тихій, утренній благовѣстъ, призывающій къ молитвѣ обуреваемыхъ.

Утомленный ночною дорогою, не могъ я воспользоваться молитвеннымъ зовомъ; но, еще до поздней литургіи, я стоялъ уже въ великой церкви лаврской, у гроба преподобнаго Ѳеодосія, основателя Лавры, и, при чтеніи акаѳиста, спустилась предо мною чудотворная икона Богоматери, дивный даръ ея св. отшельникамъ Антонію и Ѳеодосію. Благосклонно принялъ меня намѣстникъ Лавры, въ отсутствіе Владыки Кіевскаго, который любитъ уединяться по временамъ въ пустынное безмолвіе, чтобы тамъ съ большимъ удобствомъ заняться обязанностями своего пастырскаго и монашескаго званія; я отложилъ посѣщеніе святыни Печерской до его возвращенія, и воспользовался симъ временемъ, чтобы устроить себѣ малый пріютъ, въ остаткахъ сгорѣвшаго дворца Императрицы Елисаветы. Роскошный садъ столѣтнихъ тополей и липъ, раскинутый по

глубокимъ оврагамъ, къ старому Кіеву и надъ крутымъ берегомъ Днѣпра, примыкаетъ къ убогому зданію, замѣнившему царскія палаты дочери Петровой; и въ отрадной тѣни сего сада, посреди очаровательныхъ видовъ и живописной природы Кіева, мало заботился я о недостаткахъ своего помѣщенія.

Поздній вечеръ и раннее утро одинаково влекли меня на крутой обрывъ рѣки, гдѣ устроена легкая сѣнь, для утомленныхъ народнымъ гульбищемъ, или для сладкаго забвенія ищущихъ уединиться въ мысляхъ о былomъ. Оттолѣ, во всемъ великолѣпіи святыни, открывался старый Кіевъ, на горахъ своихъ, и у ногъ его кипящій жизнію Подолъ, и все Заднѣпровье. Вставала-ль багровая луна, какъ древній щитъ Олега и Святослава, изъ-за лѣсистыхъ дебрей, столько разъ оглашавшихся звукомъ ихъ ловлей,—я уже былъ тутъ и любовался, какъ, огненнымъ столпомъ, отражался мѣсяцъ въ темныхъ водахъ, и какъ боевой Днѣпръ, будто почуя зовъ древнихъ своихъ витязей, весь облекался серебристою бронею, ждалъ опять ладій Варяжскихъ, чтобы нести ихъ къ Царьграду:— но вмѣсто ихъ боевыхъ ладій, одни только убогіе челноки рыбарей мелькали тамъ и здѣсь, по широкому пространству водъ!—Подымался ли золотой кругъ солнца, какъ свѣтлый вѣнецъ Владиміра, снимая съ горъ Кіевскихъ румяную пелену тумановъ,— опять я тутъ, въ прохладѣ утра, и взоръ мой жадно обнималъ всю очаровательную окрестность, отъ мо-

гилы Оскольдовой до могилы Олеговой и дальняго села Ольги, доколѣ ранній благовѣстъ, всѣхъ церквей и обителей Стараго Кіева и Подола, не вызывалъ меня изъ созерцанія минувшаго.—Еще мало было жизни въ сей безмятежной природѣ; кое-гдѣ только, по зеленому обрыву утесовъ, нѣсколько козъ и овецъ щипали росистую траву, и высоко рѣяли надо мной быстрыя птицы въ прозрачной синевѣ неба; а глубоко подо мною, на столь же ясной лазури Днѣпра, чернѣлись какъ птицы, легкіе челноки рыбарей.

Но жаждущему былаго, часы вечера отраднѣе часовъ утра.—Онъ спитъ тогда, древній Кіевъ, облеченный мѣсяцемъ въ призракъ своего минувшаго величія!—Ярко сіяютъ кресты на златоверхихъ главахъ Михайловскихъ и на обновленной церкви Десятинной; храмъ Первозваннаго высоко стоитъ, на отдѣльномъ холмѣ своемъ, издали, какъ-бы свѣтлый образъ самаго Апостола, благословляющаго начало Руси на горахъ Кіевскихъ.—Огни горятъ на дальнемъ Подолѣ, расширяя его въ полусвѣтѣ мѣсяца; огни горятъ и на пустынныхъ островахъ Днѣпра, связуя всѣ въ одно обширное цѣлое.—Такъ онъ спитъ, древній Кіевъ, доколѣ не разоблачитъ его утреннее солнце. Но подлѣ него не дремлетъ другой старецъ, давній другъ его Днѣпръ. Какъ нѣкій вѣщій Баянъ, при дворѣ великокняжескомъ, напѣваетъ онъ въ слухъ князя Кіева упоительную пѣснь, о славныхъ дняхъ его юности: какъ цвѣли въ тере-

махъ его дѣвы красныя, княжны Русскія, какъ бились въ битвахъ доблестные сыны его, князья всея Руси, и какъ молились за нихъ его дивные иноки, въ своихъ дремучихъ лѣсахъ и вертепахъ! Много волнъ на Днѣпрѣ,—что волна, то струна серебристая: вся рѣка какъ органъ русской славы! Но вотъ иная пѣснь несется по водамъ:—о чемъ поешь ты, мирный рыбарь, на утломъ своемъ челнокѣ?—про буйные дни Гетманщины, какъ рѣзались Ляхи съ ватагой казаковъ, и съ Крымцами билася Сѣча, а тамъ по степямъ гайдамаки ходили!—Какія двѣ, раздвинутыя вѣками эпохи, сливаются здѣсь въ одинъ голосъ рыбаря и рѣки!—какой хаосъ событій и воспоминаній, подъ однимъ серебристымъ покровомъ лунной ночи, въ виду твоихъ древнихъ святилищъ, о Кіевъ!

II.

БЛИЖНІЯ И ДАЛЬНІЯ ПЕЩЕРЫ.

Какъ только узналъ я о возвращеніи Владыки Кіевскаго Филарета, изъ его любимой пустыни, я поспѣшилъ въ Лавру и засталъ его тамъ во время всенощной. «Мы увидѣлись съ тобою въ часъ молитвы, сказалъ онъ мнѣ, съ обычнымъ своимъ радушіемъ, Богъ да благословитъ приходъ твой; дослушай однако конецъ божественной службы.—Посмотри, у насъ есть гдѣ помолиться,» и, отворивъ малую дверь въ алтарь домовой церкви, а съ другой стороны окно своей молитвенной храмины, онъ указалъ мнѣ на ближнія и дальнія пещеры.—Я взглянулъ въ окно и уже не могъ отвести взоровъ отъ умилительной картины, которая раскрылась предо мною:—позлащенныя главы двухъ отдѣльныхъ обителей, надъ ближними и дальними пещерами, живописно возникали изъ густой зелени плодоносныхъ деревъ, разросшихся по глубокой дебри, которая лежитъ между обѣихъ пещеръ Антонія и Ѳеодосія; а за нею—широко разстилался синій Днѣпръ, съ своимъ зыблющимся мостомъ и дремучими лѣсами противоположнаго берега, ярко

освѣщенный лучами вечерѣющаго дня.—Казалось, Митрополитъ утѣшался моимъ восхищеніемъ и когда, черезъ нѣсколько минутъ окончилась всенощная, онъ опять подошелъ къ окну и сказалъ:

«Сколько бы ты ни смотрѣлъ на это чудное зрѣлище, нельзя довольно насытить имъ своихъ глазъ; потому что святые угодники, почивающіе подъ сею горою, въ нѣдрахъ пещерныхъ, невольно влекутъ къ себѣ око внѣшнее и духовное.—Если же такъ тебѣ нравится Кіевъ, съ его святынею, подумай, каково должно быть царство небесное!»—и помолчавъ немного, при сей благоговѣйной мысли, онъ продолжалъ: «я слышалъ, что ты хочешь сдѣлать описаніе Кіева; но испросилъ ли ты на это благословеніе преподобныхъ Печерскихъ?—а безъ него не думай и начинать; завтра пойдемъ вмѣстѣ въ пещеры; я самъ хочу ввести тебя въ жилище сихъ земныхъ ангеловъ и небесныхъ человѣковъ. Съ ними отраднѣе жить, нежели съ нами бѣдными людьми! Послѣ всякой молитвенной бесѣды съ ликомъ сихъ праведниковъ, невольно водворяется миръ душевный. Межь ними, кажется, провелъ бы всю жизнь и не замѣтилъ бы, какъ переступишь въ вѣчность.»—Владыка отпустилъ меня съ благословеніемъ.

На другой день, рано утромъ, я уже былъ опять въ его келліяхъ и послѣдовалъ за нимъ въ ближнія пещеры, уединенною стезею, чрезъ плодовитые сады Лавры. «Какая тишина и вмѣстѣ какая природа! го-

ворилъ мнѣ дорогою Владыка; есть-ли что либо подобное на сѣверѣ?—Здѣсь я часто хожу въ пещеры и никто не вѣдаетъ моего жительства въ Лаврѣ; меня рѣдко видятъ на дворѣ монастырскомъ, развѣ кто встрѣтится на пути къ преподобнымъ.»—Когда мы вышли изъ южныхъ воротъ Лавры и, минуя обычный крытый ходъ въ пещеры, стали къ нимъ спускаться чрезъ другой, нижній садъ обители. Преосвященный остановилъ меня и сказалъ: «съ благоговѣніемъ ступай на сію священную землю! ты идешь по тому холму, подъ которымъ почиваютъ столько угодниковъ Божіихъ, въ ископанныхъ ими келліяхъ. Это молитвенный холмъ самаго преподобнаго Антонія; онъ тамъ и по нынѣ съ своими духовными чадами!» Невольнымъ трепетомъ проникнуто было сердце, при такомъ напоминовеніи Святителя.—У алтарнаго входа въ церковь Воздвиженія честнаго креста, устроенную надъ пещерами, начальникъ ближнихъ пещеръ, съ братіею, ожидали Владыку и подали намъ возженныя свѣчи.—Въ благоговѣйномъ молчаніи стали мы спускаться въ тѣсное устье подземелья, такъ что каждый нашъ шагъ отзывался подъ его низкими сводами. Путеводительная свѣча начальника, впереди насъ, озаряла извилистые переходы пещеръ и, при первомъ ихъ крутомъ поворотѣ, издали блеснула лампада, отраженная серебряною ризою иконы и гробовой доски.—«Это гробъ преподобнаго Антонія! мѣсто его подвиговъ при жизни и покоя по смерти,»

сказалъ мнѣ Владыка, и продолжалъ идти къ сему безбурному пристанищу великаго подвижника. Съ умиленіемъ простерся онъ предъ его гробомъ, и трогательно было видѣть, во глубинѣ пещеры, набожное поклоненіе, воздаваемое черезъ восемь столѣтій, отцу иночествующихъ, блюстителемъ ископанной имъ обители.

Въ то же мгновеніе раздалось, изъ прилежащей подземной церкви, славословіе пресвятой Троицы, благословеніемъ царства Отца и Сына и Св. Духа, которое проповѣдалъ Антоній даже въ нѣдрахъ земли; божественная литургія началась въ маломъ храмѣ, ископанномъ, во имя его, подражателями его подвиговъ; двое изъ нихъ лежатъ въ открытыхъ ракахъ, по обѣимъ сторонамъ, какъ-бы на стражѣ подземнаго святилища: постникъ Іоаннъ и Прохоръ, прозванный Лебедникомъ, отъ травы, которою единственно питался и кормилъ народъ въ голодную годину. Съ такими двумя блаженными молитвенниками внутри храма, имѣя блюстителемъ самаго великаго отца ихъ въ преддверіи, удостоился я слышать сію первую божественную службу, въ пещерахъ Антоніевыхъ, и она глубоко впечатлѣлась въ мое сердце. Я переносился мысленно въ первые вѣка Христіанства, въ усыпальницы мучениковъ, въ подземные ихъ пріюты, гдѣ свѣчи и ладонъ впервые приняты были какъ необходимость богослуженія. Подъ спудомъ общей матери земли, при нетлѣніи тѣлъ преподобныхъ, исчезало

разстояніе вѣковъ; ибо давно усопшіе казались современниками тѣхъ, которые, въ свою чреду, воспѣвали хвалы Господу, какъ-бы недавно излетавшія здѣсь, изъ ихъ собственныхъ устъ.

Когда окончилась литургія, Митрополитъ, при выходѣ изъ церкви, поклонился опять гробу преподобнаго Антонія и, указавъ мнѣ его тѣсную келлію, съ каменнымъ ложемъ, сказалъ: «много было великихъ подвижниковъ въ сихъ пещерахъ, которыя внезапно, изъ вертепа Варяжскаго, сдѣлались мысленнымъ небомъ столькихъ земныхъ Ангеловъ; но изъ сонма всѣхъ ихъ—вотъ величайшій! ибо отъ него пролилось благословеніе св. горы Аѳонской по всей Россіи. Долго созрѣвало въ ней спасительное сѣмя, посѣянное еще Апостоломъ Андреемъ на горахъ Кіевскихъ, но за то вдругъ и процвѣло; особенно обильны были плоды его здѣсь, потому что изъ сихъ пещеръ просіяли Святители, проповѣдники и мученики за вѣру, и наипаче теплые молитвенники; они и до нынѣ здѣсь лежатъ, какъ непоколебимое основаніе земнаго отечества нашего и наши вожатые къ небесному.—Началомъ же всему послужилъ сей преподобный Антоній;—такая чрезвычайная благодать дана была ему отъ Господа! Онъ же, по смиренію своему, не хотѣлъ даже и священства; въ любви своей къ безмолвію поревновалъ онъ сонменному отцу иноковъ Египетскихъ, и подобно ему уединялся все болѣе и болѣе, избѣгая всякой молвы. И что же называлъ онъ мол-

вою?—тихое общество первыхъ двѣнадцати отшельниковъ, собравшихся въ его дальнія пещеры! Ради нихъ оставилъ однако любитель безмолвія первый пріютъ свой, гдѣ провелъ сорокъ лѣтъ на молитвѣ, чтобы не нарушилась бесѣда его съ единымъ Богомъ; здѣсь, въ этомъ холмѣ, ископалъ онъ себѣ новую келлію, и довершилъ въ ней, чрезъ двѣнадцать лѣтъ, подвигъ ангельской жизни. То же неизмѣнное удаленіе отъ міра обнаружилъ преподобный Антоній и послѣ блаженной кончины, сокрытіемъ святыхъ мощей своихъ.—Ты увидишь, въ ближнихъ и дальнихъ пещерахъ, почти всѣхъ учениковъ, собравшихся подъ крыло своего блаженнаго учителя: его только нетлѣнныхъ мощей не видно между столькими угодниками, открыто почивающими въ ископанныхъ ими вертепахъ, и когда, однажды, благочестіе нѣкоторыхъ ревнителей его памяти, хотѣло коснуться гроба Антоніева,—внезапно изшедшее отъ него пламя удержало ихъ отъ нарушенія таинственной воли усопшаго.—Посмотри, какимъ небеснымъ спокойствіемъ сіяетъ ликъ его!»

Съ благоговѣніемъ приблизился я ко гробу преподобнаго: на каменномъ надгробіи, окованномъ серебромъ, изображенъ былъ почивающій угодникъ; надъ нимъ стояла его икона, точно съ выраженіемъ ангельскимъ въ кроткихъ чертахъ; одинокая лампада освѣщала по сторонамъ еще двѣ иконы, гдѣ уже Антоній, одинъ или съ своимъ блаженнымъ сотрудникомъ

Θеодосіемъ, молитвенно стоялъ предъ лицемъ пречистой Дѣвы, заступницы ихъ лавры. Темная, тѣсная келлія преподобнаго украшена была такими же иконами, надъ его каменнымъ ложемъ, которое не отличалось ничѣмъ отъ его гроба; ибо всякую ночь готовился онъ уснуть на немъ послѣднимъ сномъ. «Здѣсь отдыхъ его временный, а здѣсь вѣчный!» сказалъ Владыка, показывая, сквозь растворенныя двери келліи, на каменное ложе и на стоявшее предъ нами надгробіе.—Изъ глубины келліи послышалось церковное пѣніе, какъ-бы неумолкаемая молитва Святыхъ: я сталъ прислушиваться къ таинственнымъ голосамъ; Владыка разрѣшилъ мое недоумѣніе:

«Еще продолжается литургія въ другой подземной церкви, преподобнаго Варлаама, которая примыкаетъ къ келліи Святаго. Тамъ почиваютъ и мощи сего перваго игумена дальнихъ пещеръ, постриженнаго Антоніемъ изъ именитыхъ бояръ Кіевскихъ. Много принялъ онъ гоненій отъ Великаго Князя Изяслава, за него и за другаго инока Ефрема, скопца княжескаго, но все устроилось на пользу душевную обоихъ. Взятые отселѣ, одинъ на игуменство обители св. Димитрія, а другой на каѳедру святительскую въ Переяславль, они не хотѣли однако нигдѣ успокоиться, кромѣ какъ въ пещерахъ, гдѣ начался ихъ подвигъ иночества.—Мы поклонимся святымъ мощамъ ихъ, въ двухъ иныхъ церквахъ сего подземелья; теперь пойдемъ далѣе.»

Митрополитъ взялъ опять свѣчу изъ рукъ блюстителя ближнихъ пещеръ, который пошелъ впереди насъ, съ пукомъ зажженыхъ свѣчь, озаряя темные изгибы низкихъ сводовъ. Онъ останавливался предъ каждою ракою, молитвенно называя почивающаго въ ней угодника, и съ благоговѣніемъ преклонялся Владыка, цѣлуя нетлѣнные останки. При гробѣ нѣкоторыхъ, болѣе извѣстныхъ, Преосвященный говорилъ мнѣ нѣсколько назидательныхъ словъ о ихъ житіи. Идущимъ отъ гроба преподобнаго Антонія, первая представилась Іуліанія, княжна Ольшанская, уже въ позднѣйшіе вѣка обрѣтенная, подлѣ великой церкви Лавры, и поставленная въ пещерахъ, на мѣсто Святителя Михаила, перваго Митрополита Кіевскаго, когда онъ былъ перенесенъ въ соборную церковь Успенія. Потомъ два мученика, Василій и Ѳеодоръ, связанные союзомъ духовной дружбы, во время жизни, и на вѣки соединенные смертію въ одномъ гробѣ. Корыстолюбіе жестокаго Князя Мстислава, сына Святополкова, было виною ихъ страдальческой кончины. Обольщенный лукавымъ, который не терпѣлъ добродѣтели Святыхъ, Мстиславъ сталъ требовать отъ нихъ сокровищъ варяжскихъ, будто бы открытыхъ ими въ пещерахъ, и даже своеручно поразилъ стрѣлою Василія; стрѣла сія была въ послѣдствіи орудіемъ собственной его смерти; оба мученика скончались въ темницѣ отъ многихъ истязаній.

«Читалъ ли ты Патерикъ Печерскій? спросилъ

меня Владыка, остановившись у послѣдующей раки.— А если и читалъ, то совѣтую тебѣ вновь перечитать, чтобы изучить житія великихъ угодниковъ, мимо коихъ проходимъ скоро, хотя каждый могъ бы насъ многому научить. Вотъ соименникъ одному изъ трехъ писателей назидательнаго патерика сего, преподобный Поликарпъ, священноархимандритъ Печерской лавры, который, при безмолвіи монашескомъ, былъ мужемъ совѣта и разума; Вел. Князь Ростиславъ Мстиславичь любилъ слушать его бесѣду и пользовался совѣтами въ исполненіи обязанностей своего званія.—Подлѣ священноархимандрита покоится пресвитеръ, Даміанъ цѣлебникъ, постриженникъ преподобнаго Ѳеодосія, которому онъ былъ столько преданъ, что единаго только просилъ отъ Господа:—не разлучаться съ нимъ и въ будущей жизни; и, въ часъ смертный, Ангелъ, въ образѣ преподобнаго, увѣрилъ умирающаго, что исполнится его пламенное желаніе.»

Опять послышалось пѣніе; небесные звуки раздавались подъ землею: «Тебе поемъ, тебе благословимъ, тебе благодаримъ, Господи, и молимтися, Боже нашъ.»—Страшныя, животворящія тайны Христовы, совершались во мракѣ алтаря пещернаго. Мы стояли въ устьи малаго вертепа, изсѣченнаго для церкви преподобнаго Варлаама. Она была наполнена народомъ, такъ что съ трудомъ могъ я проникнуть сквозь толпу, до мощей преподобнаго.—Тускло горѣли лампады и свѣчи, предъ позлащеннымъ иконо-

стасомъ, отъ спертаго дыханія; но усердна была молитва богомольцевъ, отъ всѣхъ краевъ широкой Руси сошедшихся въ сей подземный пріютъ отшельниковъ, которые просвѣтили ее вѣрою. Хотѣлось бы дослушать и сію вторую литургію въ нѣдрахъ земли, но надобно было продолжать подземное странствіе, чтобы избѣжать тѣсноты отъ народа, который, по окончаніи литургіи, также пойдетъ поклониться св. угодникамъ.

Мы поворотили сперва на лѣво, въ тѣсный переходъ, чтобы поклониться четыремъ угодникамъ: Никодиму просфорнику Печерскому, тридцать лѣтъ подвизавшемуся въ семъ благочестивомъ трудѣ; затворникамъ Лаврентію и Аѳанасію, который воскресъ послѣ двухдневной смерти, и поучивъ братію тремъ вещамъ: послушанію, покаянію и молитвѣ, самъ заключился еще на двѣнадцать лѣтъ; и Еразму, искупившему себѣ спасеніе душевное, вольнымъ пожертвованіемъ всего своего имущества храму Божіей Матери. Потомъ мы пошли обратно, мимо того же устья церковнаго, ко гробу Луки, экономa Печерскаго, и снова послышалось намъ дальнее пѣніе изъ церкви.—Уже тайны божественныя совершились и воспѣвалась похвальная пѣснь, ублажавшая пречистую Матерь закланнаго на престолѣ Агнца: «честнѣйшую Херувимъ и славнѣйшую безъ сравненія Серафимъ.» Звуки сіи, едва слышимые вдали, слѣдовали за нами въ пещерахъ, какъ отголосокъ райской пѣсни, достигавшій въ слухъ земли.

Недалеко отъ церкви, въ маломъ углубленіи, почиваютъ четыре отшельника: Агапитъ, врачъ безмездный, всѣхъ исцѣлявшій молитвою, который началъ свой христолюбивый подвигъ еще при Антоніѣ, и возставилъ, заочно посланнымъ зеліемъ, съ смертнаго одра, самаго великаго Мономаха; два брата Іоаннъ и Ѳеофилъ, изъ коихъ первый, по гласу святаго гробокопателя Марка, подвигся уже мертвый на своемъ могильномъ одрѣ, чтобы уступить почетное мѣсто старшему брату, а тронутый симъ послушаніемъ Ѳеофилъ провелъ остатокъ дней своихъ въ неизсякаемыхъ слезахъ; здѣсь и священномученикъ Кукша, просвѣтившій, словомъ евангельскимъ, всю Вятскую страну и тамъ умерщвленный стрѣлами дикихъ.— Кто исчислитъ имена ваши и дѣянія, святые Печерскіе, открыто или въ затворѣ почивающіе, по сторонамъ тѣснаго перехода?—Здѣсь Нектарій и Алексій затворникъ, Григорій иконописецъ, Сергій послушливый и Савва.—И св. Меркурій, Епископъ Смоленскій, прославленный чудесами на своей родинѣ, пришелъ упокоиться въ мирный вертепъ вашъ; святительская мантія, надъ каменною плитою, свидѣтельствуетъ о мѣстѣ его погребенія.

«Что изображаетъ икона сія, надъ ракою одного изъ преподобныхъ?» спросилъ я Владыку, и онъ отвѣчалъ мнѣ: «это ангельское постриженіе Пимена многоболѣзненнаго.—Больнымъ родился онъ на свѣтъ, больнымъ выросъ и жилъ до старости; но за то бо-

ЧИТАЛЬНЯ
Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР

лѣзнь тѣлесная не дала въ немъ мѣста душевной. Пламенно желалъ онъ иночества; но родители ему долго въ томъ препятствовали, доколѣ сами не были вынуждены принести его въ обитель, дабы тамъ исцѣлился молитвами; но вмѣсто исцѣленія, котораго не желалъ самъ болящій, Ангелы пришли къ нему ночью, въ видѣ игумена съ братіею, и постригли его въ иноческій образъ. Они нарекли его Пименомъ и предсказали долгую болѣзнь, до смертнаго часа. Игуменъ, уразумѣвъ таинственное постриженіе, не смѣлъ повторять онаго. Пименъ, исцѣляя другихъ, самъ еще двадцать лѣтъ пролежалъ на одрѣ болѣзни, и только тогда, какъ пришли за душею его постригавшіе Ангелы, всталъ исцѣленный и обошелъ всѣ келліи, чтобы проститься съ братіею.—Будешь ли теперь помнить, что изображаетъ сія святая икона?—Вотъ, недалеко отъ Пимена многоболѣзненнаго, преподобный Несторъ, котораго вы особенно чтите въ мірѣ, какъ именитаго лѣтописца; мы же здѣсь еще убламаемъ его и какъ великаго подвижника нашей лавры, сотрудника Антоніева и Ѳеодосіева; ибо онъ, съ юнаго возраста, посвятилъ себя Богу, въ сихъ пещерахъ, и сперва сохранилъ заповѣди Христовы на самомъ дѣлѣ, а потомъ соблюлъ дѣла святыхъ своихъ сожителей словомъ истины.»—При гробѣ его на стѣнѣ находится мѣдная вызолоченная доска съ вырѣзанными на ней словами: преподобному Нестору лѣтописцу отъ общества исторіи и древностей Россійскихъ.

Рядомъ съ лѣтописцемъ, мученикъ Евстратій, не имъ однако описанный. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ Половцами, при разореніи лавры ханомъ Бонякомъ, и проданъ, съ другими пятьюдесятью иноками Печерскими, Корсунскому Еврею. Евстратій поддержалъ ихъ всѣхъ въ истинной вѣрѣ, и самъ сподобился крестной смерти, въ самый день Пасхи, за исповѣданіе имени Господа Іисуса Христа, предъ своимъ жестокимъ мучителемъ.—Образъ его страданія поставленъ надъ его ракою. Далѣе два затворника, заложенные въ своихъ келліяхъ, которые послужили имъ и гробомъ: Элладій и Іеремія прозорливый, обличавшій сокровенные помыслы братій. Еще далѣе два мученика, вольный и невольный, другъ противъ друга. Моусей, родомъ Угринъ, любимый отрокъ святаго страстотерпца Князя Бориса, избѣжалъ мученической смерти господина своего, но отведенный въ плѣнъ Королемъ Болеславомъ, подвергся тамъ жесточайшимъ истязаніямъ, отъ нѣкоей именитой жены Польской, за любовь свою къ цѣломудрію. Подобно Іосифу, преодолѣлъ онъ всѣ искушенія и, послѣ шестилѣтней муки, укрылся въ пещеры къ преподобному Антонію, гдѣ довершилъ подвигъ святой жизни, сохранивъ по смерти благодатный даръ, укрѣплять въ цѣломудріи притекающихъ къ его нетлѣннымъ мощамъ.—Противъ него вкопалъ себя въ землю, по самыя перси, иной ревнитель тойже добродѣтели, Іоаннъ многострадальный. Палимый нечистою страстію,

услышалъ онъ надъ гробомъ преподобнаго Антонія тайный голосъ, что обрѣтетъ себѣ избавленіе при мощахъ невѣдомаго ему Угрина, и, движимый вѣрою, ископалъ себѣ глубокую яму предъ его ракою; тамъ засыпалъ себя землею, сперва на дни великаго поста, а потомъ и на всю жизнь, и уже опаляемый, не страстію, но страшнымъ призракомъ діавольскимъ, пребылъ твердъ въ своемъ ужасномъ подвигѣ, и даже исцѣлилъ, отъ той же страсти, притекшаго къ нему брата, костію отъ преподобнаго Моисея. Честная глава его и крестообразно сложенныя руки, повитыя пеленами, доселѣ выходятъ изъ-подъ земли, какъ нѣкій таинственный столпъ, во утвержденіе вѣры и чистоты.

Владыка съ благоговѣніемъ остановился предъ симъ изумительнымъ страдальцемъ, котораго подвигъ невольно поразитъ и остановитъ каждаго, идущаго мимо, путемъ гробоваго покоя столькихъ святыхъ Божіихъ.—Онъ снялъ съ главы Іоанна шапочку и надѣлъ ее на меня, говоря мнѣ, съ теплымъ чувствомъ искренней вѣры: «скажи мнѣ, видѣлъ ли ты гдѣ-либо, что-либо сему подобное?—Вотъ подвигъ, которому чуждо должно быть пытливое: како и почто? внушаемыя сознаніемъ человѣческой немощи предъ симъ образцемъ силы Божіей.—Молись только и прославляй Бога за его угодниковъ!»

Я наклонился въ малую пещеру, гдѣ стоялъ преподобный, чтобы цѣловать многострадальную главу

его, и едва поднялся отъ земли, какъ опять услышалъ голосъ Владыки: «вотъ еще два великихъ подвижника, разные по рожденію, соединенные здѣсь смертію: Марку пещернику повиновались мертвые, ибо для нихъ трудился преподобный всю свою жизнь, искапывая гробы усопшей братіи; а Никола Святоша былъ сынъ Князя Черниговскаго и правнукъ великаго Ярослава. Видишь ли, какъ въ каждомъ состояніи, вѣсть Господь избранныхъ своихъ, ибо всѣмъ хощетъ спастися и въ познаніе истины пріити. Князь Никола чуждался своего высокаго сана, принималъ на себя самыя трудныя послушанія монастырскія, былъ долго вратаремъ святой лавры и, послѣ тридцатилѣтнихъ подвиговъ, переселился въ вѣчное царствіе въ сихъ пещерахъ; но и Господь прославилъ его чудесами.»

Подлѣ Князя инока покоился другой инокъ Печерскій, утопленный въ Днѣпрѣ его родственникомъ, Княземъ Ростиславомъ, за то, что предсказалъ ему пораженіе отъ Половцевъ. Но чудотворецъ Григорій, такъ названный по своимъ знаменіямъ, явилъ чудо и по смерти, ибо связанное тѣло его обрѣтено было не подъ водою, но въ собственной его келліи, а пророчество Святаго сбылось надъ убійцею. Мы шли далѣе по длинному переходу, гдѣ только два затворника представились намъ на пути, заключенные въ своихъ келліяхъ: Онисимъ и Матѳій прозорливый, и уже мы почти окончили обширный кругъ подземелья, когда опять круто поворотили направо, чтобы покло-

ниться еще нѣсколькимъ угодникамъ, почивающимъ около и въ самой трапезѣ преподобнаго Антонія.

Въ узкомъ переходѣ, къ ней ведущемъ, первый покоится послѣ многихъ трудовъ своихъ, св. Алипій, иконописецъ Печерскій, прославленный многими исцѣленіями, которому Ангелы дописывали его иконы. Онъ научился своему искуству отъ иконописцевъ Греческихъ, дивно присланныхъ изъ Царь-града преподобными Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, черезъ десять лѣтъ послѣ ихъ кончины, для расписанія соборной церкви. Рядомъ съ Алипіемъ, Спиридонъ просфорникъ Печерскій, угасившій мантіею своею пламя въ загорѣвшейся храминѣ. Владыка велѣлъ блюстителю пещеръ снять перчатку съ нетлѣнной руки и она мнѣ открылась, съ православнымъ изображеніемъ знаменія крестнаго, коимъ осѣнилъ себя преподобный, въ часъ блаженнаго своего отшествія къ Богу.—Блюститель пещеръ засвидѣтельствовалъ Владыкѣ, что многіе старообрядцы обратились къ истинѣ, при столь явномъ ея извѣщеніи. Напротивъ сихъ двухъ блаженныхъ почиваютъ: черноризецъ Ареѳа, коему вмѣнено было въ милостыню утраченное имъ имущество, ибо возблагодарилъ за то Господа, и два затворника, Ѳеофилъ и Сисой, въ своихъ келліяхъ. Далѣе, опять открыто, Анатолій, извѣстный только по имени, а въ самой трапезѣ, гдѣ братія собирались по субботамъ, есть еще нѣсколько отшельниковъ Печерскихъ: чудотворецъ Исаія, Авраамій трудолюбивый, Сильвестръ,

Пименъ постникъ, духовнымъ окомъ прозрѣвшій страдальческую кончину священномученика Кукши, и Онуфрій молчаливый. Нѣтъ ихъ жизнеописанія въ Патерикѣ Печерскомъ; но память ихъ, мѣстно чтимая, совершается въ пещерахъ.

Между ними обрѣлъ себѣ мѣсто упокоенія и великій труженикъ Нифонтъ, Епископъ Новгородскій, прозванный отъ современниковъ поборникомъ земли Русской; ибо онъ былъ примирителемъ князей и народа, и непрестанно странствовалъ, съ словомъ правды или мира, по обширному отечеству.—Св Нифонтъ сильно воспротивился избранію Митрополита Кіевскаго Климента, безъ согласія Патріарха Цареградскаго, и даже временно претерпѣлъ заточеніе; но ему не удалось встрѣтить новаго Святителя русскаго, шедшаго изъ Греціи, и его святое тѣло положено было въ пещерахъ, гдѣ начались его иноческіе подвиги.

Митрополитъ остановился на минуту, посреди трапезной келліи, и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «вообрази себѣ, какъ торжественна долженствовала быть та минута, когда однажды, уже въ позднѣйшіе вѣка, близкіе къ нашему, всѣ сіи мертвые во Христѣ, откликнулись на голосъ одного живаго!—Нѣкто Діонисій, настоятель сихъ пещеръ, движимый любовію къ Преподобнымъ, сошелъ въ день Пасхи покадить усопшую братію, дабы и самому имѣть общеніе ихъ духовной радости. Здѣсь, посреди этой самой трапезы,

онъ сказалъ имъ, съ простою вѣрою, отъ избытка сердца: «святые отцы и братіе, сегодня великій «день, Христосъ воскресе!»—и внезапно всѣ они громогласно ему отвѣтствовали: «воистину воскресе»! ибо смиренныя кости ихъ возрадовались и по смерти, о Бозѣ живѣ, и явили въ себѣ его жизнь.»

Послѣ сего утѣшительнаго слова, мы возвратились опять, мимо тѣхъ же тѣлесъ Преподобныхъ, на прежній путь нашъ, по направленію третьей подземной церкви, и достигли сперва гроба св. Епископа Суздальскаго, Симона, взошедшаго на каѳедру изъ сихъ же пещеръ, который, послѣ преподобнаго Нестора лѣтописца, потрудился въ составленіи житій Преподобныхъ Печерскихъ. Почти противъ него, подлѣ исповѣдника Онисифора, почиваетъ, въ серебряной ракѣ, Никонъ, четвертый игуменъ Печерскій, преемникъ блаженнаго Ѳеодосія, котораго онъ самъ постригалъ, ибо прежде него раздѣлялъ подвиги иноческіе съ великимъ Антоніемъ; временно удалившись въ свою тмутораканскую обитель, онъ опять возвратился и былъ избранъ, по гласу братіи, въ настоятели Лавры. За преподобнымъ Никономъ, ближе къ церкви, Ѳеофанъ постникъ, Макарій, Анастасій діаконъ и Авраамій затворникъ, коихъ извѣстны только одни имена. Тамъ же, въ отдѣльномъ покоѣ, почиваютъ и двѣнадцать братій каменосѣчцевъ, трудившихся надъ зданіемъ соборной церкви. Преданіе гласитъ, что всѣ они, кромѣ послѣдняго, отошли къ Господу въ одинъ

день; когда же двѣнадцатый увидѣлъ братію свою уже во блаженномъ успеніи, и хотѣлъ возлечь вмѣстѣ съ ними на вѣчный покой,—онъ не нашелъ себѣ достаточнаго мѣста и одна нога его осталась согбенною подъ мертвеннымъ покровомъ.

Мы взошли въ преддверіе третьей подземной церкви, которая не далеко отъ Варлаамовой, и здѣсь оканчивается пещерный кругъ. Она древнѣе двухъ первыхъ и восходитъ къ началу ближнихъ пещеръ; тамъ поклонились мы мощамъ четырехъ Преподобныхъ: Исаакію, столько испытанному въ затворѣ, страшными искушеніями демонскими; Никону сухому, чудно избѣжавшему Половецкаго плѣна, во спасеніе тому, кто его плѣнилъ; черноризцу Иліи, прозванному Муромцемъ, по мѣсту своего рожденія, и младенцу Іоанну, сыну Варяга, убіеннаго идольскими жрецами, еще до временъ Христіанства Руси.—Внутри же самой церкви, празднующей Введенію во храмъ Божіей Матери, покоятся два угодника, изъ числа иноковъ Печерскихъ: Ефремъ, Епископъ Переяславскій, и Титъ пресвитеръ, дивно возставленный съ одра предсмертнаго, послѣ того, какъ со слезами просилъ прощенія у брата, который былъ съ нимъ во враждѣ. Преподобный Титъ, въ ту самую минуту, какъ просилъ прощенія у діакона Евагрія, воздвигнутъ Ангеломъ Господнимъ отъ одра болѣзни; а отвергшій примиреніе, будучи пораженъ тѣмъ же Ангеломъ, палъ мертвъ и поднятъ братіею какъ-бы давно уже умер-

шій. Симъ страшнымъ и назидательнымъ примѣромъ заключается рядъ преподобныхъ, въ ближнихъ пещерахъ великаго отца ихъ Антонія.

Когда мы взошли въ церковь, тамъ служили молебенъ всѣмъ Преподобнымъ Печерскимъ, и особенно младенцу Іоанну; къ его ходатайству прибѣгали скорбные родители, лишившіеся чадъ своихъ, умоляя о благословенномъ чадорожденіи; ибо такое преданіе искони сохранилось въ пещерахъ. Утѣшительно было слышать краснорѣчивыя стихиры и канонъ преподобнымъ, на самомъ мѣстѣ ихъ гробоваго покоя, съ призываніемъ каждаго по имени, и при напоминовеніи ихъ подвиговъ, то въ частной, то въ общей къ нимъ молитвѣ.

«Постницы богомудріи, васъ не потаила есть земля: Богъ бо изъяви васъ, во всѣхъ концѣхъ вселенныя, чудеса изливающихъ и мyро исцѣленій источающихъ:—Тому помолитеся даровати душамъ нашимъ миръ и велію милость.»

«Радуйся, тучнѣйшая Божія горо Печерская, усыпанная Духомъ! радуйся, раю насажденій безсмертныхъ! въ тебѣ бо благоволи водворятися всегда Богъ нашъ, обогащающій тя чудесъ изліяніи, яже источаеши преподобными его.»

«Христолюбивый граде Кіеве, въ Бозѣ ликуй веселяся, содержащъ яко многоцѣнное сокровище, гражданы твоя въ нѣдрахъ твоихъ, святыя постники же и мученики.»

«Пещеру разбойниковъ, святилище сотвори Израиль; постницы же разбойниковъ обитанія храмы Божія содѣлаша.»

«Крилѣ голубинѣ отъ Бога пріимше, возлетѣсте въ Божія упокоенія, преподобніи духомъ.»

«Егда снидосте во гробы и самѣхъ себе заключисте, тогда страсти умертвивше плотскія, спогребостеся Христу, богоносніи, и діавольскія въ подземныхъ разрушисте ограды; сего ради Ангели вѣнцы съ небесъ вамъ подаютъ.»

«Молите Бога о насъ, преподобніи отцы наши, Антоніе и Ѳеодосіе, и вси преподобніи Печерскіи, яко мы усердно къ вамъ прибѣгаемъ, скорымъ помощникомъ и молитвенникомъ о душахъ нашихъ.»

При выходѣ изъ церкви, Владыка зачерпнувъ святой воды въ мѣдный крестъ Марка пещерника, вкусилъ самъ и далъ мнѣ ее пить, говоря: «подивись воздержанію преподобныхъ, они умѣряли себя не только въ пищѣ, но и въ питіи, принося въ жертву Господу даже самыя невинныя свои хотѣнія, и до конца сокрушая плоть свою, воистину какъ земные ангелы и небесные человѣки».

Тогда мы вышли изъ спасительныхъ пещеръ, но не тѣмъ устьемъ, которымъ въ нихъ спустились; прямо изъ подземелья открылась предъ нами верхняя церковь Воздвиженія честнаго креста, наполненная народомъ, во время поздней литургіи, и первое что поразило слухъ нашъ, послѣ безмолвія пещер-

наго, была Херувимская пѣснь, оглашавшая своды храма сими назидательными словами: «всякое нынѣ, нынѣ житейское, отложимъ попеченіе!» Невозможно было, болѣе во время, внять сему предостереженію Церкви, послѣ всего, что открылось намъ въ нѣдрахъ земли. Народъ столпился около своего Архипастыря; но онъ приложился только къ чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери и поспѣшилъ изъ церкви, чтобы не отвлечь къ себѣ вниманія паствы, которая усердно стремилась за его благословеніемъ.

«Мы посѣтили ближнія пещеры Антоніевы, сказалъ онъ мнѣ на паперти храма, теперь спустимся и въ дальнія преподобнаго Ѳеодосія, дабы и тамъ поклониться святымъ угодникамъ, нетлѣнно почивающимъ въ семъ первоначальномъ жилищѣ подвижниковъ Печерскихъ; ибо оттолѣ возникла вся сія великолѣпная лавра, которую теперь видишь предъ собою».

Пройдя малое пространство на дворѣ монастырскомъ, взошли мы въ длинную крытую галлерею, простирающуюся почти на сто сажень, между ближними и дальними пещерами, которая въ видѣ моста смѣло перекинута черезъ глубокій оврагъ, ихъ раздѣляющій. Вся она усѣяна была нищею братіею, сею внѣшнею стражею священнаго подземелья, которая невольно напоминала о всѣхъ бѣдствіяхъ, какимъ можетъ подвергнуться человѣчество, и чрезъ то возбуждала къ смиренію. Нѣкоторые между ними точно докучливы и искушаютъ терпѣніе мимоходящихъ, но

другіе поистинѣ назидательны, особенно слѣпцы; именемъ Іисуса Христа, живо напоминаютъ они о томъ слѣпцѣ, котораго вопли къ Сыну Давидову напрасно старалась заглушить толпа, доколѣ не призвалъ и не исцѣлилъ его Господь! Есть между сими убогими старцы, которые, въ теченіе цѣлаго дня, сидятъ на пути богомольцевъ и не просятъ милостыни, а только читаютъ въ слухъ псалтирь или акаѳистъ, не обращая вниманія на мимоходящихъ, ни на подаяніе, которое имъ бросаютъ. Какъ сильны, въ устахъ ихъ, сіи трогательныя слова акаѳиста сладчайшему Іисусу: «Іисусе, судія живыхъ и мертвыхъ, Іисусе, надежда ненадежныхъ, Іисусе, утѣшеніе плачущихъ, Іисусе, нищихъ одѣяніе, Іисусе, всѣхъ защищеніе, Іисусе, вдовъ заступленіе, Іисусе, сирыхъ защитниче, Іисусе, труждающихся помоще, Іисусе, странныхъ наставниче, Іисусе, славо нищихъ, Іисусе Сыне Божій, помилуй мя.» Вся сія длинная вереница нищихъ и увѣчныхъ, по обѣимъ сторонамъ деревянной галлереи, есть какъ-бы одна живая строка Евангелія, начертанная человѣческими буквами: «блажени милостиви, яко тіи помиловани будутъ!» (Мат. 5. 7) и счастливъ тотъ, кто безъ ропота и съ терпѣніемъ, проходя мимо, будетъ вспоминать сіи кроткія слова Судіи небеснаго: «аминь, глаголю вамъ, понеже единому братій сихъ моихъ меньшихъ сотвористе, мнѣ сотвористе» (Матѳ. 25. 40).

При окончаніи галлереи, настоятель дальнихъ пещеръ, съ двумя монашествующими, встрѣтили Вла-

дыку, чтобы облегчить ему восходъ къ церкви, стоящей на вершинѣ холма надъ самыми пещерами. Она устроена уже въ позднѣйшія времена, во имя зачатія св. Анны, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла прежде первая деревянная церковь Успенія Богоматери, которую соорудилъ преподобный Ѳеодосій, съ благословенія святаго аввы Антонія, когда уже подземная не могла вмѣщать въ себѣ многочисленной братіи. Изъ нее есть крутой сходъ въ пещеры, но онъ до такой степени тѣсенъ и неудобенъ, что принуждены были сдѣлать иной входъ съ восточной стороны; отъ церкви устроена къ нему внѣшняя галлерея, которая многими ступенями спускается, съ вершины холма, въ малый покой, служащій преддверіемъ пещерѣ. Оттолѣ, со свѣчами въ рукахъ, предшествуемые начальникомъ пещеръ, спустились мы опять въ нѣдра земли, и здѣсь уже ощутительнѣе была сырость, по причинѣ многихъ ключей, находящихся въ сей горѣ, которые для ея безопасности отведены, чрезъ каменныя трубы, къ Днѣпру.

Послѣ довольно долгаго хода въ подземельи, ничѣмъ не ознаменованнаго, мы достигли до трехъ затворовъ, преподобныхъ Пафнутія, Аѳанасія и Діонисія; житія ихъ, такъ какъ и всѣхъ прочихъ угодниковъ Печерскихъ, почивающихъ къ сихъ дальнихъ пещерахъ, не описаны въ патерикѣ, послѣ сихъ затворниковъ, первый открыто почивающій угодникъ представился мнѣ Ѳеофилъ, знаменитый Архіепископъ

Новгородскій, заточенный въ Чудовѣ монастырѣ, при покореніи Новгорода Іоанномъ III. На одной старинной иконѣ, находившейся при мощахъ Ѳеофила, записано было слѣдующее преданіе: «великій Нифонтъ, Епископъ Новгородскій, почивающій въ ближнихъ пещерахъ, явился собрату своему Ѳеофилу, во время его болѣзни, и напомнилъ данный обѣтъ: поклониться преподобнымъ Печерскимъ. Уже онъ приближался по Днѣпру къ Кіеву, когда болѣзнь усилилась и Святитель Новгорода имѣлъ, при послѣднемъ издыханіи, откровеніе отъ Господа, что самъ онъ не доплыветъ живымъ до желанныхъ пещеръ, но тѣло его упокоится тамъ, вмѣстѣ съ преподобными, и такъ исполнилось надъ нимъ сіе пророчество.»

Четыре преподобныхъ Печерскихъ: Зинонъ постникъ, Григорій чудотворецъ, Ипатій цѣлебникъ и священномученикъ Лукіанъ, почиваютъ между ракою послѣдняго Архіепископа великаго Новгорода, избраннаго на вѣчѣ, и современнымъ ему Княземъ Ѳеодоромъ Острожскимъ, который, не менѣе своего славнаго внука Князя Константина, подвизался за православіе, въ тяжкую годину гоненій Латинскихъ, и окончилъ въ схимѣ подвигъ, начатый въ мантіи княжеской.—Нѣсколько далѣе, пройдя мощи діакона Мартирія и схимника Иларіона, около затвора преподобнаго Лаврентія, находится заключенный входъ въ древнія Варяжскія пещеры; въ сіи невѣдомыя подземелья, простирающіяся, какъ полагаютъ, даже подъ самый

Днѣпръ и частію обвалившіяся, очень далеко не ходятъ. Поклонившись еще св. мощамъ, чудотворца Моисея, болѣзненнаго Іосифа и схимника Сисоя, Митрополитъ остановился предъ одною ракою и сказалъ: «вотъ и преподобный Несторъ некнижный, отличенный симъ смиреннымъ названіемъ отъ лѣтописца. И такъ есть у насъ Несторъ книжный, есть и некнижный, дабы и простые люди утѣшились тою мыслію, что не многимъ ученіемъ, а многими трудами, вѣрою и любовію, достигнемъ небеснаго царствія.»

Преподобный Несторъ почиваетъ у входа въ малую подземную церковь Благовѣщенія, которая едва ли не была древнѣйшею изъ всѣхъ пещерныхъ; ее ископали еще святые отцы сихъ подземелій, ибо къ ней направленъ крутой спускъ изъ верхней церкви Зачатія, замѣнившей подземную, и недалеко отъ нее древнія варяжскія пещеры; да и вокругъ оной, въ большемъ количествѣ, стѣснились преподобные, посмертные жители сихъ вертеповъ, начиная отъ затворника Пафнутія и до воина Тита; отъ его гроба открывается иной переходъ, въ другую часть подземелья. Здѣсь же, въ самой церкви Благовѣщенія, положена и святая игуменія Евфросинія, дочь Князя Полоцкаго, которая скончалась во время своего странствованія въ Іерусалимѣ и перенесена была въ Кіевъ братьями, ей сопутствовавшими. Пименъ постникъ, и святые отроки, Леонтій и Геронтій, канонархи Печерскіе, почиваютъ открыто въ обширномъ преддверіи

церкви преподобнаго Θеодосія, которая устроена уже въ началѣ XVII вѣка, по описанію Кальнофойскаго, и соединяется длиннымъ переходомъ съ церковію Благовѣщенія; галлерея сія также освящена тѣлесами Преподобныхъ.

«Посмотри, сказалъ мнѣ Владыка, какіе отроки, невинные по самому возрасту, достигали трудными подвигами до небеснаго царствія, въ нашей святой Лаврѣ.» Такъ говоря, онъ ввелъ меня въ келлію, подобную Антоніевой, какую видѣлъ я въ ближнихъ пещерахъ, съ каменнымъ ложемъ въ углубленіи, надъ коимъ теплилась лампада. «Это келлія преподобнаго Θеодосія, сказалъ съ умиленіемъ Владыка, простершись предъ его ложемъ; это мѣсто освящено подвигами его долголѣтней иноческой жизни; здѣсь сердце Лавры!»—Помолчавъ немкого, отъ избытка чувствъ преисполнившихъ сердце, онъ продолжалъ: «скажи Преосвященному Московскому, когда его увидишь,—что медлитъ онъ посѣтить святыню Печерскую? При освященіи храма, что надъ гробомъ преподобнаго Михея, не онъ ли жаждалъ видѣть, хотя на минуту, убогую келлію Сергіеву, въ томъ видѣ, какъ она была во дни Преподобнаго, подышать ея воздухомъ, еще трепетавшимъ молитвами Святыхъ!... Но въ Лаврѣ Сергіевой уже нѣтъ и слѣдовъ его келліи; указываютъ одно лишь мѣсто ея, великолѣпно украшенное! А здѣсь, здѣсь все еще дышетъ простотою временъ Θеодосія: посмотри, это собственныя стѣны

ПОЛТАВА.

его келліи; нельзя было измѣнить ихъ, онѣ ископаны имъ въ землѣ!—Это его, его ложе; на этомъ помостѣ онъ молился, здѣсь онъ плакалъ, и этотъ прагъ точно истертъ ногами Святыхъ. Скажи ему,—что же медлитъ посѣтить насъ?—Здѣсь утолилась бы его благочестивая жажда! здѣсь, вмѣстѣ съ сладкою памятію уже усопшихъ во Христѣ Преподобныхъ, обрѣтетъ онъ и искреннюю любовь еще живой своей собратіи»

Глубоко тронутый, молча слѣдовалъ я за Владыкою изъ келліи преподобнаго Ѳеодосія, вдоль тѣснаго перехода, идущаго кругомъ его церкви. Нѣсколько праздныхъ углубленій, изготовленныхъ для св. мощей, видны были по сторонамъ, въ стѣнахъ пещерныхъ. «Мѣста есть еще, но по грѣхамъ нашимъ нынѣ уже не кѣмъ ихъ исполнить! сказалъ со вздохомъ Владыка, проходя мимо, и этотъ отрокъ насъ обличаетъ!» онъ указалъ на мощи Геронтія, другаго канонарха Печерскаго.—Захарія постника, схимника Силуана, Агаѳона чудотворецъ и Игнатій, архимандритъ Печерскій, почиваютъ еще въ томъ же переходѣ, на концѣ коего достигли мы до бывшаго гроба преподобнаго Ѳеодосія, противъ входа въ церковь Рождества Христова.—Гробъ сей устроенъ въ углубленіи, совершенно по образцу Антоніева: ликъ Преподобнаго изображенъ на доскѣ и богатое паникадило освѣщаетъ по сторонамъ три иконы, Богоматери и святыхъ основателей Лавры, въ серебряныхъ ри-

захъ.—Въ темнотѣ подземелья, въ полусвѣтѣ лампады, невольно вспомнилъ я надъ гробомъ Преподобнаго, живой и пространный разсказъ Нестора лѣтописца, объ открытіи святыхъ мощей Ѳеодосія, восемнадцать лѣтъ послѣ его блаженной кончины.

«Истинно и вѣрно разскажу вамъ, говоритъ Несторъ, ибо не отъ другихъ о томъ слышалъ, но самъ былъ начальникъ дѣлу сему. Пришелъ ко мнѣ игуменъ Іоаннъ и сказалъ: пойдемъ, чадо, къ преподобному Ѳеодосію, и мы пришли въ пещеру, тайно отъ всѣхъ; разсмотрѣвъ же мѣсто, назначили, гдѣ раскопать, и удалились. Тогда игуменъ сказалъ мнѣ: возьми съ собою кого хочешь, чтобы помогъ тебѣ, но кромѣ тѣхъ никому не говори, чтобы никто изъ братіи не узналъ, доколѣ не вынесемъ св. мощи изъ пещеры. Я устроилъ въ тотъ же день орудія для копанія; это былъ вторникъ, и въ глубокій вечеръ взялъ я съ собою двухъ изъ братій, мужей чудныхъ въ добродѣтели: тайно отъ всѣхъ мы пришли въ пещеру, гдѣ сотворивъ молитвы съ поклоненіемъ и воспѣвъ псаломное пѣніе, устремились на дѣло. Я началъ копать, и много потрудившись, вручилъ лопату другому; но копая до самой полуночи, мы не могли обрѣсти честныхъ мощей Святаго, и стали много скорбѣть, испуская слезы изъ очей, ибо помышляли, что Святой не благоволитъ себя намъ явить; и вотъ пришла намъ иная мысль: не копаемъ ли мы въ другую сторону?—Тогда я опять взялъ орудіе и сталъ

прилежнѣе копать; одинъ изъ бывшихъ со мною братій стоялъ предъ пещерою, и услышавъ било церковное, ударяющее къ утрени, возгласилъ ко мнѣ, что уже ударили въ церковное било. Я же прокопалъ тогда надъ честными мощами Святаго и отвѣчалъ ему: прокопалъ и я уже, брате! когда же прокопалъ, внезапно объялъ меня страхъ великій и я началъ взывать: преподобнаго ради Ѳеодосія, Господи, помилуй мя!—Потомъ послалъ къ игумену сказать: прійди, отче, да изнесемъ честныя мощи преподобнаго, и пришелъ игуменъ съ двумя изъ братіи; я же прокопалъ болѣе и наклонившись увидѣлъ мощи святолѣпно лежащія: ибо составы были всѣ цѣлы и непричастны тлѣнію, лице свѣтло, очи сомкнуты и уста, власы же присохли ко главѣ; и такъ возложивши на одръ честныя мощи Святаго, мы вынесли ихъ изъ пещеры.»

Церковь Рождества Христова, весьма древняя, ибо она ископана была руками преподобныхъ печерскихъ, смѣжна съ церковію святаго Ѳеодосія; но мы не взошли въ сію послѣднюю, потому что она была наполнена народомъ, который въ ней оставался послѣ литургіи, для слушанія панихиды; благочестивые поклонники особенно любятъ совершать ихъ въ пещерахъ, тамъ гдѣ столько нетлѣнныхъ угодниковъ свидѣтельствуетъ о грядущемъ воскресеніи. У входа въ церковь, Владыка помазалъ меня муромъ, истекавшимъ изъ одной мироточивой главы, предъ коей горѣла

свѣча въ углубленіи пещеры. Потомъ, въ преддверіи церкви Рождественской, мы поклонились благоговѣйно части мощей одного изъ младенцевъ, убіенныхъ Иродомъ въ Виѳлеемѣ, которую Патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ принесъ въ благословеніе Лаврѣ; наконецъ приблизились къ послѣдней ракѣ Логгина, вратаря Печерскаго.

«Вотъ и вратарь, блюдетъ врата пещерныя, сказалъ мнѣ Владыка; имъ заключается рядъ столькихъ Преподобныхъ.—Ты видѣлъ предъ собою цѣлый подземный міръ христіанскій и всѣ степени церковныя: Святителей, пресвитеровъ, діаконовъ, схимниковъ, затворниковъ, мучениковъ, благочестивыхъ женъ и дѣвъ, отроковъ и даже воиновъ: отъ князя до послѣдняго вратаря, все здѣсь обрѣтается, иногда же князь и вратарь въ одномъ смиренномъ лицѣ, какъ преподобный Никола Святоша Черниговскій. Всѣхъ призываетъ ко спасенію Господь, всѣмъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити, лишь бы только шли на спасительный зовъ сей. Памятуй видѣнное тобою и, молитвами Преподобныхъ Печерскихъ, да обрѣтешь и ты спасеніе.» При сихъ назидательныхъ словахъ вышли мы изъ подземной церкви Рождества Христова, какъ бы изъ вертепа Виѳлеемскаго, и поднявшись нѣсколькими ступенями къ восточному устью дальнихъ пещеръ, вступили опять въ малое ихъ преддверіе, а оттолѣ на открытый балконъ, съ коего открывается обширный видъ на Днѣпръ и необозримое за нимъ пространство во всѣ стороны.

Какъ выразить все, что поразило взоры, что взволновало душу при столь внезапномъ переходѣ изъ мрака пещернаго на Божій свѣтъ?—Первое чувство была безотчетная радость, первымъ дѣйствіемъ свободный вздохъ!—расширилась грудь и жаждала напитаться этимъ чистымъ ароматическимъ воздухомъ, который сталъ отогрѣвать ее послѣ сырости подземной; глубокіе внутренніе помыслы на минуту уступили впечатлѣніямъ внѣшнимъ; но они были невинныя, дѣтскія: все утѣшало въ природѣ и на ея привѣтливую улыбку невольно улыбалось сердце; человѣкъ дѣлался ребенкомъ!—Никогда краше не представлялась мнѣ Божія вселенная: ярче сіяло солнце и прозрачнѣе струился синій Днѣпръ; какъ нѣкое море разстилался онъ предъ глазами, которые только что освободились отъ тѣсноты пещерной и весело разбѣгались внизъ и вверхъ, по его привольному простору; безпредѣльнымъ казалось лѣсистое Заднѣпровье, подъ легкимъ полуденнымъ паромъ яркаго небосклона.—Это было далеко, какъ-бы въ другомъ мірѣ, на который я смотрѣлъ изъ своего пещернаго устья. А подъ самымъ навѣсомъ, гдѣ я стоялъ, какая пышная зелень, по дикимъ обрывамъ, бѣгущимъ къ рѣкѣ, какія бѣлыя хижины живописно раскинуты по утесамъ!—Глубокимъ Днѣпромъ рѣзко отдѣляется Кіевскій міръ, проникнутый своею святынею, и полуденный край, дышущій своимъ роскошнымъ воздухомъ, отъ противоположной какъ-бы чуждой стороны. Я

стоялъ неподвижно, подъ легкимъ шелестомъ листьевъ нависшихъ надо мной тополей; я вглядывался все глубже и глубже въ эту очаровательную картину, которая какъ будто меня оковала, когда услышалъ за собой голосъ: «а царствіе небесное лучше!»— Невольно вздрогнулъ я и оглянулся; позади меня стоялъ Владыка, и съ кроткою отеческою улыбкою смотрѣлъ, какъ я любовался впѣшними красотами природы. «Такъ ли скоро забыты пещеры? сказалъ онъ; все это оставили отшельники, чтобы заключиться въ нѣдра земли! теперь ты лучше поймешь ихъ подвигъ.—Но время уже намъ возвратиться,» и мы медленно пошли, по крутому восходу тѣхъ же длинныхъ галлерей, въ св. Лавру.

Такъ совершилось первое мое хожденіе въ подземныя обители преподобныхъ Печерскихъ: слѣдующіе дни я посвятилъ осмотру храмовъ и обителей Стараго Кіева, отложивъ посѣщеніе самой Лавры, до того времени, когда переселился самъ въ ея стѣны.

III.

ХРАМЪ ПЕРВОЗВАННАГО.

Станемъ на горахъ Кіевскихъ, тамъ, отколѣ, по выраженію преподобнаго Нестора, пошла Русская земля: ибо свѣтъ истины, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, есть духовное начало всякаго царства!—Поклонимся тому мѣсту, на коемъ стояли священныя стопы Апостола, просвѣтителя Руси! Воскликнемъ ему, отъ полноты сердца, вмѣстѣ съ Пророкомъ: «коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая!» Ибо дѣйствительно «во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ!»—О какъ драгоцѣнно для сердца каждаго Русскаго сіе отечественное преданіе!—Первозванный изъ Апостоловъ идетъ во мракъ Скиѳіи, въ край ему невѣдомый, но вѣдомый Богу, предъизбравшему себѣ и въ немъ вѣрныхъ служителей, какъ между прочихъ языковъ. На вершинѣ одного изъ холмовъ Кіевскихъ водружаетъ Андрей побѣдную хоругвь, крестъ искупленія, съ пророческимъ словомъ: «что на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, и градъ великій возникнетъ, и церкви многія

воздвигнетъ въ немъ Богъ.»—И вотъ тысяча лѣтъ, который предъ Богомъ, какъ день вчерашній, уже протекшій, или какъ одна стража ночная,—миновались, и предки наши увидѣли событіе словъ апостольскихъ, которому доселѣ дивимся мы, ихъ поздвѣйшіе потомки.—Такъ не упадаетъ тощимъ на землю ни одинъ глаголъ Божій, и крестъ, насажденный Апостоломъ, разросся спасительнымъ древомъ, осѣнившимъ собою цѣлую Русь!

На Старомъ Кіевѣ ударяли ко всенощной, у св. Софіи и въ обители Архангела, по случаю праздника Всемилостиваго Спаса; но, минуя древнія святилища, предпочелъ я идти въ храмъ Первозваннаго, чтобы тамъ присутствовать, при торжественномъ изнесеніи честнаго креста, которое совершается на сей всенощной; я хотѣлъ поклониться кресту, на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые водрузилъ его Апостолъ, въ отечествѣ нашемъ. Хотя великолѣпна самая церковь, по чрезвычайной красотѣ и смѣлости своего зодчества; но убогое священнослуженіе, по бѣдности причта, не могло бы, казалось, произвести того впечатлѣнія, какое невольно проникаетъ душу при внѣшнемъ благолѣпіи; ибо и оно необходимо для возвышенныхъ обрядовъ православной церкви. Когда же однако, при тихомъ пѣніи: «Святый Боже,» священникъ поднялъ съ престола крестъ, увѣнчанный цвѣтами, и вынесъ его изъ алтаря на средину церкви; когда потомъ простерся онъ, предъ симъ залогомъ нашего

спасенія, приглашая къ тому же всю церковь: «кресту твоему покланяемся, Владыко, и святое воскресеніе твое славимъ!»—невольное умиленіе проникло въ сердце. Всѣ отечествія языковъ призывались къ поклоненію спасительнаго древа, на коемъ распятъ былъ за насъ Царь славы, и наше Славянское племя въ числѣ прочихъ языковъ; здѣсь же, на горахъ Кіевскихъ, было первое ему поклоненіе, обновленныхъ вѣрою предковъ нашихъ!

Отрадно слышать и родственныя имена святыхъ угодниковъ, къ заступленію коихъ притекаетъ Церковь, въ своихъ молитвахъ, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ они подвизались при жизни, или упокоились послѣ блаженной кончины.—Невольно вздохнешь при имени равноапостольныхъ Владиміра и Ольги, которые опочили за нѣсколько шаговъ, подъ сводами Десятинной церкви, и двухъ первыхъ страстотерпцевъ изъ числа Князей Русскихъ, здѣсь же воспитанныхъ, въ теремѣ отца ихъ Владиміра, и св. Князя Игоря, который наслѣдовалъ ту же участь и тотъ же вѣнецъ.—Не въ сосѣдней ли обители Михайловской дѣвственныя мощи великомученицы Варвары? не у святой ли Софіи священномученикъ Макарій, Митрополитъ Кіевскій? А первый Святитель всея Руси, Михаилъ, и великіе труженики Антоній и Ѳеодосій, съ ликомъ всѣхъ преподобныхъ Печерскихъ, не охраняютъ ли доселѣ своими молитвами и священную Лавру и богоспасаемый градъ?—Всѣ здѣсь такъ близко, что го-

товы, кажется, откликнуться на первый молитвенный зовъ; ибо сіи небесные граждане, и въ гробахъ своихъ, еще остались гражданами земной своей отчизны. Они были первыми поселенцами Кіева, они и послѣдними; къ нимъ, а не къ современникамъ, стекаются донынѣ усердные поклонники.

По окончаніи всенощной, священникъ пригласилъ меня въ алтарь, чтобы посмотрѣть на горнемъ мѣстѣ, прекрасную картину Вечери Тайной, копію съ Рубенса, которую, какъ говорятъ, пожертвовала храму Первозваннаго Императрица Екатерина. Время и сырость уже много испортили сей замѣчательный образъ. Я спросилъ о времени построенія самой церкви, вполнѣ достойной зодческаго генія графа Растрелли и благочестія Императрицы Елисаветы.

«На будущій годъ должны праздновать юбилей сего храма, отвѣчалъ мнѣ отецъ Іаковъ, если только считать отъ его заложенія, потому это зданіе совершилось не менѣе какъ въ двадцать три года, отъ чрезвычайной глубины фундамента, превосходящей высоту церкви. Императрица Елисавета Петровна присутствовала сама при заложеніи храма, которое совершалъ знаменитый Митрополитъ Кіева Рафаилъ.»

Мнѣ любопытно было узнать также: что стояло прежде 1744 года, на этомъ священномъ холмѣ, отколѣ пролилось Христіанство на Русь? и отецъ Іаковъ сказалъ: «сперва деревянная церковь, во имя Воздвиженія честнаго креста, сооружена была неподалеку отъ нынѣш-

ней, если не ошибаюсь, въ началѣ XIII вѣка, В. Княземъ Мстиславомъ Романовичемъ, а въ XVI вѣкѣ ее замѣнила каменная.—Впрочемъ, я самъ здѣсь недавно, скромно прибавилъ мой собесѣдникъ, и не могу всего объяснить вамъ съ тою подробностію, какой бы вы желали.»

Однако я просилъ его выйти, вмѣстѣ со мною, на широкую паперть, окружающую церковь, чтобы съ этой возвышенной каѳедры разъяснить мнѣ всю окрестность; ибо живописная паперть, поднятая на пятьдесятъ ступеней отъ вершины стараго Кіева, господствуетъ надъ всѣми окрестными холмами, и дѣйствительно подобна горней каѳедрѣ, отколѣ Апостолъ, какъ-бы и понынѣ, проповѣдуетъ Руси евангеліе царствія.

«Начнемъ съ Стараго Кіева, который открывается намъ прямо противъ дверей церкви, сказалъ я, и потомъ мы пойдемъ, по чину церковному, противъ солнца, кругомъ всего собора; здѣсь каждый шагъ какъ-бы отрывокъ лѣтописи, по священнымъ воспоминаніямъ древности.»—Зданіе Десятинной церкви заслонило отъ насъ великолѣпную громаду св. Софіи, которая такъ украшаетъ весь Старый Кіевъ; но радуясь благолѣпію новаго храма, я вспоминалъ однако съ любовію о бывшей здѣсь убогой церкви, надъ гробомъ равноапостольнаго Князя.—«Скажите мнѣ, какія церкви видны вдали, направо отъ Десятинной?»

«Одна Срѣтенская, гдѣ къ чудотворной иконѣ Богородицы—радости всѣхъ скорбящихъ, собираются

каждую субботу благочестивые жители Кіева, для слушанія акаѳиста; а другая, во имя Вознесенія Господня, стоитъ въ предмѣстьи Кіева: обѣ недалеко отъ древнихъ Львовскихъ воротъ, которыя уже теперь не существуютъ.»

Мнѣ пришло на мысль, что память ихъ, весьма соотвѣтствуетъ титлу Галицкаго, которое сохранили и донынѣ Митрополиты Кіевскіе: оно свидѣтельствуетъ, что въ ихъ каѳедральномъ городѣ еще не забыта ихъ древняя церковная область, нѣкогда православный Львовъ.

«Можетъ быть вамъ извѣстно преданіе наше, продолжалъ отецъ Іаковъ, что палаты равноапостольнаго Князя Владиміра стояли на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь домъ обновителя Десятинной церкви. Вотъ предъ самою оградою Михайловской обители и первая церковь, основанная просвѣтителемъ Руси, во имя Ангела своего, великаго Василія, на томъ холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Здѣсь былъ и прежній спускъ на Подолъ, извѣстный подъ именемъ Боричева взвоза, по лѣтописи Несторовой. Церковь сія, послѣ разоренія Татарскаго, была также обновлена Митрополитомъ Петромъ Могилою, который оставилъ по себѣ благую память во всѣхъ священныхъ зданіяхъ Кіева.»

Я стоялъ и смотрѣлъ и безмолвствовалъ: вокругъ меня носились призраки минувшаго, и старый Кіевъ возставалъ предо мною въ полномъ смыслѣ сего громкаго имени; въ понятіяхъ моихъ смѣшалось различіе

дней и вѣковъ, и давнее было мнѣ ближе недавняго; но языческій Кіевъ Олега и Святослава невольно уступалъ, въ моемъ воображеніи, благодатному Кіеву Ольги и Владиміра.—Теремъ, гдѣ еще отрокомъ внималъ онъ ученію мудрой бабки, и гдѣ въ зрѣломъ возрастѣ избралъ себѣ ея вѣру; требище идольское, нѣкогда обагренное кровію мучениковъ, и сокрушенное имъ вмѣстѣ съ кумиромъ: первый храмъ, воздвигнутый Княземъ уже не богу языческихъ отцевъ, но Богу христіанскаго своего потомства; самая гробница просвѣтителя Руси, двигнувшаго ее на стезю вѣчности,—все это подъ рукою, все можно почти осязать, съ того холма, гдѣ я стоялъ и гдѣ впервые водруженъ былъ крестъ Апостоломъ. Вотъ и величественный образъ Ярослава подымается вдали, надъ многоглавымъ соборомъ, знаменуя мѣсто своего покоя и поприще славныхъ подвиговъ долголѣтняго княженія.—Св. Софія, свѣтлый вѣнецъ Ярослава, уцѣлѣвшій при распаденіи его столицы; она же и каменный щитъ, осѣнившій прахъ его!—И первый Митрополитъ Михаилъ, основатель златоверхой обители Архангельской, и великій ея довершитель Мономахъ, отдѣляясь отъ прочаго сонма Святителей и Князей, какъ-бы видимо стоятъ здѣсь, на стражѣ своихъ дѣяній, въ недоступномъ для насъ величіи:—такъ ожила внезапно древняя ихъ столица, своими безсмертными усопшими!—Я стоялъ и смотрѣлъ и безмолствовалъ.

«Обратимся къ востоку, сказалъ я наконецъ стоявшему подлѣ меня священнику, но прежде скажите мнѣ: между малыми усадьбами Стараго Кіева, окружающими Андреевскую гору, есть ли еще какое либо праздное мѣсто?»

«О я бы нашелъ мѣсто, если только угадалъ вашу мысль, радушно отвѣчалъ онъ; вотъ направо свободный участокъ, нѣсколько пониже вала; есть и еще такой же по ту сторону церкви, на самомъ спускѣ, и еще почти у самой подошвы горы, гдѣ находится и вода; потому что родники, бывшіе на вершинѣ холма, проведены для безопастности зданія, въ ископанный нарочно водоемъ. Онъ и донынѣ слываетъ Андреевскимъ, по мѣстному преданію, которое говоритъ, что ключъ живой воды заструился впервые изъ-подъ животворящаго креста, водруженнаго Апостоломъ. Вы его теперь видите, подъ деревяннымъ навѣсомъ, и надъ нимъ склонились густыя ракиты.— Но всѣ эти мѣста слишкомъ открыты для зимней непогоды: древняя усадьба св. Владиміра, на Старомъ Кіевѣ, противъ крыльца церковнаго, болѣе бы удовлетворила вашему желанію.»

«Не хочу таить, что мирное пристанище, подъ сѣнію моего Ангела, посреди воспоминаній отечественныхъ и церковныхъ, былъ часто мечтою юношескаго воображенія: такъ люблю я мечтать и теперь, въ виду древнихъ святилищъ;—но мы опять отклонились отъ нашей цѣли. Какъ величественъ этотъ широкій Днѣпръ,

съ своими пустынными островами, и какъ живописенъ этотъ дальній городъ, кипящій жизнію у нóгъ нашихъ!

Въ самомъ дѣлѣ, трудно вообразить себѣ картину болѣе очаровательную той, какая открывается во всѣ стороны и особенно къ востоку, съ паперти Андреевской церкви. Зеленый, обрывистый скатъ горы усѣянъ бѣлыми хижинами и огородами. У подошвы горы, красивый городъ Подолъ, съ обителями и церквами, широкимъ мысомъ вдается въ мимотекущій Днѣпръ. Съ высоты паперти можно видѣть, какъ на развернутомъ планѣ, направленіе всѣхъ его улицъ, и даже слѣдовать за идущими по ихъ изгибамъ. Вправо, по ту сторону величественной рѣки, необъятна лѣсистая дебрь теряется за дальнимъ небосклономъ; влѣво по сю сторону водъ, цвѣтущая долина тянется вдоль берега, у подножія лѣсистыхъ холмовъ, расположенныхъ амфитеатровъ и разрѣзанныхъ глубокими оврагами. Подгородныя слободы Кіева и веселыя дачи, съ колоннадами итальянскихъ тополей, оживляютъ сію роскошную долину, по которой струится малая рѣчка. Гора Щекавица, мѣсто погребенія Олегова, увѣнчанная церковью всѣхъ Святыхъ, и нѣсколько далѣе бывшая обитель Кирилловская, вся въ рощахъ, образуютъ ближній край долины; а на дальнемъ концѣ ея подымается изъ-за лѣсовъ, надъ самымъ Днѣпромъ, другая лѣтописная гора Хоревица, съ Вышгородомъ, бывшимъ нѣкогда селомъ Ольги. Заходящее солнце, довершало очарованіе, послѣдними лучами позлащая

безчисленные куполы и кресты, и своенравными красками расписывая неспокойныя воды Днѣпра. Но уже легкая пелена тумановъ выпарялась изъ глубокихъ враговъ, какъ розовая завѣса, готовая задернуться надъ дивною картиной природы.

«Эта рѣчка, которая такъ извивается по долинѣ, есть знаменитая Почайна, или, лучше сказать, только ея вершина, сказалъ мнѣ священникъ. Во времена благовѣрнаго Князя Владиміра, она текла подъ самою горою и впадала въ Днѣпръ, около того мѣста, гдѣ теперь воздвигнутъ памятникъ Крещатика; узкая коса отдѣляла ее отъ рѣки, но мѣсто это, затопляемое въ полную воду, мало по малу смывалось; не болѣе однако ста лѣтъ, какъ прокопали каналъ изъ Днѣпра, прямо въ Почайну, на вершинѣ косы, и нахлынувшая вода совершенно уничтожила бывшее между ними разстояніе. Самый Днѣпръ часто мѣняетъ глубокое русло свое, и даже на моей памяти, еще главный протокъ его шелъ гораздо далѣе, за этими островами. Видите ли вдали малое озеро или лучше сказать прудъ въ долинѣ?—Онъ называется Іорданскимъ, по имени обители, уже не существующей; а монастырь такъ названъ былъ оттого, что въ древнія времена, сосудъ, брошенный будто однимъ поклонникомъ въ Іорданѣ Палестинскомъ, чуднымъ образомъ обрѣлся въ монастырскомъ кладезѣ.»

Я попросилъ радушнаго моего собесѣдника назвать мнѣ самыя замѣчательныя обители и церкви Подола,

чтобы по крайней мѣрѣ имѣть общее о нихъ понятіе; мнѣ хотѣлось одушевить, въ моемъ воображеніи, эту каменную массу безимянныхъ зданій, воспоминаніями лѣтописными, или присными именами Святыхъ.

«Первое и лучшее зданіе, возвышающееся на срединѣ Подола, сказалъ онъ, есть Академія духовная, или монастырь Братскій, устроенный, какъ вамъ извѣстно, съ благословенія Патріарха Цареградскаго Іереміи, для просвѣщенія южной Руси и охраненія ея отъ латинства. Вотъ и старая бурса, сооруженная благодѣтелемъ обители, Митрополитомъ Петромъ Могилою, ближе къ Днѣпру, между двухъ церквей, набережнаго Николая и Иліи пророка. Предполагаютъ, что сія послѣдняя стоитъ на мѣстѣ древней, о коей упоминаетъ Несторъ въ своей лѣтописи, надъ ручьемъ, гдѣ присягала Христіанская Русь во времена Игоря.— Послѣ Братскаго монастыря, замѣчателенъ Петропавловскій, переходившій изъ рукъ въ руки; онъ былъ выстроенъ Латинскими монахами, и отданъ православнымъ, когда Малороссія присоединилась при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ; потомъ нѣкоторое время принадлежалъ братіи горы Синайской и наконецъ обращенъ въ семинарію. Вы его видите влѣво отъ академіи, и подлѣ него примыкаетъ къ самой горѣ, своими позлащенными куполами, женская Флоровская обитель, которая была переведена сюда изъ крѣпости Печерской. Гора Киселевка, достояніе обители, покрыта по мѣстамъ дикимъ кустарникомъ и плодонос-

нымъ садомъ. Между обоими монастырями стоитъ довольно обширная церковь, которая пользуется особеннымъ уваженіемъ, Николы Притиска; она такъ названа потому, что однажды воръ, хотѣвшій ее ограбить, былъ притиснутъ сводомъ упадшаго окна.— Есть и еще одна церковь на Подолѣ, во имя Святителя Николая, подъ названіемъ Добраго; ибо къ сему великому угоднику, какъ къ доброму пастырю, притекаютъ молитвенно граждане Кіевскіе, и его святая память преимущественно чтится въ нашемъ благочестивомъ городѣ. Вотъ она совершенно подъ нами, рядомъ съ другою церковью, довольно нарядnаго зодчества, во имя Покрова Божіей Матери, на основаніи древней Армянской церкви; а позади ихъ малый монастырь Греческій, принадлежащій нынѣ горѣ Синайской. Взгляните на городскую площадь, окруженную многочисленными лавками: тамъ стоитъ каѳедральный соборъ Успенія Пресвятыя Богородицы, судя по кладки своихъ камней, едва ли не самый древній изъ храмовъ Подола, и близъ него колодезь, на который совершаются крестные ходы; а нѣсколько далѣе церкви: Воскресенія, князей Бориса и Глѣба и Введенія Богоматери, бывшая св. Власія, на мѣстѣ капища Велесова. Посмотрите теперь на обѣ оконечности Подола, отъ Крещатика къ Оболонью, которое тянется вдоль горы Щековицы:—онѣ обозначены также церквами: Рождества Христова и Равноапостольныхъ Царей Константина и Елены. Теперь я назвалъ вамъ

всѣ храмы Подола, который, какъ вы сами можете видѣть, не уступаетъ въ благочестіи Старому Кіеву, судя по множеству своихъ святилищъ.—Нужно ли еще называть вамъ дальнія въ предмѣстіяхъ: едва замѣтную церковь Іорданскую, нѣкогда обитель, и отдаленный монастырь Кирилловскій, теперь обращенный въ Богоугодное заведеніе?—Мы уже обошли съ вами всю паперть; посмотрите до какой степени крутъ самый спускъ горы Андреевской къ Подолу, и какъ живописно раскинута слобода Кожемяки, по разсѣлинамъ утесовъ и на днѣ глубокихъ ущелій.—Вотъ и любимое кладбище жителей Кіева, на вершинѣ горы Олеговой, у церкви всѣхъ Святыхъ, которая господствуетъ надъ всею окрестностію.»

Я взглянулъ къ западу: солнце совсѣмъ багровое, лишенное всѣхъ своихъ лучей, закатывалось какъ нѣкій щитъ, за горный горизонтъ, и обливало своимъ румянцемъ бѣлую церковь на вершинѣ Олеговой могилы.

IV.

СВЯТАЯ СОФІЯ

Вечернее солнце, искавшее себѣ ночнаго покоища за могилою Олега, ярко озарило, на слѣдующее утро, картину временъ Владиміровыхъ: торжественное освященіе водъ Днѣпровскихъ, какъ-бы во дни перваго крещенія Руси. Митрополитъ, со всѣмъ духовенствомъ, совершалъ торжество сіе, отслуживъ прежде литургію въ обители Братской. При вѣяніи хоругвей, подъ сѣнію древнихъ священныхъ иконъ, на Іордани Днѣпровской, окруженной множествомъ лодокъ и толпами народа, отрадно было слышать церковные гимны, когда погружалось въ воды знаменіе нашего спасенія; отрадно было молиться и думать, что надъ Кіевомъ и всею Русью сбылись, и прорицаніе Первозваннаго Апостола и сія молитва Равноапостольнаго Князя: «Боже великій, сотворившій небо и землю, призри на новыхъ своихъ людей; дай имъ, Господи, увѣдать тебя, истиннаго Бога, какъ увѣдали страны Христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру правую и несовратимую.»

Послѣ гостепріимнаго обѣда, который граждане Кіевскіе давали отъ себя духовенству и властямъ,

въ залѣ собраній, Владыка пригласилъ меня съ собою, въ Софійскій домъ свой, на Старомъ Кіевѣ.—Здѣсь мнѣ представилось трогательное свидѣтельство любви народной къ Пастырю. Едва только услышали колоколъ Софійскій, возвѣщавшій о его приближеніи, какъ толпа богомольцевъ, всякаго званія и возраста, устремилась въ ограду; старики и дѣти, задыхаясь, бѣжали вслѣдъ за каретою, чтобы только принять его благословеніе. «Откуда вы?» спросилъ ихъ, съ отеческою улыбкою, Преосвященный, и въ отвѣтъ ему раздалися дальнія и разномѣстныя имена необъятной Россіи; цѣлуя руку святительскую, они крестились съ радостію, что удостоились принять его благословеніе. «Батюшка, вели намъ отпереть соборъ, еще до вечерни долго ждать,» сказала одна старушка, и радушно отвѣчалъ Владыка: «велю открыть для васъ, дѣти мои.» Онъ послалъ немедленно за ключаремъ, а между тѣмъ взошелъ со мною въ прекрасный садъ, прилегавшій къ дому.

«Утѣшительно видѣть такое усердіе въ нашемъ народѣ, говорилъ мнѣ Владыка; можно ли отказать въ чемъ либо людямъ, которые именемъ Христовымъ, прошли такія пространства, чтобы только удовлетворить своей благочестивой жаждѣ и поклониться святынѣ Кіевской!—дай Богъ, чтобы никогда не оскудѣла вѣра сія;»—Изъ сада взошли мы въ архіерейскія палаты, недавно обновленныя послѣ долгаго запустѣнія. Тогда явился ключарь и Митрополитъ

поручилъ ему показать мнѣ все достойное вниманія, въ соборѣ Софійскомъ, потому что самъ онъ утомился долгимъ служеніемъ.

Прямо противъ дверей митрополіи, мѣдныя врата св. Софіи. Древнее зданіе Ярославово, расширенное съ обѣихъ сторонъ двухъярусными притворами среднихъ временъ, величественно возстаетъ, въ пятнадцати-главомъ вѣнцѣ своемъ, какъ царственная мать всѣхъ святилищъ Россійскихъ. Надъ нею и мимо нее протекли всѣ бури, опустошавшія ея родную землю; внѣшняя своенравная масса ея зодчества свидѣтельствуетъ о сонмѣ вѣковъ, противъ натиска коихъ она устояла, какъ неодолимый утесъ посреди морскихъ волнъ!—Но изъ ея таинственной глубины, изъ-подъ трепетнаго мрака ея уцѣлѣвшихъ сводовъ, доселѣ дышетъ святая родная старина временъ Ярославлихъ!—Переступи порогъ и дохнешь иною жизнію; пусть замкнутся за тобою мѣдныя врата западныя, и за ними міръ; иди все къ востоку, къ той нерушимой стѣнѣ, которая осѣняла собою церковь и Русь, отъ ихъ начальнаго востока и до нынѣшняго яркаго полудня; и когда, въ алтарѣ соборномъ, на сводахъ горняго мѣста, встрѣтитъ тебя, съ воздѣтыми къ небу руками, Молитвенница земли Русской, которой еще молился великій Ярославъ,—тогда пади предъ нею, въ безмолвномъ восторгѣ, и выскажи ей свое сердце, если есть еще слова въ такія минуты!

Ростъ ея исполинскій, какъ и всѣ дѣла ея на

святой Руси; она стоитъ на золотомъ камнѣ, въ незыблемое основаніе всѣхъ притекающихъ къ ея защитѣ; небеснаго цвѣта ея хитонъ, червленный поясъ, и на немъ виситъ лентіонъ, которымъ отираетъ она столько слезъ; лазуревыя поручи на воздѣтыхъ къ небу рукахъ; золотое покрывало спускается съ ея главы и перевѣшено, въ видѣ омофора, на лѣвое плечо, какъ знаменіе ея покрова, ширшаго облакъ, по гласу церковныхъ пѣсней; свѣтлая звѣзда горитъ на челѣ Богоматери и двѣ звѣзды на раменахъ, ибо она сама, Матерь незаходимаго Свѣта, была для насъ зарею таинственнаго дня!—Нерушимою стѣною слыветъ дивная сія икона, въ устахъ народа, ибо, въ теченіе осьми вѣковъ, невредимо прошла она сквозь всѣ бурныя эпохи Кіева; съ нею вмѣстѣ сохранилась и вся драгоцѣнная мусія восточной стѣны алтаря Софійскаго, отъ сводовъ и до горняго мѣста: и доселѣ притекаютъ вѣрные къ сему священному залогу первыхъ временъ спасенія нашего, «яко къ нерушимой стѣнѣ и предстательству.»

Бѣлая полоса арабесковъ отдѣляетъ верхнее изображеніе Богоматери отъ средняго, Вечери тайной, также изъ мусіи и столько же уцѣлѣвшаго. Подъ бѣлою сѣнію, на трехъ столпахъ, стоитъ божественная трапеза, покрытая багряною пеленою, съ золотыми по ней цвѣтами; на срединѣ ея четвероконечный крестъ, между золотаго дискоса, съ раздробленнымъ на немъ Агнцемъ, и серебристой звѣзды съ ко-

піемъ; съ обѣихъ сторонъ трапезы два Ангела, въ бѣлыхъ одеждахъ, осѣняютъ ее золотыми рипидами. Художникъ, желая изобразить святое причащеніе подъ обоими видами, по чину Восточной Церкви, представилъ на двухъ углахъ трапезы, не одинъ, но два лика Спасителя, совершенно сходные, въ золотомъ хитонѣ и голубой хламидѣ, подающаго, съ одной стороны части Божественнаго хлѣба, а съ другой Божественную чашу, двѣнадцати Апостоламъ. Они подходятъ, одинъ за другимъ, по шести съ каждой стороны, преклонивъ благоговѣйно главы и простирая руки, для принятія таинственной пищи. Надъ ними начертаны, черною мозаикою, по-Гречески, слова Евхаристіи: «пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое, во оставленіе грѣховъ, и: пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ.» Такъ, въ одно время, и взоры и сердце наслаждаются таинственнымъ созерцаніемъ Божественной вечери, и по словамъ Писанія: «не можетъ око насытиться зрѣніемъ, ни ухо слышаніемъ.»

Третій, нижній ярусъ мозаическихъ иконъ, отдѣленъ также, широкою полосою арабесковъ, отъ средняго. Здѣсь уже представлены, по сторонамъ горняго мѣста, какъ-бы въ помощь и сослуженіе возсѣдающихъ на немъ Святителей, ближайшіе преемники Апостоловъ, служители и страстотерпцы проповѣданнаго ими Слова Божія: съ правой стороны, архи-

діаконъ и первомученикъ Стефанъ, въ облаченіи своего сана, держа въ одной рукѣ кадило, а лѣвою прижимая къ сердцу камень, его соединившій со Христомъ; подлѣ него рядъ Святителей: чудотворецъ Николай, Григорій Богословъ, Климентъ, Папа Римскій, глава коего принесена была изъ Корсуни просвѣтителемъ Россіи, и обличитель ересей Епифаній. По лѣвую же сторону архидіаконъ Римскій Лаврентій, принесшій себя во всесожженіе Господу, съ кадильницею въ рукахъ, и рядомъ съ нимъ великіе учители церкви: Василій, Златоустъ, Григорій Нисскій и современный ему чудотворецъ Кесарійскій, отъ коего сохранился намъ первый символъ вѣры.—Имена ихъ начертаны по-Гречески, отвѣсно подлѣ каждаго лика: всѣ Святители въ облаченіяхъ епископскихъ, держатъ въ рукахъ евангелія различнаго вида. Нижняя часть мозаиковъ уже отпала и они дописаны красками по стѣнѣ; но нѣсколько ниже еще сохранился мраморный карнизъ, подъ коимъ набраны, болѣе грубою мусіею, разноцвѣтные кресты въ пестрыхъ дугахъ. Своды алтаря расписаны новыми изображеніями блаженствъ и добродѣтелей евангельскихъ, ветхозавѣтныхъ Царей и Пророковъ, и ликами Архангеловъ.

Сладостное чувство наполняетъ душу внутри алтаря Софійскаго: и благоговѣніе къ святынѣ и любовь къ родинѣ. Самая близость минувшаго, которое вмѣстѣ, такъ свѣжо и такъ старо, производитъ утѣшительное впечатлѣніе на сердце, ибо вѣкъ Ярослава

предъ очами, какъ-бы современный, и слава древней Византіи, завѣщавшей намъ залогъ вѣры, отразилась въ нашей св. Софіи. Не напрасно послы Владиміровы говорили Князю: «когда привели насъ Греки въ то мѣсто, гдѣ служатъ они Богу своему, мы не знали гдѣ мы: на небѣ ли или на землѣ? ибо поистинѣ нѣтъ на землѣ ничего подобнаго, и мы не можемъ забыть видѣнной нами красоты; всякій человѣкъ, вкусивъ однажды сладкое, уже не пріемлетъ болѣе горькаго!» — Слова сіи конечно запали въ душу отрока Ярослава, когда пожелалъ перенести въ землю Русскую это Софійское небо и, вступивъ на престолъ отеческій, соорудилъ онъ, на поприщѣ своей побѣды надъ Печенѣгами, подобіе величественнаго святилища Цареградскаго.

Самый престолъ алтаря Софійскаго устроенъ изъ кипариса, по размѣру гроба Господня, и обложенъ позлащенными досками. Сохранились еще остатки мусіи на аркѣ, ближайшей къ иконостасу, съ наружной ея стороны: обычная икона, Деисусъ, изображающая Господа, среди иконъ своей Божественной Матери и Предтечи, съ греческою надписью вокругъ: «Богъ посредѣ ея и не подвижется, поможетъ ей утро и заутра;» а на столпахъ, поддерживающихъ сію арку, образъ Божіей Матери съ веретеномъ въ рукахъ, и благовѣствующій Архангелъ со скипетромъ. Но во время обновленія храма Софійскаго, въ новѣйшіе вѣка, мало заботились о его драгоцѣнной мусіи, ибо высо-

кій, раззолоченный иконостасъ, устроенный Митрополитомъ Рафаиломъ, совершенно закрываетъ Деисусъ и боковыя иконы, и даже то дивное изображеніе пречистой Дѣвы, надъ горнимъ мѣстомъ, которое доселѣ составляетъ лучшее украшеніе всего собора. Должно предполагать, что во времена Ярославовы иконостасъ былъ гораздо ниже и не препятствовалъ, стоявшимъ внутри храма, наслаждаться зрѣлищемъ не только сей иконы, но и вечери тайной, написанной мусіею на восточной стѣнѣ алтаря. Свыше иконостаса еще видѣнъ однако въ дугѣ, на золотомъ полѣ, мозаическій древній ликъ Спасителя, и подъ куполомъ уцѣлѣли также образа, Евангелиста Марка и до половины Евангелиста Іоанна, и пятнадцать ликовъ мученическихъ, изъ числа сорока пострадавшихъ въ Севастіи, которые всѣ были изображены мусіею на боковыхъ аркахъ, поддерживающихъ куполъ. До сего лишь мѣста доходило истребленіе, а далѣе не коснулась рука времени и враговъ; ибо Татары, при разореніи Кіева въ 1240 году, сломивъ до основанія церковь Десятинную и отчасти соборную церковь Лавры Печерской, повредили только куполъ св. Софіи; зданіе сохранилось, но пострадало отъ дѣйствія непогоды и долгаго запустѣнія.

Соборный алтарь еще сохранилъ отдѣльный жертвенникъ, по древнему обычаю церкви православной, необходимому для порядка богослуженія; но другое соотвѣтствующее отдѣленіе алтаря, называемое діако-

никонъ, обращено было, въ позднѣйшія времена, въ особый придѣлъ св. Богоотцевъ Іоакима и Анны, гдѣ невозможно почти служить литургію по тѣснотѣ. Рядомъ съ нимъ, съ южной стороны, еще три придѣла: въ память чуда Архангела Михаила, преподобныхъ Печерскихъ и Успенія Богоматери. Недавно открыты, на внутреннихъ стѣнахъ боковыхъ придѣловъ а на западной стѣнѣ соборной, фрески XI вѣка, хорошо сохранившіеся подъ пятью слоями клеевой краски. Они изображаютъ девять ликовъ святительскихъ и мученическихъ, во весь ростъ, и одиннадцать поясныхъ иконъ, совершенно сходныхъ по одеждѣ съ тѣми мозаиками, какія доселѣ видны въ соборномъ алтарѣ; это драгоцѣнное открытіе есть единственный остатокъ священной живописи, первыхъ временъ Христіанства, въ нашемъ отечествѣ.—По лѣвую сторону алтаря Софійскаго, также три новѣйшіе придѣла, въ рядъ одинъ подлѣ другаго: трехъ Святителей Московскихъ, бывшій прежде во имя Великомученика Георгія, равноапостольнаго Князя Владиміра и Предтечи. Оба крайніе придѣла, какъ съ сѣверной, такъ и съ южной стороны, устроены не ранѣе XVII вѣка, Митрополитомъ Петромъ Могилою, который поставилъ верхнія галлереи, на двухъ нижнихъ боковыхъ присѣнкахъ, чтобы предохранить внѣшнія стѣны храма.

Въ одномъ изъ придѣловъ сѣвернаго притвора, посвященномъ памяти равноапостольнаго Князя, почиваетъ, подъ сѣнію отеческою, благовѣрный сынъ

его, храмоздатель. Древняя Византійская гробница прислонена къ стѣнѣ алтарной; на мраморныхъ плитахъ ея изображены пальмы и кресты, то отдѣльно другъ отъ друга, то переплетенныя вмѣстѣ или смѣшанныя съ листьями дуба и винограда: въ одномъ изъ пяти квадратовъ, на которые разбита лицевая доска памятника, двѣ рыбы изваяны въ верхнихъ углахъ креста; вѣроятно всѣ сіи надгробныя украшенія имѣютъ какое либо символическое значеніе, нынѣ утраченное. На острокопечномъ фронтонѣ изваянъ лабарумъ, чудотворное знамя великаго Константина, съ которымъ побѣдилъ онъ языческій міръ. Греческія буквы «ІС. ХС. ника» отпечатаны вокругъ каждаго изъ крестовъ, въ знаменіе новой побѣды, одержанной именемъ Господа Іисуса, въ языческой дотолѣ Руси, гдѣ уже второй Самодержецъ отходилъ къ вѣчному покою, подъ сѣнію спасительнаго креста и сооруженнаго имъ святилища.

Таковъ могильный памятникъ великаго Ярослава, уцѣлѣвшій чрезъ столько разореній его храма и столицы! Самое время не смѣло его коснуться, какъбы уважая память славнаго мужа, упрочившаго церковь и царство. Огромно лице его въ лѣтописяхъ нашихъ: оно одно можетъ стоять рядомъ съ святымъ его родителемъ, изъ всего потомства княжескаго въ Кіевѣ, не исключая, быть можетъ, и Мономаха. Если Церковь приняла въ ликъ своихъ заступниковъ Равноапостольнаго отца, то она мѣстно чтитъ въ Кіевѣ

память благовѣрнаго сына, который оказалъ ей столько услугъ, ибо онъ распространилъ просвѣщеніе духовное до дальнихъ предѣловъ расширенной имъ державы, воздвигая повсюду храмы, украшалъ ихъ не только драгоцѣнною утварію, но и переводами божественныхъ книгъ, и, вмѣстѣ съ Русскою Правдою, заботился о соборныхъ правилахъ, для управленія церковнаго. Твердыя начала, положенныя великимъ Ярославомъ, устояли противъ бури среднихъ вѣковъ, даже когда временно распалась держава, собранная имъ во едино, и, изъ-подъ величественной сѣни св. Софіи, свѣтлое лице его доселѣ радуется исполненію его благочестивыхъ предпріятій.

Но гдѣ же прочіе Князья Кіевскіе, о коихъ упоминаетъ лѣтопись, какъ о погребенныхъ другъ подлѣ друга, въ мраморныхъ ракахъ у св. Софіи? гдѣ сыны и внуки великаго Ярослава?—Всеволодъ, болѣе всѣхъ имъ любимый, которому часто говорилъ отецъ: «сынъ мой, благо тебѣ будетъ, ибо слышу о твоей кротости и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если дастъ тебѣ Богъ воспріять престолъ мой съ правдою, послѣ братьевъ твоихъ, а не насиліемъ, то когда отведетъ тебя Богъ отъ житія сего, ты ляжешь, гдѣ и я лягу, у гроба моего, ибо я люблю тебя болѣе братьевъ твоихъ.» Сбылось завѣщаніе отеческое, и Всеволодъ возлегъ подлѣ славнаго родителя, въ одинъ годъ съ своимъ несчастнымъ сыномъ Ростиславомъ, который бѣдственно утонулъ въ рѣкѣ Стугнѣ, въ часъ крова-

вой битвы съ Половцами, предъ глазами нѣжно его любившаго брата Мономаха.—Но гдѣ они? гдѣ самъ великій Мономахъ, съ добрымъ, но слабымъ сыномъ Вечеславомъ, именемъ коего прикрывались только честолюбивые племянники, чтобы достигнуть великаго княженія?—Всѣ они должны быть тутъ, въ основаніяхъ храма; но мѣсто гробовъ ихъ неизвѣстно, хотя можно, съ большею вѣроятностію, предполагать оное по сосѣдству Ярослава, въ сѣверномъ присѣнкѣ, обращенномъ теперь въ алтарь равноапостольнаго ихъ предка, или подъ ближайшимъ придѣломъ. О сколь драгоцѣннымъ сокровищемъ, для Кіева и всей Руси, былъ бы гробъ великаго Мономаха, умиротворителя Князей, собирателя царства, который сокрушилъ Орды Половецкія, и едвали не превзошелъ, христіанскими добродѣтелями, царственныя свои доблести! Кто не прослезится, читая его духовное завѣщаніе, которымъ онъ научалъ дѣтей своихъ, какъ жить и царствовать, и которое они такъ мало соблюли? Съ миромъ отошелъ къ покою Мономахъ, и съ нимъ закатилось солнце отечества; ибо послѣ него Кіевъ былъ только яблокомъ раздора и поприщемъ междоусобій, до нашествія Монголовъ. Самая св. Софія, мѣсто упокоенія Мономахова, была не разъ ограблена собственными Князьями, Ольговичами, оспоривавшими наслѣдіе у его потомства.

И еще многихъ гробовъ недостаетъ у св. Софіи, но уже не княжескихъ, а святительскихъ; ибо, въ те-

ченіе ста тридцати лѣтъ, служила она усыпальницею Митрополитовъ всея Руси, начиная отъ четвертаго изъ нихъ Ѳеопемпта, который освятилъ храмъ при великомъ Ярославѣ, и до двадцать третьяго, Кирилла, собравшаго Церковь Русскую послѣ ея разоренія Монголами. Бдительный пастырь, въ продолженіе тридцатилѣтняго святительства, странствовалъ изъ города въ городъ, по всей Руси, какъ голубица Ноева ковчега съ масличною вѣтвію, не обрѣтшая мѣста стоянія ногамъ своимъ; но, умирая въ дальнемъ Переяславѣ Залѣсскомъ, завѣщалъ онъ погребсти себя подъ родственною сѣнію св. Софіи, и свято была исполнена его воля. Послѣдній изъ Митрополитовъ всея Руси—положился онъ въ древней ихъ митрополіи; преемникъ его Максимъ уже погребенъ во Владимірѣ на Клязмѣ, а предшественникъ Іосифъ палъ жертвою народнаго бѣдствія въ разореніи Монгольскомъ.—Преданіе мѣстное не указываетъ гробовъ ихъ, если только они положены были не въ томъ же югозападномъ углу собора, гдѣ полагаются теперь Митрополиты Кіева.

Одинъ однако изъ Первосвятителей, уже не всея Руси, а только западной ея половины, замѣняетъ собою столькихъ отсутствующихъ; ибо его нетлѣнныя мощи открыто почиваютъ посреди храма, напротивъ придѣльнаго алтаря Архистратига Михаила. Это Священномученикъ Макарій, возведенный изъ архимандритовъ Виленскихъ въ санъ Митрополита, уже послѣ

раздѣленія іерархіи Россійской на Московскую и Литовскую. Два года продолжалось его святительство въ Вильнѣ, и когда, движимый благочестивою ревностію, предпринялъ трудное въ тѣ дни странствованіе по своей обширной епархіи, онъ былъ мученически убитъ Татарами, на пути къ первопрестольному городу, при рѣкѣ Припети. Святыя мощи его перенесли въ соборъ Софійскій, который жаждала посѣтить душа его, и съ тѣхъ поръ, всякое первое число Мая, день его страдальческой кончины, при совершеніи крестнаго хода, обносятъ ихъ кругомъ всего храма, донынѣ имъ ограждаемаго.—На противуположной сторонѣ собора, противъ придѣла трехъ Святителей, кипарисная рака заключаетъ въ себѣ части св. мощей, первыхъ вѣковъ Христіанства, и св. угодниковъ Русской земли, наипаче преподобныхъ Печерскихъ.

Но кому же празднуетъ главный алтарь св. Софіи, имя коей, присное Царьграду, сдѣлалось приснымъ и у насъ, въ Кіевѣ и Новгородѣ, въ древнемъ Полоцкѣ, Вологдѣ и даже въ дальнемъ Тобольскѣ, какъ-бы освящая собою края необъятной имперіи? По сказанію лѣтописи Византійской, первое наименованіе св. Софіи внушено было Ангеломъ Императору Іустиніану, когда онъ строилъ великолѣпный храмъ свой, и сіе таинственное имя знаменуетъ Слово и Премудрость Божію, самаго единороднаго Сына Божія!—Но другіе объясняютъ оное, изреченіемъ Соломоновыхъ притчей: «Премудрость созда себѣ домъ

и утверди столповъ седмь,» относя слова притчи къ Церкви Христовой, утвержденной на семи таинствахъ, и къ божественной Матери воплощеннаго Слова, которому она послужила домомъ. Посему и празднуется у насъ св. Софія, во дни, посвященные памяти пречистой Дѣвы, съ тою только разницею, что въ Кіевѣ избранъ день Рождества Богоматери, когда устроялся на землѣ дивный домъ Премудрости Божіей, а въ Новгородѣ и въ прочихъ городахъ, день Успенія, когда взятъ былъ на небо таинственный ковчегъ, вмѣстившій въ себѣ невмѣстимаго небесами.

Различны и храмовыя иконы Кіева и Новгорода: въ послѣднемъ Премудрость изображена, въ видѣ огнезрачнаго Ангела великаго Совѣта, на престолѣ, съ ликомъ, знаменуемаго симъ Ангеломъ, Спасителя поверхъ его, имѣя по сторонамъ Богоматерь и Предтечу, а на облакахъ книга евангелія, посреди Ангельскихъ ликовъ. Въ Кіевѣ же икона св. Софіи представляетъ Божію Матерь, стоящую на облакѣ и лунѣ, подъ сѣнію, которая утверждена на семи столпахъ и ступеняхъ. На персяхъ пречистой Дѣвы Божественный ея младенецъ, съ державою, благословляющій; сверху, Богъ Отецъ, въ сонмѣ Ангеловъ, и Духъ Святый, отъ него исходящій и осѣняющій пречистую Дѣву, а на вершинѣ сѣни надпись Соломоновыхъ притчей: «Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь.» —Предъ Матерію Божіею стоятъ на ступеняхъ Праотцы и Пророки: по правую

сторону Моисей, указуя перстомъ на скрижали, гдѣ начертано: «радуйся, скрижаль Божія, въ нейже перстомъ Отчимъ написася Слово Божіе;» ниже его Ааронъ, въ ризѣ святительской, съ прозябшимъ жезломъ своимъ, знаменовавшимъ Дѣву: еще ниже, Царь Давидъ въ порфирѣ, съ кивотомъ завѣта въ рукахъ, который былъ образомъ новаго таинственнаго кивота воплощеннаго Бога. На лѣвой сторонѣ Исаія Пророкъ, съ хартіею своихъ пророчествъ, указуя на слова: «се Дѣва пріиметъ во чревѣ и родитъ Сына и нарекутъ имя ему Еммануилъ.»—Ниже его еще три Пророка: Іеремія, со свиткомъ, и Іезекіиль, съ затворенными дверями храма въ рукахъ; ибо онъ пророчествовалъ: что пройдетъ ими Господь и они останутся затворенными, въ знаменіе таинственнаго дѣвства и рождества; и Даніилъ, съ камнемъ, который, по словамъ его, самъ собою отсѣкся отъ горы и возросъ въ гору великую, исполнившую всю землю. Облако и ступени знаменуютъ добродѣтели евангельскія, имена коихъ на нихъ написаны, а на столпахъ названія семи различныхъ дарованій Духа Святаго. Такова сія символическая икона св. Софіи, въ древнѣйшемъ ея соборѣ Кіевскомъ, хотя едвали не съ большею вѣроятностію предполагать должно, что утраченный подлинникъ ея былъ писанъ по образцу Новгородскаго.

Есть и еще нѣсколько придѣловъ въ храмѣ Софійскомъ, какъ въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ ярусѣ, которые всѣ устроены въ позднѣйшія времена,

потому что при Ярославѣ былъ одинъ только главный алтарь соборный, по обычаю первенствующей Церкви.—Въ югозападномъ углу нижняго яруса, находится придѣлъ во имя двенадесяти Апостолъ: а въ сѣверозападномъ, тотъ, что былъ устроенъ Митрополитомъ Гедеономъ въ 1689 году, въ честь Іоанна Предтечи, обращенъ теперь въ теплую церковь Рождества Христова. Въ верхнемъ ярусѣ Софійскихъ галлерей, есть восемь престоловъ, по четыре на каждой сторонѣ: съ южной, во имя Страстей, Воскресенія и Вознесенія Христовыхъ, и перваго ихъ проповѣдника въ Россіи, Апостола Андрея: съ сѣверной же Богоявленія и Преображенія Господнихъ, Іоанна Богослова и чудотворца Николая; стѣны сего послѣдняго исписаны ликами храмоздателей Кіевскихъ: равноапостольнаго Владиміра и великаго Ярослава, Святослава, сына его, строителя церкви Печерской, внука Всеволода, устроившаго обитель Кирилловскую, и другаго внука Святополка, соорудившаго Златоверхую, и еще двухъ Князей, первыхъ страстотерпцевъ Русскихъ. На стѣнахъ же главной церкви Софійской изображены, по древнему церковному обычаю, семь вселенскихъ Соборовъ.

Нельзя однако, по нынѣшнему состоянію собора Софійскаго, судить о древней его славѣ временъ Ярославовыхъ, когда стѣны были великолѣпно украшены мусіею и фресками, а полъ устланъ мраморомъ, остатки коего еще кое-гдѣ видны на порогахъ. По-

двумъ мраморнымъ столпамъ, которые стоятъ въ западномъ притворѣ, и столбикамъ изъ порфира на хорахъ, равно какъ и по ихъ периламъ, съ лиліями и орлами, можно предполагать, что благочестивый храмоздатель ничего не щадилъ, дабы сдѣлать подобіе Кіевское достойнымъ образца Цареградскаго, хотя и не воскликнулъ, какъ Императоръ Іустиніанъ: «я побѣдилъ тебя, Соломонъ!» Въ маломъ видѣ старался онъ подражать Византійской Софіи: и его церковь была крестообразною внутри, съ двойными галлереями по сторонамъ и одною со входа, такъ что можно было торжественно совершать крестные ходы изъ алтаря вокругъ всего храма, не выходя изъ-подъ его крова.— Но не даромъ мѣсто основанія собора было нѣкогда полемъ битвы; ибо Кіевская св. Софія пострадала болѣе Цареградской; если же одолѣла всѣ свои опустошенія, какъ и Ярославъ одолѣлъ Печенѣговъ тамъ, гдѣ заложилъ храмъ свой, однако много потерпѣла въ теченіе столькихъ бурныхъ вѣковъ и мало сохранила отъ прежняго своего великолѣпія: не только внѣшніе враги, но и единокровные, дерзали подымать на нее руку.

Сто тридцать лѣтъ послѣ сооруженія св. Софіи, въ 1169 году, Мстиславъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, княжившаго во Владимірѣ, подступилъ съ дружинами отца къ Кіеву и не пощадилъ святыни первопрестольнаго города; онъ ограбилъ сокровища собора и прочихъ церквей; тридцать лѣтъ спустя, страшный

пожаръ опустошилъ митрополію. Протекло не болѣе двадцати четырехъ лѣтъ и явился новый разоритель, великій Князь Рюрикъ Ростиславичь, съ одиннадцатью Ольговичами, которые поставили его на престолъ отеческій, но расхитили за то церковныя сокровища выданной имъ столицы.—Не успѣлъ еще Кіевъ отдохнуть отъ сего бѣдствія, какъ нахлынули орды Монгольскія въ 1240 году, и обратили его въ пустыню. Варвары искали сокровищъ, не только въ кладовыхъ, но и въ стѣнахъ церкви и въ гробахъ. Софійскій соборъ получилъ длинную трещину въ сводѣ алтарномъ.—Митрополиты Кіевскіе уже не находили при немъ себѣ пристанища: Кириллъ завѣщалъ ему только прахъ свой; Кипріанъ сталъ опять возстановлять древнее зданіе, болѣе полутора вѣка послѣ разоренія, во время владычества Литовскаго, когда провелъ нѣсколько лѣтъ на каѳедрѣ Кіевской, въ ожиданіи Московской. Слѣдующіе Митрополиты, поставленные Витовтомъ въ отдѣльность отъ Москвы, обитали въ Вильнѣ, при великихъ Князьяхъ Литовскихъ, и не заботились о древней столицѣ. Въ 1482 году, Менгли-Гирей, ханъ Крымскій, разорилъ Кіевъ, нашелъ опять добычу въ св. Софіи, и послалъ золотые сосуды ея въ даръ союзнику своему Іоанну III.—Уніяты, овладѣвшіе соборомъ въ послѣдніе годы XVI вѣка, привели его въ совершенный упадокъ, въ теченіе тридцати-семилѣтняго обладанія, ибо они заботились только о приписанныхъ къ нему вотчинахъ.

Сынъ Господаря Молдавскаго, ревностный Митрополитъ Петръ Могила, исхитилъ соборъ изъ рукъ уніатскихъ, и долженъ былъ много издержать на его обновленіе, ибо онъ угрожалъ паденіемъ.—Тогда надстроенъ былъ верхній ярусъ, на древнихъ широкихъ папертяхъ, и подведены каменныя наружныя опоры, обезобразившія зданіе; тогда же расширены окна и сдѣланы щиты и куполы, совершенно измѣнившіе древній видъ Ярославова храма.

Вся лѣтопись главныхъ эпохъ Софійскаго собора заключается въ надписи, которая сохранилась доселѣ, подъ его куполомъ, вокругъ сводовъ: «изволеніемъ Божіимъ нача здатися сей Премудрости Божія храмъ, въ лѣто 1037, благочестивымъ Княземъ и Самодержцемъ всея Руси, Ярославомъ Владиміровичемъ: совершися же въ лѣто 1039 и освященъ Ѳеопемптомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ, и даже до лѣта 1596, православными Митрополитами, отъ Востока содержимъ бысть. Въ лѣто же то, отступникомъ Михаиломъ Рагозою, въ запустѣніе и разореніе прейде, и даже до лѣта 1631 въ томъ пребысть. Благодатію же Божіею, егда царствовати нача Владиславъ четвертый великій, король Польскій, благочестивыя Церкви Восточныя сынамъ возврати и отдаде. Въ лѣто же 1634, тщаніемъ и иждивеніемъ преосвященнаго Архіепископа, Митрополита Кіевскаго, Галицкаго и всея Россіи, Экзарха ѳрону Константинопольскаго, архимандрита

Печерскаго, Петра Могилы, обновлятися начатъ, во славу Бога, въ Троицѣ славимаго, аминь.»

Со временъ Петра Могилы, соборъ обращенъ былъ въ монастырь каѳедральный: но братія его, хотя и довольно многочисленная, убого вокругъ него помѣщалась, въ развалинахъ древнихъ каменныхъ зданій и въ деревянныхъ, часто страдавшихъ отъ пожара. Новое устройство монастыря Софійскаго началось уже въ исходѣ XVII вѣка, при Князѣ Гедеонѣ Четвертинскомъ, избранномъ въ Митрополиты Кіеву, послѣ многихъ смутныхъ переворотовъ южнаго края, когда древняя сія каѳедра, съ согласія Патріарховъ Вселенскихъ, подчинилась навсегда Патріархіи Московской. Съ помощію Самодержцевъ Россійскихъ, Іоанна и Петра, ревностный Гедеонъ совершенно обновилъ соборъ Софійскій и все прилегавшее къ нему зданіе; онъ же перенесъ изъ Любеча двѣ чудотворныя иконы, Спасителя и Божіей Матери, которымъ и теперь покланяются благочестивые посѣтители, на двухъ столпахъ южнаго притвора. Преемники его постепенно распространили и украсили окрестное зданіе монастырское. Варлаамъ основалъ новый домъ митрополіи, противъ западныхъ дверей Софійскихъ, который окончилъ Рафаилъ и, соорудивъ колокольню, обнесъ оградою весь монастырь. Рафаилъ устроилъ также и богатый иконостасъ Софійскій, въ нынѣшнемъ его видѣ, а Митрополитъ Тимоѳей, переведенный

въ послѣдствіи на каѳедру Московскую, довершилъ внутреннее украшеніе св. Софіи.

Давно уже Митрополиты Кіевскіе не погребались подъ сводами св. Софіи; Гедеонъ первый, послѣ Кирилла, на разстояніи трехъ столѣтій, завѣщалъ опять положить себя въ своей каѳедральной церкви, и даже въ томъ придѣлѣ, гдѣ покоился предокъ его великій Ярославъ; ибо отъ племени храмоздателя происходитъ древній родъ Князей Святополковъ Четвертинскихъ. Замѣчательно, что оба обновителя собора Софійскаго, Петръ Могила и Гедеонъ Четвертинскій, происходили отъ рода княжескаго, и казалось были возбуждены чувствомъ своего достоинства, къ поддержанію славнаго творенія одного изъ величайшихъ властителей Русскихъ; но Петръ Могила, какъ потомокъ чуждой династіи, Господарей Молдавскихъ, не желалъ покоиться подлѣ родоначальника Русскихъ Князей, и завѣщалъ прахъ свой любимой имъ Лаврѣ Печерской: Гедеонъ же предпочелъ сосѣдство славнаго предка.

Ближайшіе преемники Гедеона, два Варлаама и Іоасафъ, не нашли себѣ успокоенія подъ сѣнію собора Софійскаго; но, со временъ знаменитаго Рафаила, Митрополиты Кіевскіе стали опять постоянно погребаться при своей каѳедрѣ. Подъ ризничною палатою, въ югозападномъ углу собора, находится усыпальница, гдѣ почиваютъ благочестивые Іерархи, коими особенно прославился Кіевъ въ исходѣ минувшаго

столѣтія: имена Арсенія, Гавріила и Самуила, навсегда останутся памятны Церкви Кіевской. Подлѣ нихъ отдыхаютъ и Святители нынѣшняго столѣтія, Іероѳей и Серапіонъ; а послѣдній Евгеній, неутомимый по своимъ трудамъ, который сохранилъ намъ подвиги своихъ предшественниковъ и древности своей многовѣковой епархіи, завѣщалъ погребсти себя въ обновленномъ имъ придѣлѣ Срѣтенія. Подъ лѣвымъ крыломъ того же собора покоится и знаменитый проповѣдникъ, протоіерей Іоаннъ Леванда, тридцать лѣтъ оглашавшій своды храма краснорѣчивымъ словомъ своимъ, которое доселѣ еще памятно благочестивымъ жителямъ первопрестольнаго Кіева.

Я поднялся на хоры, чтобы тамъ поклониться двумъ чудотворнымъ иконамъ, къ коимъ искони обращено благоговѣніе православныхъ. Одна, въ сѣверной галлереи, Святителя Николая, именуемаго мокрымъ, весьма древняя, прославлена спасеніемъ изъ воды утопшаго младенца; другая, въ южной галлереѣ, Купятинской Божіей Матери, не менѣе знаменита своими чудесами и перенесена была въ соборъ Софійскій, православными иноками, изъ Пинскаго монастыря, когда имъ овладѣли Уніаты, въ половинѣ XVII вѣка.—Прикладываясь къ сей иконѣ, съ удивленіемъ услышалъ я, изъ-за нее молитвенные вздохи, и увидѣлъ, на самомъ краю хоръ, благочестивую поклонницу; она прилѣпила свѣчу свою къ порфировымъ периламъ и, на колѣняхъ, усердно молилась чудному изображенію

Богоматери, что въ алтарѣ, которое представляется издали, во всемъ своемъ великолѣпіи, съ этой части хоръ,—Пречистая Дѣва точно паритъ, на золотомъ своемъ подножіи, какъ-бы во глубинѣ неба; ея поднятыя къ небу руки и молятъ вмѣстѣ и осѣняютъ; ярко горятъ три звѣзды на челѣ и рамепахъ, и выраженіе молитвы въ отрадныхъ чертахъ ея, достойно величія честнѣйшей Херувимъ. Ублажаемая всѣми родами, она какъ-бы идетъ изъ глубокаго неба, на встрѣчу ее призывающимъ, и все кажется ближе и ближе, чѣмъ болѣе на нее смотришь во внутрь алтаря; невольно исторгается изъ устъ сія утренняя пѣснь: «во храмѣ стояще славы твоея, на небеси стояти мнимъ: Богородице, дверь небесная, отверзи намъ двери милости твоея.»

При выходѣ изъ собора Софійскаго, благосклонно предложилъ мнѣ отецъ ключарь осмотрѣть еще, по сосѣдству ограды, мѣсто древнихъ обителей Ярославовыхъ, св. Георгія и Ирины, которыя устроилъ онъ въ честь своего Ангела и Ангела своей супруги, а нѣсколько далѣе Златыя врата. Небольшая церковь Великомученика, сооруженная Императрицею Елисаветой, указываетъ только мѣсто того знаменитаго храма св. Георгія, гдѣ, по словамъ лѣтописи Несторовой, столовались, т. е. возводимы были на каѳедру всѣ Епископы Русскіе. Ярославъ установилъ праздновать освященіе его по всей Россійской церкви, въ память своего христіанскаго имени.—Мѣсто сіе

должно быть священно для каждаго воина Русскаго, ибо доселѣ кавалерственный праздникъ побѣдоносца, одушевляющаго дружины къ подвигамъ ратнымъ, совершается въ день избранный великимъ Ярославомъ; рукою Великомученика, онъ указалъ побѣдные пути сынамъ своимъ во всѣ концы вселенной.—Въ обители Георгіевой былъ постриженъ и погребенъ несчастный сынъ св. Владиміра. Судиславъ, который провелъ въ темницѣ все долголѣтнее царствованіе Ярослава и освобожденъ былъ племянниками только для того, чтобы свободно вздохнуть предъ смертію. Теперь же мраморный памятникъ Господаря Молдавскаго Ипсилантія, бѣдственно скончавшаго свое княженіе, составляетъ украшеніе церкви, гдѣ нѣкогда покоился прахъ развѣнчаннаго Князя. Еще недавно, нѣсколько развѣсистыхъ липъ, живописно осѣняли сей новый памятникъ благочестія Елисаветы; но срублены столѣтніе стражи урочища Ярослава, и обнаженная церковь лишена ихъ прохладной тѣни.

Противъ южныхъ воротъ Софійской ограды, открыты были, въ 1832 году, усердіемъ одного изъ антикваріевъ Кіевскихъ, остатки древней обители св. Ирины, засыпанныя, вмѣстѣ съ Золотыми вратами Ярослава, земляным валомъ въ исходѣ XVI вѣка, когда еще старый Кіевъ едва былъ исторгнутъ изъподъ владычества Польши. Открыта одна алтарная часть, съ полукружіемъ горняго мѣста и каменными палатками по обѣимъ сторонамъ, гдѣ еще видны мѣста древнихъ гробовъ; остальное зданіе доселѣ подъ крѣпостнымъ валомъ; но нѣсколько древнихъ крестовъ

V.

МИХАЙЛОВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

День спустя, во вторникъ, опредѣленный еженедѣльно, со временъ Митрополита Кіевскаго Іоасафа, для чтенія сложеннаго имъ акаѳиста, надъ мощами великомученицы Варвары, посѣтилъ я златоверхую обитель Михайловскую. Множество народа заблаговременно заняло все преддверіе придѣльной церкви, гдѣ почиваетъ нетлѣнно святая дѣва Иліопольская, и съ трудомъ могъ я проникнуть на хоры; съ ихъ вершины открылось мнѣ трогательное и величественное зрѣлище.—Посреди церкви, исполненной усердными богомольцами, возвышался, какъ-бы нѣкій благодатный островъ, изъ шумнаго моря человѣческихъ волнъ, среброкованный столъ, подъ раззолоченною сѣнію, и на немъ, въ драгоцѣнной ракѣ, сокровище мощей Великомученицы. Открыта была рака и, подъ богатѣйшимъ покровомъ покоилось нетлѣнное тѣло, но вмѣсто дѣвственной главы, отсѣченной жестокимъ родителемъ, приставлена была къ изголовью великолѣпная икона, вся въ алмазахъ, обыкновенно висящая надъ царскими дверьми сего придѣла, на которой изобра-

женъ небесный ликъ пострадавшей. Взирая на сію прекрасную икону, думаешь видѣть Великомученицу, которая какъ будто приподняла изъ раки ангельскую главу свою и, сквозь смертный сонъ, привѣтствуетъ лики, воспѣвающіе на землѣ ея страданія, воспѣтыя Ангелами въ небесахъ. Святитель, въ облаченіи, стоялъ окруженный своимъ клиромъ, на ступеняхъ предъ ракою, и въ рукахъ діаконовъ горѣли свѣтильники, коими отъ времени до времени осѣнялъ онъ народъ; облака ѳиміама подымались изъ кадильницъ и возвышались между столпами великолѣпной сѣни, какъ знаменіе возношенія на небо молитвы усердныхъ богомольцевъ: а между тѣмъ внятно оглашалось, изъ устъ Святителя, все житіе Великомученицы, въ словахъ и пѣсняхъ ея акаѳиста, и на каждое земное ея страданіе откликались лики, какъ-бы изъ глубины неба: «радуйся, Варваро, невѣстоХристова прекрасная!»

Трогательна повѣсть, краткаго житія и долгихъ мученій сей юной, но доблестной невѣсты небеснаго Жениха, и не напрасно церковь влагаетъ ей въ уста пламенныя слова ея Божественной любви: «Агница твоя, Христе, Варвара, зоветъ великимъ гласомъ: тебе, Женише мой, люблю, и тебе ищущи страдальчествую, и сраспинаюся, и спогребаюся крещенію твоему, и стражду тебе ради, яко да царствую въ Тебѣ, и умираю за тя, да и живу съ тобою; но, яко жертву непорочную, пріими мя съ любовію пожершуюся тебѣ.»

Единственная дочь именитаго язычника Діоскора, рожденная во градѣ Солнца и наученная покланяться свѣтиламъ, какъ нѣкогда волхвы, звѣздою научилася покланяться Солнцу правды, и надъ нею сбылись слова Апостола Павла: что невидимая Божія, его присносущная сила и Божество, видимы намъ бываютъ чрезъ разсматриваніе тварей (Рим. 1, 20).— Заключенная отцемъ своимъ, на высокій столпъ, чтобы никто не взиралъ на ея земную красоту, сама она возвела очи на красоту небесной тверди, и разспрашивая у язычниковъ окружавшихъ ее: кто столь дивно устроилъ весь чинъ вселенной? не хотѣла вѣрить, чтобы бездушные идолы были ея творцами. Тогда коснулась чистаго сердца ея благодать Божія: ибо созерцаніе Бога есть одно изъ блаженствъ, обѣщанныхъ чистымъ сердцемъ. Съ тѣхъ поръ уже мысль о Богѣ ее не оставляла, доколѣ небесный учитель, Духъ Святый, не далъ ей земнаго наставника въ христіанскомъ пресвитерѣ, который открылъ ей всѣ таинства нашего спасенія и втайнѣ возродилъ водою крещенія. Это случилось во время отсутствія ея отца; напрасно предлагая дочери, уже достигшей полнаго возраста, самыхъ именитыхъ жениховъ, онъ предоставилъ ей наконецъ полную свободу въ образѣ жизни, но не могъ предполагать, какого жениха изберетъ себѣ св. Варвара.

Безумною яростію разгорѣлось сердце Діоскора, когда узналъ онъ о нечаянномъ обращеніи своей

дочери, отъ тьмы язычества къ свѣту Христову: умноженіе свѣта, въ устрояемой имъ купальнѣ, обличило ему духовное просвѣщеніе дѣвы; ибо она, исполненная благоговѣнія къ таинству пресвятыя Троицы, велѣла сооружавшимъ зданіе устроить три окна, вмѣсто двухъ назначенныхъ отцемъ, и сама изобразила, перстомъ своимъ, крестъ на мраморномъ водоемѣ. Спрошенная Діоскоромъ, о тройственномъ свѣтѣ, святая Варвара исповѣдала предъ нимъ Троицу единосущную, Отца, Сына и Св. Духа, и осудила немощь его идоловъ, которыхъ сокрушилъ крестъ распятаго Господа славы. Раздраженный, въ бѣшенствѣ схватилъ мечъ и устремился за дочерью, но она укрылась отъ него въ разсѣлинахъ камней; Господь хотѣлъ спасти многихъ, зрѣлищемъ ея страданій, и потому допустилъ жестокому отцу обрѣсти ее въ пещерѣ. Истомивъ дочь свою, біеніемъ, голодомъ и жаждою, въ душной темницѣ, онъ предалъ ее наконецъ въ руки столь же суровыхъ судей и требовалъ, чтобы ее судили, какъ отступницу вѣры отеческой. Игемонъ думалъ совратить ее, сперва кроткими совѣтами, потомъ угрозами; но видя непреклонность исповѣдницы Христовой, велѣлъ терзать ее воловьими жилами, доколѣ вся земля вокругъ не обагрилась ея невинною кровію; тѣмъ мужественнѣе становилась дѣва, чѣмъ болѣе умножались ея муки. Брошенная въ темницу, вся въ ранахъ, она вышла изъ нее исцѣленною, на другое утро, какъ бы изъ брачнаго чертога, для новыхъ

ранъ; ожесточенные мучители требовали отъ нее опять жертвоприношенія своимъ идоламъ, и опять услышали доблестное исповѣданіе того же великаго имени Христова, предъ коимъ преклоняется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ: ибо нѣтъ другаго имени подъ небесами, чрезъ которое бы можно было спастися. Разъяренный игемонъ велѣлъ повѣсить на древѣ обнаженную мученицу, строгать тѣло ея желѣзными когтями, опалять истерзанныя ребра горящими свѣчами, и бить въ нѣжную главу молотомъ; все одолѣла, укрѣпляемая свыше Варвара, и даже нѣкая робкая жена, именемъ Іуліанія, одушевясь тѣмъ же мужествомъ, при зрѣлищѣ ея страданій, дерзнула въ лице укорить жестокаго игемона и раздѣлила участь Великомученицы. Обѣихъ, для большаго поруганія, послалъ онъ обнаженными по стогнамъ города; но Господь, покрывающій облаками небо, осѣнилъ и ихъ невидимымъ покровомъ, отъ наглыхъ взоровъ; наконецъ когда нечестивый судья осудилъ ихъ на смертную казнь, самъ неистовый отецъ вызвался быть исполнителемъ приговора и не пощадилъ собственнаго рожденія. Она же, великодушная дочь, преклонивъ колѣни, молила небеснаго Жениха своего, сіяющаго солнцемъ своимъ на злыхъ и на добрыхъ, сотворить милость каждому человѣку, который съ вѣрою воспомянетъ ея страданія, да не приблизится къ нему лютая болѣзнь и не восхититъ его внезапная смерть, и, подъ мечемъ отвергшаго ее родителя, предала духъ свой воспріявшему ее небесному Отцу.

Дивная судьба священныхъ мощей Великомученицы!—Изъ родственнаго Иліополиса, приплыла она въ Царьградъ, и оттолѣ послѣдовала за соимянною ей Царевною Греческою, супругою Великаго Князя Святополка, въ новопросвѣщенный вѣрою Кіевъ, гдѣ устроилась для нея златоверхая обитель. Настала гроза Монгольская и скрыты были мощи, подъ ступенями столпа церковнаго: миновалась гроза и вотъ онѣ опять возсіяли изъ-подъ спуда, и проливаютъ благодать исцѣленій на притекающихъ къ нимъ, съ вѣрою и любовію. По окончаніи акаѳиста, пр. Викарій митрополіи Кіевской Варлаамъ совершилъ божественную литургію и говорилъ назидательное слово. Народъ устремился къ св. мощамъ, и я также обмѣнялъ золотое кольцо, съ нетлѣннаго перста сей небесной невѣсты, обручившейся на вѣчное царство съ Божественнымъ своимъ Женихомъ. Потомъ посѣтилъ я Преосвященнаго, въ его келліяхъ, и, послѣ пріятной бесѣды, испросилъ у него дозволеніе осмотрѣть древнюю его обитель, которая служила одно время и каѳедрою Митрополитамъ Кіевскимъ, когда Уніяты похитили у нихъ соборъ Софійскій; теперь же назначена мѣстопребываніемъ ихъ Викаріевъ, Епископовъ Чигиринскихъ.

Еще первый Митрополитъ Кіевскій Михаилъ, въ исходѣ X вѣка, поселилъ иноковъ на горѣ, дотолѣ называвшейся Чертовымъ беремищемъ, по сосѣдству идола Перунова, и по тѣмъ языческимъ требищамъ,

какія на ней совершались. Онъ построилъ тамъ деревянную церковь, во имя своего Ангела, ибо Архистратигъ небесныхъ Силъ представляется сокрушителемъ преисподнихъ; престолъ во имя его свидѣтельствовалъ о побѣдѣ, одержанной надъ царствомъ тьмы, на самомъ мѣстѣ ея владычества.—Внукъ великаго Ярослава, Святополкъ Изяславичь, названный во святомъ крещеніи Михаиломъ, воздвигнулъ во имя своего Ангела великолѣпную каменную церковь, на мѣсто деревянной, и она прозвана, равно какъ и вся обитель, Златоверхою, отъ пятнадцати златокованныхъ главъ своихъ.—Подражая славному дѣду, въ устройствѣ внутреннемъ новаго храма, Святополкъ украсилъ мусіею стѣны алтаря, и остатки Тайной вечери, совершенно сходной съ Софійскою, съ такими же Греческими надписями, надъ горнимъ мѣстомъ, которыя свидѣтельствуютъ о древнемъ великолѣпіи храма; но это одно лишь уцѣлѣло отъ священной старины, ибо обитель Михайловская много пострадала при разореніи Монгольскомъ.

По обѣ стороны передняго притвора главной церкви, еще видны въ стѣнахъ признаки гробницъ, и полагаютъ, что здѣсь погребены храмоздатель Великій Князь Святополкъ, а напротивъ его супруга, Греческая Царевна Варвара, дочь Комниновъ, принесшая съ собою сокровище мощей Великомученицы, въ новое свое отечество. Три боковые придѣла: съ сѣверной стороны, во имя св. Великомученицы Вар-

вары, гдѣ почиваютъ ея мощи, и два съ южной, Введенія во храмъ Божіей Матери, и Великомученицы Екатерины, устроены не ранѣе XVII вѣка. И въ семъ придѣлѣ есть частицы святыхъ мощей, мучениковъ Пантелеимона и Харалампія, и Епископа Тримифійскаго Спиридона. Въ соборной церкви, за правымъ клиросомъ, благоговѣйно притекаютъ граждане Кіевскіе къ чудотворной иконѣ Божіей Матери, именуемой Новодворскою. Богато раззолоченъ иконостасъ главнаго алтаря; но лучшее его украшеніе есть храмовая икона Архистратига Михаила, великолѣпно украшенная драгоцѣнными каменьями; ею ознаменовалось благочестіе Императора Александра, въ залогъ благодарности къ Господу, спасшему его державу отъ нашествія иноплеменныхъ. Возвратясь побѣдителемъ изъ умиренной имъ Европы, онъ принесъ въ колыбель вѣры отеческой, въ древнюю обитель Архистратига небесныхъ Силъ, сію драгоцѣнную икону того невидимаго вождя, который руководилъ путемъ побѣдъ полки Русскіе, отъ зарева родной столицы до пощаженной имъ столицы враговъ.

По правую сторону Михайловскаго собора, находится, на монастырскомъ дворѣ, каменная трапезная церковь Іоанна Богослова, замѣнившая женскую обитель того же имени. Она основана была, въ 1621 году, Митрополитомъ Іовомъ Борецкимъ, котораго, послѣ долгаго запустѣнія митрополіи Кіевской, посвятилъ Патріархъ Іерусалимскій Θеофанъ; въ Злато-

верхей обители на время основалась тогда каѳедра Кіевская, по гоненіямъ Уніятскимъ. Престарѣлая супруга Іова была первою игуменіею дѣвичьяго монастыря, существовавшаго цѣлое столѣтіе, въ такой смѣжности съ Златоверхимъ, по древнему обычаю, когда мужескія и женскія обители находились подъ однимъ настоятельствомъ.—Недавно, при строеніи ограды Михайловской, открыто было на возвышенномъ мѣстѣ, къ юговостоку, каменное основаніе нѣсколькихъ церквей, полагаютъ, что это остатки мужескаго Димитріевскаго монастыря, отъ котораго и самая дорога съ Крещатика на Подолъ называлась Димитріевскимъ взвозомъ.—Смежность сихъ развалинъ съ Златоверхою обителію доказываетъ еще, въ какой тѣснотѣ воздвигались въ древности священныя зданія, одно близъ другаго. Сынъ великаго Ярослава Изяславъ въ св. крещеніи Димитрій, мало достойный знаменитаго отца своего, соорудилъ въ 1081 году обитель Димитріевскую, надѣясь богатствами ея привлечь многихъ иноковъ, изъ Лавры Печерской, отъ гонимаго имъ Антонія; но какъ говоритъ преподобный Несторъ, «многіе монастыри отъ князей и боляръ и богатства поставлены, но не таковы они какъ тѣ, которые поставлены слезами и пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ.» Сынъ Изяслава Ярополкъ, убитый измѣнически однимъ изъ своихъ оруженосцевъ, послѣ междоусобной брани съ дядею Всеволодомъ, погребенъ былъ въ обители, созданной его отцемъ. Ми-

трополитъ Іоаннъ и великій Князь, съ сыномъ своимъ Мономахомъ, встрѣтили съ плачемъ тѣло убіеннаго и положили при церкви верховныхъ Апостолъ, которую самъ онъ началъ сооружать, но не успѣлъ окончить.

Крайній холмъ горы, по сосѣдству Димитріева монастыря, на которомъ вѣроятно въ древности стоялъ также кумиръ, назывался Крещатицкимъ беремищемъ и въ послѣдствіи Кучинскою горою, отъ имени владѣтеля;—мѣсто сіе слыло околдованнымъ въ народѣ. Страшные разсказы, о ночныхъ явленіяхъ злыхъ духовъ, сохранились въ преданіяхъ народныхъ, которыя свидѣтельствуютъ истину событій лѣтописныхъ, о низверженіи идола, здѣсь нѣкогда стоявшаго; ибо, по словамъ лѣтописи, не даромъ плакалъ Перунъ, когда влекли его съ Чертова беремища въ глубокій Днѣпръ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ все, что доселѣ существуетъ примѣчательнаго, на Старомъ Кіевѣ, искалъ я и слѣды давно минувшаго, еще взывающаго изъ нѣдръ земли, гласомъ своихъ развалинъ, или уже только сохраненнаго одною памятію славныхъ событій. Судное слово: «земля еси и въ землю отъидеши» (Быт. III.) глубоко сбылись надъ поколѣніями и зданіями Стараго Кіева; слоемъ камней и костей, обозначены, въ нѣдрахъ земныхъ, лѣта ихъ и мимопротекшіе надъ ними вѣка: гдѣ бы ни коснулся заступъ—вездѣ могилы! какихъ бы новыхъ основаній

ни хотѣли ископать на лѣтописной землѣ сей: дома ли молитвы, или частнаго жилища, или охранной бойницы, вездѣ проглянутъ остатки бывшихъ, давно уже стертыхъ съ лица земли, и поглотившая ихъ смерть оскалитъ свои каменные зубы, какъ-бы въ горькую насмѣшку новому поколѣнію, ищущему себѣ основы на такой безднѣ минувшаго.—Осыплется ли валъ, которымъ столько разъ обносили Старый Кіевъ, и вотъ выглянутъ изъ-подъ него Златыя врата Ярослава, памятникъ его могущества и величія Кіева, или врата Батыевы, горькая память разоренія Монгольскаго. То мирный храмъ Ирины, съ своими усыпальницами, обрѣтенный черезъ столько лѣтъ забвенія, начинаетъ опять отогрѣвать, народномъ солнцѣ Кіева, прахъ своихъ усопшихъ; то древняя Десятинная церковь, на время раскроетъ тайны своихъ подземныхъ сводовъ, чтобы опять укрыться подъ щитъ новаго храма, хотя не достигшаго до ея широкихъ размѣровъ, однако осѣнившаго благоговѣйно ея священные останки; или, изъ-подъ горы Перуновой, вымываются живыми ключами, украшенія мертвыхъ кумировъ, которые еще блюдетъ Кіевъ, какъ въ тайникѣ, вмѣстѣ съ костями ихъ сокрушителей, въ материнской утробѣ своихъ горъ.—Кіевъ, колыбель нашей вѣры, новый Сіонъ нашъ, подобно древнему, есть градъ великаго Царя, и къ нему можетъ также относиться псаломный стихъ сей: «горы окрестъ его и Господь окрестъ людей своихъ!» (Пс. 124, 2).

На четыре неравныя части раздѣленъ Старый Кіевъ, съ своими отдѣльными холмами и зданіями. Вся обрывистая гора, на которой стоитъ онъ, возвышается, какъ крутоберегой островъ, изъ глубины окружающихъ его долинъ, неприступный только со стороны Днѣпра, болѣе отлогій съ другихъ сторонъ. На самой вершинѣ его тѣснились, въ маломъ городкѣ, древніе Князья, тамъ, гдѣ нынѣ церковь Первозваннаго; это есть первое отдѣленіе Стараго Кіева, искони обнесенное валомъ, и къ нему принадлежала также верхняя часть Михайловскаго, а нижняя его половина укрѣплена только въ позднѣйшія времена. Ярославъ много распространилъ къ западу столицу свою, сооруживъ митрополію и двѣ обители, на полѣ битвы съ Печенѣгами; но еще долго находилась, внѣ ограды Стараго Кіева, глубокая долина, живописно врѣзавшаяся въ нѣдра горы Кіевской; она слыла въ древности Перевѣсищемъ, потому что лежитъ на скатѣ Стараго Кіева. Изъ ограды Михайловской вступилъ я опять на лѣтописную почву древнѣйшаго населенія Стараго Кіева.

Здѣсь, между монастыремъ и церковію Трехъ-Святителей, еще сохранилась отлогость бывшаго Боричева взвоза, гдѣ основался Кій, Князь Полянскій, давшій свое истинное или баснословное имя, вмѣстѣ съ братьями и сестрою, мѣсту ихъ жительства и окрестнымъ урочищамъ. Здѣсь начало Кіева и современныхъ ему названій: Щековицы, горы Олеговой, и

Хоревицы, горы Ольгиной, и рѣки Лыбеди, доселѣ сохранившихъ тѣ имена, какими искони огласила ихъ Русь. Еще тогда рѣчка Почайна, нынѣ поглощенная Днѣпромъ, протекала у подошвы горы Кіевской, и на устьи ея, гдѣ теперь Крещатикъ, были пристань и перевозъ черезъ Днѣпръ.—Вверхъ сего Боричева взвоза, Кіевляне несли въ ладьяхъ надмѣнныхъ пословъ Древлянскихъ, приходившихъ сватать за своего Князя языческую Ольгу, послѣ убіенія ея супруга, и внизъ по той же дорогѣ, влачимъ былъ, по слову Владимірову, кумиръ Перуновъ, гордо возвышавшійся на сосѣднемъ холмѣ. Вотъ и церковь Трехсвятительская, сооруженная св. Княземъ, въ честь Ангела своего Великаго Василія, на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда князь тьмы, въ лицѣ Перуна, требовалъ отъ него идольскихъ жертвъ и даже крови мученической.

Божественная кровь приносилась въ ней, за спасеніе увѣровавшихъ въ Бога Владимірова, когда въ первый разъ удостоился я взойти въ ея священную внутренность. Царскія врата были отверсты и съ ними небо; священникъ стоялъ во вратахъ, съ чашею въ рукахъ и возглашалъ: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите.» Немного молитвенниковъ было въ храмѣ, всѣ они поверглись ницъ у дверей царскихъ, и съ ними я, пораженный зрѣлищемъ святыни. Служитель алтаря, благословивъ паству, по древнему благочестивому обычаю Малороссіи, прикоснулся священною чашею, ко главамъ нашимъ, когда опять

возгласилъ: «всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.» —Такая необъятная вѣчность, такая дивная Пасха, которой будемъ еще искреннѣе пріобщаться, въ невечернемъ днѣ царствія Христова, срѣтила меня на томъ мѣстѣ, гдѣ совершалъ свою первую Пасху Равноапостольный Князь, очищенный отъ грѣховъ язычества, и сердце мое исполнилось радостнымъ чувствомъ благодарности къ сему великому просвѣтителю нашего отечества.

Первобытная церковь Владимірова была, вѣроятно, деревянная, по скорости устроенія; но въ послѣдствіи ее замѣнили каменною благочестивые Князья Кіева, ибо, послѣ разоренія Батыева, остались каменныя ея развалины. Въ бѣдственномъ запустѣніи оставалась она до XVII вѣка, когда возстановилъ ее Митрополитъ Петръ Могила, движимый ревностію къ святости мѣста и памяти основателя. Въ послѣдній разъ еще обновлена она, въ исходъ того же вѣка, и по желанію усердствовавшихъ, переименована Трехсвятительскою, ибо въ числѣ сихъ Іерарховъ и Великій Василій. Въ сѣверовосточной стѣнѣ сей церкви доселѣ сохранились кирпичи древней работы, свидѣтельствующіе, что эта часть зданія уцѣлѣла отъ разоренія Монгольскаго.

Около сей древнѣйшей церкви стараго Кіева предполагаютъ и первобытное жилище Великаго Князя, которое уже во времена Нестора перенесено было на иное мѣсто; ибо онъ говоритъ въ лѣтописи своей:

что дворъ княжескій былъ прежде въ городѣ тамъ, гдѣ при немъ стоялъ дворъ Вротиславль и Чудинъ.—Мѣсто, противулежащее церквамъ Десятинной и Трехсвятительской, какъ находящееся посреди древнѣйшаго населенія Стараго Кіева, по всей вѣроятности, было занято палатами его возвеличившихся властителей; но, судя по описанію Нестора, нѣтъ сомнѣнія, что каменный теремъ Ольги стоялъ на мѣстѣ нынѣшней Андреевской церкви; онъ указываетъ его позади Десятинной, надъ самою горою и оттолѣ точно могла видѣть Княгиня, какъ несли пословъ Древлянскихъ, съ Почайны по Боричеву взвозу, и любоваться живописною долиною, которая разстилается вверхъ по Днѣпру, до любимаго села ея Вышгорода, на горѣ Хоревицѣ.

Около бывшихъ княжихъ палатъ на Старомъ Кіевѣ, гдѣ и теперь находятъ много щебня и костей, должно искать двухъ обителей княжескихъ, женской и мужеской, основанныхъ властителями Кіева, по сосѣдству дворца ихъ, дабы присные ихъ, сыны и дочери, могли постригаться близко дома родительскаго, и сами они обрѣтали бы себѣ послѣдній пріютъ, недалеко отъ своего жилища, подъ сѣнію неумолкаемыхъ молитвъ иноческихъ. Это Андреевскій или Янчинъ монастырь, и Ѳеодоровскій или Вотчь, т. е. Отчій. Всеволодъ, сынъ Ярослава, заложилъ на Старомъ Кіевѣ, въ 1086 году, первую церковь во имя Первозваннаго, и при ней устроилъ обитель для дочери своей, Анны или

Янки, которая подала примѣръ постриженія Княжескимъ дщерямъ и, собравъ около себя дѣвицъ, сама обучала ихъ пѣнію, чтенію св. Писанія и полезнымъ искусствамъ. Тамъ погребена была и супруга Всеволода, Княжна Половецкая Анна, и вѣроятно погребались прочія особы княжескаго дома, о коихъ однако молчатъ лѣтописи; но изъ мужеской отрасли Ярослава онѣ упоминаютъ только о погребеніи, въ Янкиной обители, сына Мономахова, втораго великаго Князя Ярополка, и сына Боголюбскаго Владиміра, удѣльнаго Князя Дорогобужскаго.

Напротивъ того мужескій монастырь прославился погребеніемъ Князей, великихъ и удѣльныхъ, и доселѣ открываются въ частныхъ домахъ, къ югу отъ Десятинной церкви, погребные провалы и склепы, вѣроятно ему принадлежавшіе. Сынъ Мономаха, Великій Князь Мстиславъ, прозванный Великимъ, заложилъ въ 1122 году каменную церковь, во имя великомученика Ѳеодора Тирона, и около него устроилъ въ послѣдствіи монастырь мужескій, который дѣти его привыкли называть отеческимъ или Вотчимъ. Самъ основатель Мстиславъ, лучшій изъ сыновей Мономаха, обновилъ собою княжескую усыпальницу своего племени, и 35 лѣтъ спустя, рядомъ съ нимъ возлегъ храбрый, но многомятежный сынъ его Изяславъ, княженіе коего ознаменовало столькими бурями воинскими, бѣдствующую столицу; ибо это было время самаго сильнаго разгара междоусобій Ольговичей съ Моно-

маховичами. Братья его, Великіе Князья Ростиславъ и Мстиславъ, и удѣльный Владиміръ, и сынъ Ярополка, другой Изяславъ, Князь Луцкій, одинъ за другимъ, послѣ многихъ браней, спустились подъ мирные своды Отчей обители, гдѣ смерть примирила и уравняла всѣхъ.

Но сія тихая обитель, усыпальница ратныхъ Князей, была однажды свидѣтельницею горькаго зрѣлища ихъ междоусобій. Самый несчастный изъ всѣхъ Ольговичей Игорь, кроткій и праведный, послѣ шестинедѣльнаго княженія на престолѣ Кіевскомъ, былъ свергнутъ племянникомъ своимъ Изяславомъ, внукомъ Мономаха, и переходя изъ темницы въ темницу, испросилъ себѣ наконецъ мирный пріютъ въ келліяхъ Отчаго монастыря. Игорь постригся, и казалось, Ангельскій образъ, отрѣшившій его отъ суеты мірской и всякаго земнаго величія, долженъ былъ оградить и отъ сопряженной съ ними опасности:—совершилось противное и пролилась невинная кровь его! Братья Ольговичи вступились за невольнаго инока, которому стѣны монастыря служили вмѣстѣ и оградою темничною; Великій Князь Изяславъ, вызванный ими, какъ бы на совѣщаніе въ Черниговъ, заблаговременно узналъ о готовившейся измѣнѣ, и послалъ извѣстить о томъ въ Кіевъ брата Владиміра, Митрополита Климента и народное вѣче.—Возмутился народъ: Ольговичи готовятъ гибель нашему Князю! воскликнула буйная толпа, убьемъ Игоря! и въ слѣпомъ порывѣ

ярости, устремилась въ монастырь его. Напрасно возбранялъ Владыка, напрасно Князь Владиміръ, на борзомъ конѣ, хотѣлъ обскакать разъяренныхъ, чтобы спасти единокровнаго; толпа заградила ему дорогу. Игорь, ничего не подозрѣвая, стоялъ въ церкви, предъ иконою Богоматери и слушалъ Божественную литургію. Буйная чернь, не уважая святости мѣста и сана, извлекла инока изъ храма и ограды; смятенный Владиміръ встрѣтилъ мучителей и жертву, уже во вратахъ. «Братъ мой, куда?» воскликнулъ къ нему болѣзненно Игорь; Владиміръ, соскочивъ съ коня, покрылъ его иноческую рясу своею княжескою мантіею, взывая къ народу; «братья, не могите дѣлать зла, не убивайте Игоря.»—Самъ, осыпаемый ударами, вмѣстѣ съ мученикомъ, онъ съ трудомъ довелъ его до двора матери своей и ринулся въ ворота, надѣясь, что уважатъ хотя жилище Великой Княгини; но ничего не пощадила неистовая чернь, разбила ворота дома княжескаго, и въ сѣняхъ, на самыхъ ступеняхъ, умертвили Игоря: и Князь и инокъ, все было забыто въ убіенномъ, видѣлся одинъ Ольговичь; обнаженнаго повлекли за ноги сквозь торжище до Десятинной церкви, а оттолѣ, бросивъ его на случившуюся праздную телѣгу, свезли на Подолъ:—тогда только остыла безумная ярость. Князь Владиміръ послалъ сказать народу: «вотъ вы уже убили Игоря, дайте хоть похоронить тѣло его:» народъ же, опамятовавшись, слагалъ вину на Ольговичей, умыслившихъ злое на

ихъ Князя.—Невинный страдалецъ пролежалъ ночь въ Новгородской часовнѣ: утромъ Митрополитъ послалъ игумена той обители, гдѣ провелъ Игорь остатокъ горькихъ дней своихъ, предать съ честію священные останки, въ церкви св. Симеона, что была на скатѣ стараго Кіева къ Подолу. Церковь причла его къ лику святыхъ своихъ заступниковъ, вмѣстѣ съ первыми страстотерпцами Русскими Борисомъ и Глѣбомъ, столь же неправедно убіенными, и доселѣ призывается молитвенно имя Игоря въ храмахъ древней столицы, близъ самаго мѣста его убіенія.

Позади бывшей обители Отчей, должно искать и древнихъ воротъ Батыевыхъ, которыя находились во внутренности города, на пути отъ Десятинной церкви къ св. Софіи, и такъ названы, быть можетъ отъ того, что башни ихъ разорены завоевателемъ Монгольскимъ; остатки сихъ башень еще видны были до исхода прошедшаго столѣтія.

VI.

ДЕСЯТИННАЯ ЦЕРКОВЬ.

Вотъ наконецъ и славная Десятинная церковь св. Владиміра, начало и вѣнецъ всѣхъ священныхъ зданій Стараго Кіева, прежде всѣхъ сооруженная благовѣрнымъ Княземъ, и нынѣ послѣ всѣхъ обновленная. изъ малаго уцѣлѣвшаго придѣла и обширныхъ развалинъ. Просвѣтитель Руси не пощадилъ трудовъ и сокровищъ для сооруженія достойнаго храма Господу, просвѣтившему его духовную и тѣлесную тьму; въ самый годъ своего крещенія, въ исходѣ X вѣка, рукою опытныхъ художниковъ Греческихъ, началъ онъ сооруженіе первой соборной церкви въ своей столицѣ. Владиміръ посвятилъ ее Пречистой Дѣвѣ, празднуя честный соборъ ея, на другой день спасительнаго Рождества Сына ея и Бога, и опредѣлилъ десятую часть своихъ доходовъ, на поддержаніе новаго храма, отъ чего и сохранилось ему названіе Деся-

тиннаго. Туда перенесъ онъ блаженные останки своей бабки, Великой Княгини Ольги, отъ которой почерпнулъ первые начатки Христіанства; тамъ похоронилъ и благовѣрную супругу Анну, Греческую Царевну, утверждавшую его на пути спасенія, и самъ успокоился наконецъ подъ сѣнію той же церкви. Сынъ его Ярославъ, движимый благочестіемъ къ памяти усопшихъ, вырылъ кости дядей своихъ Ярополка и Олега, убіенныхъ еще въ язычествѣ, и окрестивъ торжественно, положилъ въ церкви Десятинной, гдѣ опочилъ и великій отецъ; а самъ отошелъ на смертный покой, подъ сѣнь собственнаго храма Софійскаго. Но внукъ его Изяславъ, столько разъ обуреваемый врагами и единокровными, на колеблемомъ отовсюду престолѣ Кіевскомъ, и правнукъ Ростиславъ, въ юности умершій, послѣдній изъ Князей, положены въ основаніяхъ Десятинной церкви, которая съ тѣхъ поръ перестала быть усыпальницею племени Владимірова.

Мѣсто, избранное св. Княземъ для сооруженія храма, было ему горько памятно, мученическою смертію двухъ Христіанскихъ Варяговъ, Ѳеодора и Іоанна, изъ коихъ сынъ, прекрасный лицемъ юноша, назначенъ былъ по жребію въ жертву Перуна, а нѣжный отецъ, не хотѣвшій его выдать, вмѣстѣ съ нимъ, погибъ отъ ярости народной. Это были единственныя жертвы, пострадавшія на Руси до водворенія Христіанства, и на ихъ костяхъ соорудилъ равно-

апостольный Князь соборное святилище, которое великолѣпно украсилъ мусіею и иконами Корсунскими; но лучшимъ его сокровищемъ были св. мощи Климента, Епископа Римскаго, и въ честь его находился придѣлъ въ Десятинной церкви.—Всѣ сіи сокровища, дважды расхищенныя Ольговичами и при Великомъ Князѣ Рюрикѣ, исчезли при разореніи Монгольскомъ вмѣстѣ съ храмомъ; ибо къ нему примыкала городская стѣна Стараго Кіева и около него кипѣлъ самый жестокій бой. Отъ всего храма остался только одинъ южный придѣлъ, Святителя Николая, съ частію церковной стѣны. Въ такомъ ужасномъ запустѣніи брошены были священныя развалины, въ теченіе четырехъ вѣковъ, тяжкихъ для Кіева, игомъ Татарскимъ и Литовскимъ, доколѣ не явился наконецъ обновитель, самъ рода княжескаго, въ митрѣ святительской. Ревностный Митрополитъ, Петръ Могила, не вынесъ зрѣлища развалинъ престольнаго своего города, и все, что только могла возстановить рука его, въ краткое его правленіе,—возстановила. Онъ пристроилъ къ остаткамъ Десятиннымъ малую церковь, частію каменную, частію деревянную, во имя Рождества Богоматери, съ придѣломъ верховныхъ Апостолъ въ верхнемъ ярусѣ. Нѣсколько неизвѣстныхъ Греческихъ писменъ, изсѣченныхъ на дикомъ камнѣ, вставлены были между кирпичами новой церкви, надъ южнымъ окномъ, во свидѣтельство ея древности, какъ тайныя руны, которыя обрѣтаетъ путникъ на

пустынныхъ скалахъ Скандинавскихъ. Тамъ стало опять совершаться богослуженіе, прерванное четырьмя вѣками запустѣнія; прочая же часть обширныхъ развалинъ оставалась подъ землею до нашихъ временъ.

Еще прежде сооруженія церкви, Митрополитъ, имѣвшій обычай посѣщать каждую субботу разные храмы своей паствы, пошелъ помолиться и надъ остатками Десятинной церкви, въ убогомъ ея придѣлѣ Святителя Николая. Когда же, по выходѣ изъ храма, обозрѣвалъ его окружность, онъ нечаянно увидѣлъ, въ близкомъ разстояніи, небольшую яму и приказалъ глубже ее разрыть; но сколь велико было утѣшеніе благочестиваго Пастыря, когда онъ открылъ два мраморные гроба и узналъ по ихъ надписямъ, что въ нихъ покоились св. Владиміръ и его супруга. Съ благоговѣніемъ перенесъ онъ нетлѣнную главу просвѣтителя Руси, въ древнюю его церковь, на Берестовѣ, гдѣ былъ нѣкогда княжескій дворецъ, а наконецъ и въ самую Лавру, ибо не безопасенъ былъ Кіевъ отъ набѣговъ Крымскихъ.

Протекло еще два столѣтія послѣ убогаго, хотя и благоговѣйнаго обновленія церкви Десятинной, и вотъ уже въ наше время, одному изъ жителей Кіева, пришла благочестивая мысль, возстановить совершенно древнюю церковь св. Владиміра, изъ вѣковыхъ ея развалинъ; въ 1823 году раскрыто было подъ землею обширное основаніе и опять явился на свѣтъ древній чертежъ внутреннихъ и внѣшнихъ стѣнъ храма,

съ тремя полукружіями алтаря, изъ которыхъ средній рѣзко выдавался впередъ, и съ двумя придѣлами въ трапезѣ, гдѣ выкладены были, дикимъ камнемъ, мѣста для гробницъ. Весь помостъ, подъ алтаремъ, еще сохранилъ свою мозаику разноцвѣтнаго мрамора, и грудою на немъ лежало множество мусіи, обвалившейся съ купола и стѣнъ, 26 сажень въ длину и 16 въ ширину, составляли размѣръ древняго зданія. Между многими обломками мраморовъ найдена была надгробная доска, безъ надписи, разбитая на три куска, а при вторичномъ изслѣдованіи развалинъ, открыли еще двѣ гробницы, изъ каменныхъ фіолетовыхъ плитъ: одна безъ всякихъ украшеній, а другая съ богатою рѣзьбою, на подобіе Ярославовой. Она находится теперь въ землѣ, внѣ новаго зданія, съ югозападной стороны; но первая, которую должно предполагать Владиміровою, ибо открыта въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и Митрополитъ Петръ обрѣлъ честную главу равноапостольнаго Князя, взошла подъ алтарную часть храма, и надъ нею устроена, съ правой стороны иконостаса, великолѣпная гробница Просвѣтителя Руси, съ серебряными изваяніями. Мозаики и древности, найденныя въ основаніи Десятинной церкви, хранятся въ главномъ алтарѣ, и въ стѣны храма вкладены камни, съ письменами Греческими, уцѣлѣвшіе отъ давнихъ временъ. Новое зданіе сооружено по возможности въ Византійскомъ вкусѣ, съ двумя придѣлами, во имя св. Владиміра и чудотворца Николая,

и хотя оно несходно съ прежнимъ чертежемъ Десятинной церкви, однако должно быть драгоцѣнно для каждаго Русскаго, какъ воспоминаніе древняго святилища, воскресшаго изъ развалинъ.

И такъ, вотъ все, что осталось намъ отъ Стараго Кіева, гдѣ нѣкогда съ такою славою княжили Князья Русскіе!—Но кто подыметъ предо мною пелену минувшаго? кто вызоветъ изъ тьмы временъ событія, давно былыя, и лица давно безличныя, чтобы хотя ихъ памятію оживить мертвое урочище!—Первые возстаютъ изъ мрака три брата и сестра, давшіе имена свои мѣстамъ дотолѣ безъимяннымъ: это начало Кіева. Вотъ Кій сидитъ на горѣ своей, взимая дани съ переходящихъ Днѣпръ, и все опять погружается во мракъ на нѣсколько столѣтій.—Плывутъ съ сѣвера, внизъ по Днѣпру, ладіи Варяжскія и покоряется Кіевъ Оскольду; плывутъ онѣ съ юга, вверхъ по Днѣпру, искушенныя бурею подъ Царьградомъ, и приносятъ съ собою начатки вѣры Христовой.—Опять ладіи съ сѣвера: въ нихъ завоеватель Олегъ, съ младенцемъ Игоремъ, и падаетъ Оскольдъ на берегу Днѣпра, тамъ, гдѣ доселѣ мѣсто слыветъ его могилою; почесть громкой могилы ожидаетъ и побѣдоноснаго Олега, въ новой его столицѣ: братъ Кія уступаетъ ему цѣлую гору свою Скавицу, въ надгробный курганъ, какъ бы нѣкую пирамиду Фараоновъ. Вотъ и языческая Ольга, полная славныхъ дѣяній того, чье носитъ имя, женской рукою крѣпко дер-

житъ бразды правленія, мститъ сосѣдямъ за малодушіе и смерть супруга; но вотъ и таже Христіанская Ольга, достойная блаженной Царицы, которой воспріяла имя во св. купели, внушаетъ первые начатки Христіанства юному внуку и готовитъ просвѣщеніе Руси.

Ратно княженіе Святослава: земля ему ложе, сѣдло изголовье, звѣздное небо покровъ; костьми, хочетъ онъ лечь, дабы не посрамить землю Русскую, но не на синемъ Днѣпрѣ, а на красномъ берегу Дуная; а между тѣмъ Печенѣги облегаютъ его столицу, мать и дѣти въ осадѣ; юноша Русскій обманываетъ враговъ, съ уздою въ рукахъ ищетъ коня, чрезъ весь станъ ихъ, и переплывъ Днѣпръ, кличетъ на помощь воеводу Святослава: еще немного и Князь Печенѣжскій пьетъ изъ черепа Русскаго Князя!—Опять три брата хотятъ княжить въ Кіевѣ; но уже нѣтъ межь ними мира, какъ между тремя первыми; другой Олегъ и Ярополкъ падаютъ въ единокровной брани; Владиміръ сквернитъ идольскими требищами горы Кіевскія, на коихъ скоро должна возсіять благодать Божія, по слову Апостола, и онъ же самъ очиститъ ихъ отъ кумировъ, ибо на него указалъ Первозванный.—Совѣтъ въ княжескомъ теремѣ; послы иновѣрные предлагаютъ каждый свою вѣру, послы Владиміровы избираютъ Греческую; сердце его уже давно къ ней расположено, имя Ольги рѣшаетъ недоумѣніе бояръ. Опять и въ послѣдній разъ, закипѣлъ судами Рус-

скими Греческій путь и, тою же стезею, возвращается изъ покоренной Корсуни, уже просвѣщенный вѣрою Князь; съ нимъ Св. иконы и мощи, съ нимъ Епископъ и пресвитеры, и Греческая Царевна его супруга. Измѣняетъ лице свое Кіевъ:—Перунъ, алкавшій жертвъ, влечется внизъ по Боричеву взвозу, въ глубокій Днѣпръ, и плыветъ до Выдубичей, при послѣднихъ кликахъ языческихъ; первая церковь встаетъ на холмѣ его, первая обитель подлѣ холма, храмъ Десятинный великолѣпно сооружается на горахъ Кіевскихъ, и десятина всея Руси ему обречена; въ тихихъ водахъ Почайны креститъ благовѣрный Князь двѣнадцать сыновей своихъ, въ широкихъ волнахъ Днѣпра креститъ весь народъ, и Днѣпръ уноситъ съ собою древнее язычество Руси; новое благодатное племя восходитъ, изъ животочной купели, и Равноапостольный просвѣтитель молитъ Господа: утвердить православіе въ его царствѣ.

Славно княженіе Владиміра, осѣненное крестомъ по всей Руси: но едва лишь смѣжились очи его, въ уединеніи села Берестова: какъ пролилась, отъ руки братней, кровь двухъ сыновей его, первыхъ страстотерпцевъ Русскихъ, Бориса и Глѣба.—Кіевъ впервые видитъ въ стѣнахъ своихъ дружины надмѣнныхъ Ляховъ; мечъ Болеслава иззубрился на Златыхъ вратахъ; но является великій мститель за честь Русскую и кровь братьевъ, съ полками Славянскими Новгорода, и падаетъ съ престола братоубійца Свято-

полкъ; съ нимъ удаляются Ляхи; опять въ одну мощную десницу собралась вся обширная Русь. Ярославъ благовластный, высоко сидитъ на престолѣ Кіевскомъ; ему покоряются народы, отъ моря Балтійскаго до моря Чернаго.—Величественно возстаетъ и св. Софія Цареградская на горахъ Кіевскихъ, а между тѣмъ, въ пещерахъ Варяжскихъ, затеплилась уже священная лампада Антонія, и изъ его тѣснаго вертепа расширяется великая Лавра Печерская.

Опять три брата, роковое число для Кіева, и опять междоусобіе.—Малодушествуетъ Изяславъ и бѣжитъ въ Ляхи; Святославъ владѣетъ престоломъ братнимъ до ранней своей кончины, обличаемый отшельниками Антоніемъ и Ѳеодосіемъ, за похищеніе достоянія братняго; а кроткій Всеволодъ терпитъ, доколѣ не возвратился съ чужбины законный Князь и не палъ въ междоусобной битвѣ; между тѣмъ Половцы грабятъ землю Русскую; Ханъ ихъ Бонякъ срываетъ листы съ золотыхъ воротъ Ярославлихъ и грабитъ Лавру; но вотъ обрѣлся на полвѣка крѣпкій подвижникъ въ землѣ Русской, примиритель Князей и бичъ Половцевъ. Сынъ Всеволода, Мономахъ, господствуетъ надъ всею Русью, сперва изъ Переяславскаго своего удѣла, а потомъ изъ Кіева; онъ прикрываетъ мужествомъ своимъ малодушіе Великаго Князя Святополка и укрощаетъ Князей, подъ стѣнами столицы, жаждущихъ отмстить ему за жестокое ослѣпленіе Василька. Онъ же созываетъ дружественные

ихъ сеймы въ Любечѣ, и хочетъ вновь собрать разъединившуюся державу; но только одно могущественное лице его можетъ одолѣвать столько браней, готовыхъ возникнуть. Мономахъ, со славою, отходитъ къ предкамъ въ путь всѣхъ земнородныхъ, завѣщавая миръ—и возгарается брань; рано слѣдуетъ за нимъ храбрый сынъ Мстиславъ; сильное племя Князей Черниговскихъ ищетъ старѣйшинства на престолѣ Кіевскомъ, и вотъ, на полтораста лѣтъ, запылала междоусобная кровавая война, между родомъ Ольговичей, и родомъ Мономаховичей.

Исполинское лице сей единокровной рати, ярко освѣщенное ея заревомъ,—Изяславъ, внукъ Мономаха, дважды свергаемый съ престола, то силою Ольговичей, то рукою собственнаго дяди, Долгорукаго, и его крѣпкаго сына Боголюбскаго. Онъ заслоняетъ себя призракомъ другаго слабаго дяди, Вячеслава, и въ силѣ мужества умираетъ внезапно, на горько добытомъ престолѣ; кровь схимника Игоря подмыла престолъ сей, хотя и невиненъ въ ея пролитіи Изяславъ; но уже Ольговичи не могутъ простить ее потомству Мономаха. Съ его младшимъ сыномъ, Долгорукимъ, падаетъ слава великаго княженія, и Суздаль господствуетъ надъ Кіевомъ, въ лицѣ Боголюбскаго; но еще Князья оспориваютъ другъ у друга древнюю столицу и грабятъ ея богатства. Изяславъ Черниговскій, на краткое время бывшій Великимъ Княземъ, хочетъ опять добыть престолъ и движетъ

къ Кіеву орды Половецкія; перейдя подъ Вышгородомъ Днѣпръ, онъ стремится, вдоль Оболонья, къ укрѣпленному Подолу; жестокіе наемники врываются въ нижній городъ, жители верхняго едва отсидѣлись, за своими стѣнами, отъ напора вражескаго. Протекло девять лѣтъ и Старый Кіевъ испыталъ ту же участь: одиннадцать Ольговичей, по зову Боголюбскаго, идутъ мстить за его личную обиду брату великаго Изяслава, Мстиславу Кіевскому, и къ стыду имени Русскаго, три дня расхищаютъ древнюю столицу дружины княжескія.—Это первое ея разореніе; близко второе и третіе, уже послѣднее, ибо ничего не останется послѣ Монголовъ.—Безрасудный Рюрикъ, невольно постриженный зятемъ своимъ, Романомъ Галицкимъ, самъ выдаетъ столицу жестокимъ союзникамъ и дикимъ Половцамъ, чтобы только опять измѣнить мантію иноческую на великокняжескую; расхищены всѣ храмы и обители, и даже гробы мертвыхъ; на улицахъ течетъ кровь старцевъ и младенцевъ, юноши и дѣвы въ оковахъ влекутся на чужбину; пламя свирѣпствуетъ по всему городу и болѣе мѣсяца длится страшное опустошеніе:—это Князь инокъ дико празднуетъ свое воцареніе; плачъ во всей Руси по престольному граду; еще немного, и уже не кому будетъ плакать, посреди всеобщихъ развалинъ!

Вотъ подвигается туча Монгольская!—Долго ходитъ она, по небосклону бѣдствующей отчизны, и наконецъ страшно разражается надъ Кіевомъ. Есть

еще Князья, алчущіе его престола, но уже нѣтъ межь ними защитниковъ, въ часъ гибели. Михаилъ Черниговскій, будущій исповѣдникъ и мученикъ, оставляетъ Кіевъ, чтобы искать помощи въ Венгріи; новый властитель, изъ рода Смоленскихъ, Ростиславъ, изгоняется Даніиломъ Галицкимъ, и самъ Даніилъ, видя страшное нашествіе Монголовъ, бѣжитъ также въ Венгрію, ввѣривъ столицу свою храброму боярину Димитрію: —такъ, въ роковую минуту, нѣтъ ни одного Князя въ престольномъ городѣ, и сиротствуетъ мать городовъ Русскихъ. Уже грозный завоеватель, Батый, слышалъ о великихъ сокровищахъ Кіева и посылалъ заблаговременно внука Чингисъ-Ханова, Мангу, издали осмотрѣть его.—Дикій Ордынецъ, съ противоположнаго берега Днѣпра, окинулъ жаднымъ взоромъ древнюю столицу и изумился крѣпкимъ стѣнамъ ея, на неприступныхъ горахъ; онъ подивился множеству златоверхнихъ храмовъ и обителей, и послалъ требовать добровольной сдачи.—Съ гордостію отвергли малодушное предложеніе старшіе сыны Руси и даже обагрили себя кровію пословъ Ордынскихъ: отселѣ не осталось уже никакой надежды на миръ или пощаду; предстояла одна неминуемая гибель, и она постигла. Батый приблизился, съ своими несмѣтными полчищами, со стороны дебрей.

Надъ Кіевомъ носилась смерть, ужасъ безъ малодушія въ стѣнахъ его; отъ дикаго вопля Татаръ, отъ рева воловъ и верблюдовъ, отъ ратнаго ржанія коней,

отъ скрыпа огромнаго обоза, едва могли слышать другъ друга граждане Кіева; они уже сказали себѣ послѣднее слово: умремъ за св. Софію! Напрасно плѣнный Ордынецъ страшитъ ихъ именами всѣхъ богатырей, прославленныхъ разореніемъ царствъ дальняго Востока, и всею грозною семьею Чингисъ-Хана:—народъ Кіевскій смотритъ на боярина Димитрія, Димитрій на св. Софію и Десятинную церковь, и возгарается сѣча, и отражаются приступы. Отъ воротъ Лядскихъ, со стороны дебри, главная опасность; тамъ, день и ночь, стѣнобитныя орудія сокрушаютъ твердыни; падаетъ наконецъ ограда; весь городъ Ярослава, съ его св. Софіею и Златыми вратами, уже въ рукахъ дикихъ враговъ; но еще остается древній городъ Владиміра: на самыхъ стогнахъ кипитъ жестокая сѣча, камни летятъ изъ домовъ, стрѣлы влетаютъ въ окна, и о врата ломаются копья, кровь льется рѣкою; мужественный Димитрій отступаетъ съ дружиною, въ Старый городъ, и ограждается тыномъ около Десятинной церкви: тамъ главная святыня, тамъ всѣ сокровища, туда стеклись и граждане Кіева, съ женами и дѣтьми, которые только могли спастись.—Это послѣдняя ночь Кіева, еще будетъ для него утро, но не будетъ вечера; солнце освѣтитъ Русь, но уже не зайдетъ для древней ея столицы.

Наступило 9 мая, день столь торжественный для Кіева, памятію великаго Святителя;—онъ озаритъ однѣ развалины и трупы. Бояринъ Димитрій, самъ

исходя кровію отъ ранъ, еще вымышлялъ способы защиты, но уже ихъ нѣтъ; опять возобновляется приступъ и, подъ бурею вражескихъ волнъ, сокрушается послѣдній оплотъ; самыя палаты Десятинной церкви рушатся, подъ тяжестію нахлынувшей толпы, искавшей на нихъ спасенія. Димитрій еще бьется, въ самыхъ стѣнахъ храма, и до его плѣна длится битва, потомъ уже одно убійство. Грозный завоеватель щадитъ доблесть боярина Русскаго, но не щадитъ остатковъ его дружины и бѣдствующаго народа, ни древнихъ святилищъ столицы; надъ Десятинною церковію особенно изливается ярость Монголовъ; она срыта до основанія, кромѣ одного лишь придѣла, подъ коимъ почіетъ Равноапостольный Князь, окрестъ же него пустыня; обезглавлены св. Софія и златоверхая обитель Архангела; сокрушена по окна великая церковь Лавры Печерской и долго никто не смѣетъ селиться на дымныхъ развалинахъ: робкіе путники приходятъ только взглянуть на опустѣвшую столицу, и болѣе смѣлые иноки сбираются въ пещерахъ, по звуку тайнаго благовѣста, молиться о усопшихъ. — Такое видѣніе поднялось предо мною, съ развалинъ Десятинной церкви!

VII.

КРЕЩАТИКЪ.

Въ знойный полдень сидѣлъ я, подъ навѣсомъ любимой моей бесѣдки, въ очаровательномъ саду минеральныхъ водъ; я наслаждался зрѣніемъ холоднаго волнующагося Днѣпра, и дольняго города на берегу, осѣненнаго, какъ горнимъ щитомъ, святынею Стараго Кіева. Мимо меня, почти непрерывно, тянулась вереница людей, не праздно гулявшихъ въ прохладѣ сада, но озабоченныхъ заботою дня. Одни появлявшіеся со стороны дворца, проходили бодро еще со свѣжими силами; но шедшіе къ нимъ на встрѣчу казались истомленными труднымъ восходомъ, и отирали съ лица своего обильный потъ. «Откуда?—спросилъ я одного изъ нихъ, присѣвшаго отдохнуть подлѣ меня;—«съ Крещатика»—отвѣчалъ онъ;—«но развѣ здѣсь дорога?»—«На самомъ концѣ сада,—возразилъ мой собесѣдникъ,—есть малая тропинка по обрыву горы, которая прямо сводитъ къ Крещатику, а оттолѣ на Подолъ.» Близость Крещатика къ тому отрадному пріюту, гдѣ ежедневно проводилъ я многіе часы, возбудила во мнѣ тайный укоръ, что доселѣ еще не

посѣтилъ я мѣста, столь священнаго для каждаго сына Церкви, и, не смотря на томительный зной, рѣшился я немедленно спуститься, указанною мнѣ стезею до самаго Крещатика.

На краю сада начинается узкая тропинка, сперва довольно отлогая, а потомъ до такой степени обрывистая, что иногда надобно искать мѣста, гдѣ бы удобнѣе поставить ногу, дабы перешагнуть черезъ глубокія рытвины, промываемыя дождями и весеннимъ стокомъ водъ. Но съ каждой ступени сей исполинской лѣстницы, изсѣченной стопами столькихъ тысячъ, въ вѣковыхъ горахъ Кіева, какая очаровательная картина города, рѣки и нависшихъ горъ, и привольной долины, отъ нихъ бѣгущей до самаго Вышгорода! По мѣрѣ схожденія, стѣсняется ея живописная рама, доколѣ наконецъ двѣ противулежащія горы и синяя пучина Днѣпра не обрѣжутъ кругомъ горизонта.—И вотъ, устремляющему взоръ свой къ низу, внезапно мелькнетъ изъ-подъ утеса, на который ступила нога его, позлащенный крестъ; еще шагъ и встала цѣлая колонна, а тамъ открылось и широкое ея основаніе, четыре арки, ограждающія водоемъ: это Крещатикъ, это Почайна! здѣсь совершилось крещеніе Руси!— Я устремился къ священному кладезю, утолить его прохладною струею и жажду благочестія и естественную жажду, возбужденную палящимъ солнцемъ. Около водоема висѣли по стѣнамъ иконы Пречистой Дѣвы, живоноснаго источника нашего спасенія, равноапо-

стольныхъ Владиміра и Ольги, бывшихъ виновниками онаго для нашей отчизны, и первыхъ ея страстотерпцевъ Бориса и Глѣба. Съ умиленіемъ поклонился я ликамъ сихъ избранниковъ земли Русской, двигнувшихъ ее на путь жизни, и молитвенно воспоминалъ великое дѣло, ими совершенное.

Здѣсь, на самомъ Крещатикѣ, крестились сыновья великаго Владиміра, не много далѣе граждане Кіева, на устьѣ Почайны, нынѣ поглощенной Днѣпромъ, гдѣ была нѣкогда пристань Кіевская. Что можетъ быть трогательнѣе словъ самой лѣтописи блаженнаго Нестора?—«Владиміръ послалъ по всему городу, говоря: если кто не обрѣтется завтра на рѣкѣ, богатый или убогій, тотъ будетъ мнѣ противникъ. Люди же всѣ услышавъ сіе, съ радостію пошли и радостно говорили другъ ко другу: если бы не добро сіе было, не пріяли бы сего Князь и бояре!—(Какая младенческая простота нравовъ. достойная новораждаемыхъ въ царствіе Божіе!) На утро вышелъ на Днѣпръ самъ Владиміръ, съ пресвитерами Царевны и Корсунскими, и собралось безчисленное множество людей: всѣ вошли въ воду и стояли иные по шею, другіе до персей, младенцы же ближе къ берегу, а иныхъ младенцевъ держали взрослые на рукахъ. Священники, стоя на берегу, творили молитвы, и видима была радость великая. Владиміръ же радуясь, что познали Бога, самъ онъ и люди его, воззрѣлъ на небо и воскликнулъ: Боже великій, сотворившій небо и землю!

призри на новыхъ людей своихъ, дай имъ, Господи, увѣдать тебя истиннаго Бога, какъ увѣдали страны Христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру правую и несовратимую, и мнѣ помоги, Господи, на сопротивнаго врага, да надѣясь на тебя и на твою державу, побѣждаю козни его.»

Каменный памятникъ Крещатика воздвигнутъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, благочестіемъ Императора Александра, и на сей священный водоемъ, два раза въ годъ совершаются крестные ходы: одинъ болѣе торжественный, въ день Преполовенія изъ собора Софійскаго, Митрополитомъ, со всѣмъ духовенствомъ; другой же, болѣе смиренный, бываетъ въ день памяти равноапостольнаго Князя, изъ приходской сосѣдней церкви Рождества Христова, которая стояла въ древности на самомъ устьѣ Почайны.

Подъ сѣнію Крещатика долго стоялъ я, опираясь на края священнаго водоема; взоръ мой безотчетно блуждалъ по юдоли, ухо прислушивалось къ ея звукамъ. Ниже къ рѣкѣ, нѣсколько бѣлыхъ хижинъ мелькало изъ-за развѣсистыхъ ракитъ, и въ нихъ слышался какъ будто говоръ, а вдали на Днѣпрѣ протяжная пѣснь.—На скатѣ противулежащей горы, гдѣ былъ нѣкогда Боричевъ взвозъ, отдыхалъ народъ, трудившійся надъ новою дорогою съ Подола, и мимо проходили путники. Съ верховья долины, Малороссійскій отрокъ, ловко управляя конемъ, гналъ еще нѣсколько другихъ къ водопою, и двѣ Кіевлянки,

съ кувшиномъ въ рукахъ, въ своихъ живописныхъ одеждахъ, пришли почерпнуть воды изъ священнаго источника. Впрочемъ, все вокругъ было тихо: вѣтеръ не шевелилъ листьями ракитъ, не журчала вода; безмолвіе уединенной юдоли умножалось еще всею тяжестію знойно налегшаго полудня, но свѣжо было надъ устьемъ кладезя.—Мнѣ казалось, я сижу опять, подъ знойнымъ небомъ Палестины, надъ купелью Силоамскою или надъ кладеземъ Нееміи, тамъ гдѣ у подошвы Сіона юдоль Іосафатова сходится съ долиною Геенны, и вотъ отроки и дѣвы Арабскіе, въ длинныхъ своихъ покрывалахъ, приходятъ черпать предо мною завѣтную воду.—И точно, купель сія была Силоамскою, для прозрѣвшей Руси; и точно, надо мною возвышался отечественный Сіонъ, старый Кіевъ, мать городовъ нашихъ, о коемъ и мы можемъ воскликнуть, стихами псалмовъ: «мати Сіонъ, речетъ человѣкъ!» (Пс. 86).—Ахъ! я былъ опять, на нѣсколько мгновеній, въ Іерусалимѣ, и градъ Владиміровъ казался мнѣ градомъ Давида.

Тогда же, съ умиленіемъ благодарнаго сердца, вспомнилъ я и то, какъ однажды, на самой зарѣ моей жизни, долина Крещатика послужила мнѣ пристанію спасенія, когда разлившійся Днѣпръ билъ меня сердитою волной, въ утломъ челнокѣ, меня, юнаго и неопытнаго путника, довѣрившагося его бурной пучинѣ, со всею безпечностію своего возраста. Уже я отчаивался одолѣть сіе весеннее море разлившихся водъ,

когда одна благодѣтельная волна двинула наконецъ чолнъ мой къ крутому берегу, и я ступилъ на землю, нѣсколько ниже Крещатика, тамъ, гдѣ его долина впадаетъ въ Днѣпръ.—Столько долгихъ, протекшихъ лѣтъ, мелькнуло предо мною, какъ-бы нѣсколько вчерашнихъ дней; я стоялъ опять на томъ же мѣстѣ, хотя самъ уже инымъ,—и вотъ воспоминанія ранней юности, невольно уступили впечатлѣніямъ позднѣйшимъ; опять Кіевъ казался мнѣ Сіономъ, а долина Крещатика юдолью Іосафатовой, которая именемъ своимъ напоминаетъ послѣдній Судъ!—Когда же, по звуку одной страшной трубы, соберутся всѣ почивающіе по вселенной,—блаженъ, кто, услышавъ гласъ сей, воспрянетъ въ той одеждѣ нетлѣнія, которою облекся во святой купели, бывшей для него Крещатикомъ или Іорданомъ!

Аскольдова могила.

VIII.

ОСКОЛЬДОВА МОГИЛА.

Посѣщая ежедневно церкви и обители Кіева, ознаменованныя особенною святынею или событіями историческими, взошелъ я, на улицѣ Печерской, въ монастырь, такъ называемый Малаго Николая, который прославленъ чудотворною иконой Святителя. Икона сія, по обычаю Кіевскому, высоко виситъ надъ царскими дверьми и спускается для благоговѣйнаго чествованія богомольцевъ; въ томъ же храмѣ, еще два древніе образа чудотворца Мурликійскаго, письма Греческаго, одинъ мѣстный, а другой со входа, привлекаютъ къ себѣ молитвенниковъ. Оригинально зодчество самой церкви, весьма тѣсной внутри, которая слыветъ Слупомъ, или столпомъ; она вся, столпообразно, вырастаетъ въ одинъ высокій куполъ и вѣроятно была такъ устроена, еще съ самыхъ древнихъ временъ, если судить по ея давнему прозванію. Подлѣ обители Малаго Николая, возвышается другая,

болѣе обширная, Пустынно-Николаевская обитель, недавно обращенная въ военный соборъ; она была сооружена, съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ, Гетманомъ Мазепою, и еще владѣетъ всѣми лавками Печерской улицы.—Даже монастырь Малаго Николая теперь только получилъ опять прежнюю свою самостоятельность, а до сего времени считался приписнымъ къ обители.

Но ни тотъ, ни другой, не стоятъ на мѣстѣ древнѣйшей женской обители, во имя чудотворца Николая, которая, по преданію, основана была блаженною Ольгою, недалеко отъ могилы Оскольдовой; тамъ приняла иноческій образъ мать преподобнаго Ѳеодосія. Сынъ Мономаха, Мстиславъ, довершилъ окончательное устройство деревянной ея церкви, которая разрушена въ общемъ разореніи Монгольскомъ; но когда стали обновлять древнюю святыню Кіева, возникла опять изъ пепла и столпообразная церковь Святителя, уже съ обителію мужескою. Бывшій намѣстникомъ въ Кіевѣ, Князь Голицынъ, соорудилъ, въ началѣ протекшаго столѣтія, новую каменную церковь во вкусѣ древней.

Въ священной колыбели нашей вѣры, гдѣ преданія древности свѣжѣе воспоминаній позднѣйшихъ, сохранилась и память того мѣста, гдѣ погибъ рукою Олега первый Христіанскій Князь Кіева.—Глубокими чертами врѣзалась, въ одно изъ древнѣйшихъ его урочищъ, сія живая страница лѣтописи Несторовой:

«и пришелъ Олегъ, съ Варягами и многими воями, къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣлъ, что тамъ княжатъ Оскольдъ и Диръ. Онъ скрылъ воиновъ своихъ въ ладьяхъ, а другихъ оставилъ позади, самъ же приплылъ подъ мѣсто Угорское, неся съ собою Игоря младенца, и послалъ сказать Оскольду и Диру: мы гости, идемъ въ Греческую землю, отъ Олега и отъ Игоря княжича, пріидите къ намъ, родичамъ вашимъ. Пришли Оскольдъ и Диръ, и внезапно выскочили всѣ прочіе изъ ладій; Олегъ же сказалъ имъ: вы не Князья и не рода княжаго, а вотъ сынъ Рюриковъ! и, показавъ Игоря, убилъ Оскольда и Дира. Ихъ понесли на гору и погребли на мѣстѣ, что нынѣ зовется Угорскимъ, гдѣ теперь Ольгинъ дворъ; на той могилѣ поставили церковь святаго Николая, а Дирова могила за св. Ириною. И сѣлъ Олегъ княжить въ Кіевѣ, и сказалъ Олегъ: сей будетъ матерію городовъ Русскихъ.»—Угорскимъ же прозвалось мѣсто отъ воинскаго стана Венгровъ, ополчившихся на берегу Днѣпра, во дни Олеговы, когда шли завоевать свою землю.

Мѣсто сіе, прославленное мученическою смертію перваго Христіанскаго Князя и погребеніемъ первой Христіанской Княгини, доселѣ слыветъ въ преданіи Оскольдовою могилою и глубоко уважается народомъ.— Здѣсь, еще во дни язычества, благочестивый вельможа Ольма соорудилъ убогую церковь, во имя Святителя Николая, тезоименитаго убіенному Оскольду,

и здѣсь повелѣла Ольга пресвитеру Григорію, втайнѣ погребсти себя, во избѣжаніе языческой тризны сына своего; отселѣ благочестивый внукъ перенесъ торжественно нетлѣнныя мощи сей первой денницы земли Русской, въ великолѣпную церковь Десятинную, куда отошелъ на вѣчный покой и самъ онъ, солнце Россіи. На живописномъ скатѣ Днѣпровскаго берега, на отдѣльномъ холмѣ, какъ-бы отшатнувшемся отъ первобытной горы, для подножія священному памятнику, доселѣ стоитъ церковь во имя Чудотворца; недавно сооружена каменная вмѣсто малой деревянной, которая непрестанно обновлялась со дня смерти Оскольдовой, не смотря на всѣ бурные перевороты многострадальнаго Кіева. Тамъ и доселѣ любимое кладбище почетныхъ его гражданъ. Жители Подола возносятся мертвыми, на высокую гору Олегову, гдѣ неизвѣстна могила славнаго воителя; жители Печерскіе спускаются въ гробахъ, на могилу убіеннаго имъ Оскольда; они ищутъ послѣдняго успокоенія, близъ первой христіанской гробницы Русской, подъ сѣнію молитвъ блаженной Княгини, которая прежде всѣхъ причтена была къ лику заступниковъ земной своей родины, и великаго Чудотворца, который далъ свое имя первому изъ просвѣтившихся вѣрою Князей нашихъ;—съ тѣхъ поръ сроднился онъ на вѣки съ ихъ землею, ибо къ нему прибѣгаетъ Россія, какъ къ величайшему своему заступнику, отъ первыхъ временъ и донынѣ.

IX.

ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Ниже могилы Оскольдовой, по теченію рѣки, посѣтилъ я, на красныхъ берегахъ ея, и древнюю обитель Выдубицкую, которую основалъ еще первый Святитель Кіевскій Михаилъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдній разъ низринутъ былъ въ волны Перунъ. Слѣпая толпа язычниковъ, бѣжавшая въ слѣдъ за плывущимъ кумиромъ, съ дикими воплями: «выдыбай, нашъ боже!» здѣсь убѣдилась въ суетѣ своей вѣры, когда увидѣла конечное потопленіе истукана.—Внукъ св. Владиміра, Всеволодъ, полюбившій мѣсто сіе, соорудилъ новую каменную церковь во имя Архангела, въ 1071 году, и монастырь долго носилъ названіе Всеволожа; ибо по его сосѣдству, на высокой горѣ нынѣшняго Звѣринца, поставилъ Вел. Князь красный дворецъ свой, гдѣ собирались сеймы княжескіе при великомъ Мономахѣ.—Князь инокъ Рюрикъ, допустившій разореніе Кіева въ свое слабое княженіе, обновилъ церковь и обнесъ ее каменною оградою, чтобы защитить отъ набѣговъ Половецкихъ, но не на долго:—нашествіе Монголовъ обратило ее въ пу-

стыню. Когда же Лавра Печерская начала возставать изъ своихъ развалинъ, оживился подъ ея сѣнію и сосѣдній монастырь Выдубицкій, временно отторгнутый Уніатами, и возвращенный православію ревнителемъ его, Петромъ Могилою. Настоятели Лавры обновили церковь, обрушенную отчасти, подмывшимъ ее Днѣпромъ; другой же великолѣпный храмъ, во имя великомученика Георгія, сооруженъ въ исходѣ минувшаго столѣтія, Стародубовскимъ полковникомъ Миклашевскимъ; живописное мѣсто сіе избрано также для погребенія нѣкоторыхъ почетныхъ семействъ Кіевскихъ.

Въ тихій благовонный вечеръ, какими часто дышетъ влажное небо Кіева, спустился я верхомъ, съ однимъ изъ давнихъ моихъ знакомцевъ, мимо Звѣринца, въ глубокое ущеліе Выдубицкое. Роскошная зелень садовъ, широко разросшихся по скатамъ высокихъ горъ, обвѣяла насъ своими ароматами; на самомъ днѣ юдоли живописно раскинулась бѣлая обитель, мирный пріютъ, который устроили люди въ этомъ отрадномъ Эдемѣ, насажденномъ рукою природы; у вратъ ея, казалось, кончался міръ.—Мы взошли въ ограду и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, пошли промежъ поросшихъ травою гробницъ; намъ указали, подлѣ церкви Архангельской бесѣдку, на краю утеса, у нашихъ ногъ зашумѣлъ синій поглотитель Перуна, плескомъ волнъ своихъ заглушившій здѣсь дикіе вопли; «выдыбай, выдыбай, нашъ боже!»—

Жадно смотрѣлъ я на это Русское море, полное жизнію предковъ; вездѣ, гдѣ только встрѣчался я съ Днѣпромъ, что-то невыразимо близкое сердцу, влекло меня къ нему; ибо каждая изъ долинъ Кіевскихъ, спускающаяся въ его хладныя объятія, запечатлѣна, при своемъ устьи, какимъ-либо воспоминаніемъ; вездѣ встрѣчается онъ, нашъ славный Тибръ, какъ нѣкій давній другъ, или пѣстунъ первыхъ дней юности: то въ образѣ мирнаго гостя Варяжскаго, тихо двигающаго суда, Греческимъ путемъ своимъ; то въ видѣ бурнаго воителя, стремящаго Славянскія ладіи къ Царьграду; то весь одѣянный голубою ризой, какъ воспріемникъ цѣлаго народа Русскаго, изъ освященныхъ водъ своихъ.

Много столь же пріятныхъ прогулокъ совершалъ я, по живописнымъ окрестностямъ Кіева, одинокій или въ сопровожденіи присныхъ, которые напоминали мнѣ мое ничтожное минувшее, посреди необъятнаго минувшаго, окружавшихъ меня развалинъ. Иногда, слѣдуя по Оболонью, вдоль великолѣпной колонады тополей, достигалъ я, сквозь разсѣянныя слободы и дачи, до очаровательной усадьбы Кинь-грусть, вполнѣ соотвѣтствующей сему поэтическому названію; ибо точно можно откинуть всякую грусть, въ прохладѣ ея отраднаго сада, на берегу ея мирнаго пруда, гдѣ такъ мало помогло искуство природѣ.—Тамъ угощалъ нѣкогда великую Екатерину великолѣпный Князь Тавриды, когда посѣтила она Кіевъ, на пути въ по-

коренный имъ Крымъ. Есть гдѣ и помечтать въ этомъ отрадномъ пріютѣ, когда взойдешь на высокую гору Кинь-грусть, и оттолѣ, черезъ вершины деревъ, увидишь вдали, какъ нѣкое видѣніе иныхъ временъ, златоверхій Кіевъ, плавающій въ ясномъ эѳирѣ, свыше всего земнаго и безъ всякаго отголоска человѣческой жизни.

Иногда, подымаясь вверхъ по долинѣ Крещатика, мимо великолѣпнаго зданія новаго университета, посѣщалъ я, на истокахъ лѣтописной рѣчки Лыбеди, березовую рощу Шулявчины, гдѣ находится малое подворье Софійское, и гдѣ жители Кіева встрѣчаютъ обыкновенно весну, майскимъ гуляньемъ. Иногда же, обогнувъ старый Кіевъ по горамъ его, обнесеннымъ валомъ среднихъ и новыхъ временъ, спускался я, отъ бывшихъ Львовскихъ воротъ, крутою тропинкою, въ живописный оврагъ, по которому раскинута слобода Кожемяки; оттолѣ, слѣдуя все вверхъ по руслу, даже по самой струѣ извивистаго ручья Глубочицы, выѣзжалъ я къ вершинѣ овраговъ, по направленію древней обители Кирилловской. Дочь Великаго Князя Всеволода, Марія, бывшая въ супружествѣ за Королемъ Польскимъ Казимиромъ, основала монастырь сей, въ 1160 году, и, послѣ разоренія Монгольскаго, онъ опять былъ обновленъ однимъ благочестивымъ ревнителемъ церкви, Кирилломъ, отъ котораго сохранилось ему имя; въ стѣнахъ его былъ постриженъ Святитель Димитрій Ростовскій, и тамъ погребены

его родители, въ придѣлѣ древней соборной церкви, празднующей сошествію Св. Духа. Монастырь былъ упраздненъ въ исходѣ минувшаго столѣтія; теперь въ немъ помѣщаются богоугодныя заведенія. Живописное положеніе, на обрывѣ горы, и вокругъ тополевая роща, даютъ особенную прелесть сей замѣчательной обители.

Часто, по широкой улицѣ Софійской, мимо собора и развалинъ св. Ирины, въѣзжалъ я въ пустоту бывшихъ Златыхъ вратъ, сквозь которыя какъ будто утекло все славное минувшее Кіева, когда распахнулись онѣ подъ мечемъ Татарскимъ, и уже не могли сомкнуть мѣдныхъ устъ своихъ! Однажды поднялся я на высокую гору Олегову, гдѣ одна его могила разрослась цѣлымъ кладбищемъ; странно видѣть его на такой высотѣ, осѣняющимъ дольній городъ, своими надгробными крестами. Оттолѣ также одинъ изъ самыхъ очаровательныхъ видовъ на Днѣпръ, къ Лаврѣ, и повсему Оболонью, вдоль прибрежныхъ утесовъ.— Эта воздушная усыпальница достойна живописнаго Кіева! его мертвые не могли избрать себѣ лучшаго пріюта, подъ сѣнію храма всѣхъ Святыхъ, ангеловъ своихъ, которые наблюдали за ихъ дольнею жизнію, и собрали ихъ наконецъ подъ свои горнія крыла.

Престарѣлый священникъ, украшенный сѣдинами, стоялъ надъ свѣжею могилою, только что совершивъ панихиду. «Гдѣ здѣсь Олегова могила?» спросилъ я; «здѣсь столько могилъ, отвѣчалъ старецъ, гдѣ же

найти ее!»—«Я спрашиваю о Князѣ Олегѣ!»—«Развѣ о Княгинѣ Ольгѣ,» возразилъ онъ, «спросите объ ней на Старомъ Кіевѣ.»—«Но лѣтопись и любители древности указываютъ могилу Олегову на горѣ Скавицѣ,» сказалъ я опять почтенному старцу. «И такъ пусть же справятся они лучше съ лѣтописями и придутъ сами указать ее, на этомъ обширномъ кладбищѣ, гдѣ объ Олегѣ нѣтъ и помину.»—Мнѣ хотѣлось разспросить, о нѣкоторыхъ сосѣднихъ урочищахъ, которыя впрочемъ мало извѣстны, лѣтописными своими именами, жителямъ Кіева. «Позвольте мнѣ еще обезпокоить васъ однимъ вопросомъ, сказалъ я, гдѣ здѣсь гора Уздыхальница?»—«Вы вѣрно изъ столицы, отвѣчалъ онъ, съ радушною улыбкою; всѣ пріѣзжіе обыкновенно пытливы и доискиваются такихъ мѣстъ и именъ, о которыхъ мы природные жители никогда не слышимъ. Что за вздыхальница?—всякая гора покажется такою, когда взберешься на нее по крутизнѣ, и не разъ вздохнешь отъ усталости, какъ на нашу Скавицу.»—Мнѣ очень понравились слова добраго старца, приправленныя Малороссійскою солью, и я стустился съ горы Олеговой, съ пріятнымъ впечатлѣніемъ, хотя и съ неудовлетвореннымъ любопытствомъ. Но всѣ мои прогулки обыкновенно кончалъ я на своемъ любимомъ мѣстѣ, которое наиболѣе мнѣ нравилось, изъ всего древняго и новаго Кіева,—на паперти Андреевской церкви. Тамъ, при закатѣ солнца, уже всегда ожидалъ меня добрый отецъ Іаковъ, чтобы

дать мнѣ еще какое либо новое свѣдѣніе объ окрестностяхъ, и мы долго съ нимъ бесѣдовали, въ прохладѣ роскошнаго вечера, доколѣ багровое солнце закатившись за гору Олегову, и багровая луна, поднявшись изъ-за дебрей Днѣпровскихъ, не напоминали намъ, что уже настало время покоя человѣку, изшедшему на дѣланіе свое до вечера.

X.

ВЫШГОРОДЪ И МЕЖИГОРЫ.

Одну изъ самыхъ пріятныхъ поѣздокъ, по окрестностямъ Кіева, совершилъ я, въ отдаленный Вышгородъ и Межигоры, оба замѣчательные своею древностію и живописными видами. Почтенное семейство, съ которымъ познакомился еще при первомъ моемъ посѣщеніи Кіева, вызвалось мнѣ сопутствовать, и пріятнымъ обществомъ сократило путь. Рано утромъ спустились мы, съ крутой горы Андреевской, и мимо веселыхъ слободъ и дачъ ѣхали, какъ-бы одною тополевою рощею, до самой Кинь-грусти. Широкая поляна, отдѣляетъ сію прелестную усадьбу, отъ густаго сосноваго бора, ко́торый на нѣсколько верстъ простирается къ Вышгороду, по сыпучимъ пескамъ; далѣе воздѣланныя поля, и вправо Вышгородъ, бывшее село Ольги, на горѣ Хоревицѣ, господствуетъ надъ Днѣпромъ и всею окрестностію;—это также одно изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстъ Кіева, хотя ими такъ богата его природа. Широкое теченіе рѣки, усѣянной островами, открывается во всемъ ея великолѣпіи, отъ Вышгорода и за Кіевъ, вдоль низмен-

ной долины, которая ограждена мрачнымъ боромъ и амфитеатромъ горъ. Вдали старый Кіевъ, какъ-бы на престолѣ, царственно возсѣдитъ на горахъ своихъ, увѣнчанный многоглавымъ вѣнцемъ всѣхъ своихъ обителей, и держитъ въ рукахъ, какъ нѣкій скиптръ, колокольню Печерскую: дольній городъ служитъ ему подножіемъ, на подобіе бѣлыхъ мраморныхъ ступеней, облегающихъ его горній престолъ; а вѣчный Днѣпръ, его обтекающій и весь кипящій полуденнымъ солнцемъ, — зеркало его великокняжеской славы. Таковъ Мономаховичь Кіевъ! такъ имъ нѣкогда любовалась отселѣ блаженная Ольга, изъ своего любимаго села, которое обратилось въ городъ удѣльный, при ея правнукѣ Ярославѣ. Нѣтъ слѣдовъ древняго жилья княжескаго, кромѣ земляныхъ насыпей около деревянной церкви Бориса и Глѣба, отколѣ самый лучшій видъ.

Церковь сія, гдѣ нѣкогда хранились нетлѣнные останки Мучениковъ Князей, нынѣ убогая, уже въ седьмой разъ возстаетъ изъ своихъ развалинъ. Первую соорудилъ великій просвѣтитель Руси, во имя своего Ангела Василія, въ 989 году, не подозрѣвая, что она сдѣлается сокровищницею двухъ нѣжно любимыхъ его сыновей, мученически убіенныхъ ихъ братомъ. Пожаръ истребилъ зданіе, сорокъ лѣтъ спустя, и опять соорудилъ ее изъ пепла великій Ярославъ. Еще черезъ сорокъ лѣтъ воздвигнута была третья, тоже деревянная церковь, по обветшаніи прежъ-

ней, при сынѣ его Изяславѣ; съ торжествомъ перенесли туда мощи Страстотерпцевъ и многими чудесами ознаменовалось сіе событіе. Князья Черниговскіе, Святославъ и Олегъ, соорудили великолѣпный каменный храмъ, на мѣсто деревяннаго; онъ былъ освященъ при великомъ Мономахѣ, но буря Монгольская, черезъ сто двадцать пять лѣтъ, разметала до основанія святилище, и съ тѣхъ поръ безвѣстны святыя мощи Бориса и Глѣба, сокрытыя, какъ гласитъ мѣстное преданіе, подъ сводами храма. Тогда же разрушены были двѣ обители Вышгорода, мужеская и женская: одна, такъ называемая Бѣлаго Спаса, которой и теперь видны остатки, устроенная Боголюбскимъ, а другая женская;—оттолѣ увезъ онъ во Владиміръ чудотворную икону Божіей Матери, которая теперь хранится въ Московскомъ соборѣ; ибо Вышгородъ, до своего разоренія, былъ всегда любимымъ жилищемъ Великихъ Князей; тамъ скончались великій Ярославъ и сынъ его Всеволодъ.

Не скоро послѣ разоренія Монгольскаго воздвиглась новая убогая церковь, на развалинахъ древней каменной, но и ее разрушили до основанія Татары, во время владычества Литовскаго; ибо переправа черезъ Днѣпръ была противъ самаго Вышгорода. Они употребили для моста все дерево храма и даже иконостасъ; а мѣстная икона Богоматери, съ помощію которой нечестивый Ордынецъ переправился черезъ Днѣпръ, принесена была волнами къ берегу Подола,

и тамъ съ честію поставлена въ Братскую обитель. Другая мѣстная икона Спасителя, оставшаяся въ Вышгородѣ, доселѣ носитъ слѣды нечестія Татарскаго; на лицѣ ея глубокая язва, нанесенная копіемъ, и въ ней запеклась кровь, какъ на живомъ тѣлѣ.—Это случилось въ 1662 году; семь лѣтъ спустя, благочестивый полковникъ Кіевскій, Мокіевскій, возстановилъ церковь, которую черезъ тридцать лѣтъ, въ седьмой разъ перестроилъ, по ветхости ея, мѣстный священникъ Василій Лукьяновичь, иждивеніемъ усердствовавшихъ къ памяти святыхъ Страстотерпцевъ; но сія церковь уже пришла въ ветхость и ожидаетъ обновленія болѣе прочнаго, отъ благочестивыхъ ревнителей; память же святыхъ Князей доселѣ совершается, при большомъ стеченіи народа, въ древнемъ Вышгородѣ, 24-го іюля и 2-го мая, въ день перенесенія мощей ихъ. Съ незапамятныхъ временъ сохранился подлѣ алтаря священный студенецъ, бывшій прежде подъ основаніемъ великолѣпнаго храма; оттолѣ черпаютъ благочестивые богомольцы освященную воду и съ вѣрою пріемлютъ исцѣленіе.—О еслибы кто либо изъ тезоименитыхъ возстановилъ храмъ Бориса и Глѣба, въ прежнемъ его величіи!

Оставивъ Вышгородъ, мы стали спускаться въ глубокое ущелье, поросшее лѣсомъ; круто извивалась трудная дорога, доколѣ внезапно не открылась намъ, въ раздвинувшейся долинѣ, бѣлая ограда обители, съ двумя ея церквами и обширными келліями,

а позади нее вѣчный украситель всѣхъ урочищъ Кіевскихъ—Днѣпръ. Отрадно появленіе обители въ столь дикомъ, но живописномъ уединеніи. Иноки Греческіе, скитавшіеся безъ пріюта, по окрестностямъ Кіева, въ началѣ XV вѣка, не могли избрать себѣ ничего лучше сего мѣста, между горъ, отъ чего и обитель ихъ получила названіе Межигорской; они обновили ею память монастыря Боголюбскаго, Бѣлаго Спаса, который былъ разоренъ Татарами. Еще на одной изъ сосѣднихъ горъ, ископанныя пещеры, съ надписями, частію обвалившіяся, свидѣтельствуютъ о давнемъ населеніи мѣста; нѣкоторые возводятъ даже ихъ древность до временъ Антоніевыхъ, какъ будто все пещерное ему принадлежитъ.

Запорожская Сѣча, защищавшая край сей отъ ярости Крымцевъ и насилія Поляковъ, въ теченіе двухъ столѣтій, приняла обитель Межигорскую подъ свое особенное покровительство, и сносила туда свои сокровища. Кошевой атаманъ, Кальношевскій, соорудилъ въ ней церковь, во имя верховныхъ Апостолъ Петра и Павла; другая же церковь, болѣе древняя, празднуетъ Преображенію Господню, какъ храмовый день прежней обители Бѣлаго Спаса; она воздвигнута усердіемъ Патріарха Іоакима, въ послѣдніе годы его жизни, ибо Святитель былъ самъ постриженникомъ сей обители, и тамъ доселѣ хранится портретъ его. По странному и жалкому стеченію обстоятельствъ, въ бытность Императрицы Екатерины въ Кіевѣ, даже

наканунѣ того самаго дня, когда хотѣла она посѣтить Межигорскую обитель, внезапный пожаръ истребилъ почью обѣ церкви, и Государыня, которая столько слышала о красотѣ мѣста, не захотѣла уже видѣть пепелища. Горестное послѣдствіе имѣлъ пожаръ сей для Межигорскаго монастыря;—его упразднили, по представленію Князя Таврическаго, который въ то же время упразднилъ, въ своихъ владѣніяхъ, и другую столь же древнюю и знаменитую обитель Святогорскую, нынѣ возстановленную благочестіемъ его наслѣдниковъ. О еслибы возстановилась и Межигорская, и это очаровательное мѣсто, созданное для жилища иноковъ, возвратилось опять безмолвію пустынному! Тогда бы горы огласились вновь ликами иноческими, и старый Днѣпръ, встрепенувшись при столь отрадномъ звукѣ, послѣ полувѣковаго безмолвія, на быстрыхъ волнахъ своихъ, донесъ бы гулъ сей въ обрадованную матерь городовъ Русскихъ; тогда бы опять Лавра, какъ средоточіе молитвы, на нѣсколько поприщъ вверхъ по рѣкѣ до Межигорья, и также на нѣсколько внизъ до Китаевой пустыни ограждена была возникшими изъ нея обителями, которыя, какъ передовая стража, охраняли сію древнѣйшую духовную твердыню всея Руси.—Можетъ быть и сбудется когда нибудь благоговѣйное желаніе, Было время, когда незабвенный нашъ исторіографъ грустилъ о запустѣніи и древней обители Симоновской!—«Часто прихожу, писалъ онъ, на то мѣсто,

на которомъ возвышаются мрачныя готическія башни Симонова монастыря, и почти всегда встрѣчалъ тамъ весну; туда же прихожу и въ мрачные дни осенніе, горевать вмѣстѣ съ природою: страшно воютъ вѣтры въ стѣнахъ опустѣвшаго монастыря, между гробовъ заросшихъ высокою травою, и въ темныхъ переходахъ келлій. Тамъ, опершись на развалины гробовыхъ камней, внимаю глухому стону временъ, бездною минувшаго поглощенныхъ, стону, отъ котораго сердце мое содрогается и трепещетъ; иногда вхожу въ келліи и представляю себѣ тѣхъ, которые въ нихъ жили,—печальная картина!»—И вотъ обитель Симоновская опять во всемъ ея блескѣ! А въ Межигорской нѣтъ такого запустѣнія, какъ было нѣкогда въ Симоновой, все еще цѣло и даже обновлены обѣ церкви, келліи и часть ограды;—не достаетъ только иноковъ для богослуженія!

Но какая очаровательная Θиваида, въ лѣсистыхъ удоліяхъ Межигорія! какъ уединенно и отрадно звучитъ прозрачный горный ключъ, прозванный Звонками, ибо во дни благосостоянія обители, чистыя струи его падая на металическія полосы, издавали гармоническіе звуки. Малая бесѣдка его осѣняетъ, любимое отдохновеніе отшельниковъ Межигорскихъ; тамъ любили они погружаться въ созерцаніе, подъ тѣнію развѣсистыхъ ракитъ и тополей, въ живописной долинѣ, по которой струится между деревъ свѣтлый ручей. Какое обиліе виноградниковъ, вишень, яблонь

и грушъ, на обѣихъ горахъ, какъ-бы нарочно раздвинувшихся, чтобы дать мѣсто обители! Это были плодовитые сады ея, которыми издавна она славилась, и какъ хорошъ этотъ синій Днѣпръ, съ своимъ дикимъ Заднѣпровьемъ, въ каменистой рамѣ утесовъ! На обрывѣ его стоитъ монастырь; вокругъ него однѣ только горы, лѣса и воды, лишь изрѣдка оживляемыя бѣлымъ вѣтриломъ; но уже не Запорожскимъ, и не причаливаютъ болѣе легкіе челноки Сѣчи, ходившіе добывать за море, въ дальній Требизондъ, сокровища Анатоліи, для украшенія любимой своей обители.

XI.

БРАТСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Прежде нежели переселиться для говѣнія въ Лавру, я желалъ еще посѣтить на Подолѣ, духовную Академію Братскаго монастыря, первый разсадникъ наукъ въ отечествѣ нашемъ, который устоялъ и прошелъ сквозь всѣ бури и неустройства южнаго края, въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій.— Чрезвычайно замѣчательна судьба сего знаменитаго училища, котораго всѣ перевороты недавно описаны, со всевозможною подробностію, однимъ изъ благочестивыхъ его питомцевъ. Чувство необходимости образованія духовнаго, при жестокихъ гоненіяхъ Уніи и Іезуитовъ, внушило гражданамъ Кіевскимъ завести ученое братство, при Богоявленской церкви на Подолѣ, по примѣру иныхъ духовныхъ училищъ, которыя въ то же время возникли въ Острогѣ, Львовѣ и Вильнѣ, по манію воеводы Князя Острожскаго и Епископовъ православныхъ. Первосвятитель восточной Церкви, Патріархъ Іеремія Цареградскій, учредивъ патріаршество въ Москвѣ, благословилъ братство сіе при самомъ его началѣ, въ 1589 году, и тридцать

лѣтъ спустя, другой Святитель Востока, Патріархъ Іерусалимскій Θеофанъ, утвердилъ оное своею грамотою, объявивъ Ставропигіальнымъ, въ то самое время, когда Церковь Малороссійская, лишенная своихъ пастырей, страдала отъ совершеннаго безначалія. Ревностный Патріархъ далъ и покровителей раждающемуся святилищу наукъ, въ лицѣ рукоположенныхъ имъ Митрополита и Епископовъ. Благочестивая жена, маршалка Анна Гугулевичь, уступила братскому училищу дворъ свой и нѣсколько зданій на Подолѣ; Гетманъ Петръ Сагайдачный, столько лѣтъ страшный своимъ оружіемъ Полякамъ, пожертвовалъ собственнымъ имуществомъ обители Братской; самъ онъ, заключившись въ стѣнахъ ея, написалъ цѣлую книгу въ защиту православной вѣры. Съ тѣхъ поръ ученое братство, подъ покровительствомъ Гетмановъ Малороссіи, хотя нѣсколько разъ упадало, во дни жестокихъ битвъ съ Поляками, но опять возникало. Богданъ Хмѣльницкій былъ его воспитанникъ и членъ, со всѣми почетными людьми, мірскими и духовными того времени. Отселѣ и благочестивый Царь Алексій вызвалъ ученыхъ иноковъ, для исправленія книгъ церковныхъ, Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго, которые въ свою чреду сдѣлались начальниками просвѣщенія въ Москвѣ.

Настала блестящая эпоха для училища Братскаго: сынъ воеводы Молдавскаго, Петръ Могила, постригается въ Лаврѣ и, сдѣлавшись ея Архимандритомъ

и Митрополитомъ Кіевскимъ, соединяетъ устроенную имъ школу Печерскую съ Богоявленскою; онъ украшаетъ ее людьми, посланными имъ для образованія на Западъ и, оградивъ граматами Королей Польскихъ, снабжаетъ средствами, для содержанія убогихъ учениковъ и самихъ учителей. Отселѣ школа принимаетъ названіе Кіево-Могилянской Коллегіи, въ память своего благодѣтеля и старшаго брата, Митрополита Петра, но послѣ того скоро рушилось ея благосостояніе. Преемникъ его, Сильвестръ Коссовъ, еще нѣсколько времени поддерживаетъ Коллегію; Патріархъ Іерусалимскій Паисій, посѣтивъ Кіевъ, опять подтверждаетъ ее своею граматою; но, вслѣдъ за присоединеніемъ Малороссіи къ царству Русскому, начинаются жестокія войны съ Поляками и крамолы самихъ Гетмановъ; долго пѣтъ и законныхъ пастырей на каѳедрѣ Кіевской; зданіе Коллегіи опустошается пожаромъ и вотчины ея расхищаются врагами; убогое братство должно ходить, въ свободные часы и мѣсяцы, собирать подаяніе по Кіеву и окрестнымъ городамъ; не смотря на то, стремленіе къ просвѣщенію и потребность въ немъ все одолѣваетъ и не расторгается союзъ братства. Такъ протекъ для училища XVII вѣкъ, доколѣ наконецъ Государи Московскіе не взяли его подъ свое покровительство. Тогда украсилось оно болѣе громкимъ титломъ Академіи, и представило Церкви такихъ свѣтильниковъ, каковы были: Ректоръ его Іоанникій, Архіепископы Лазарь

Барановичъ и Іоаннъ Максимовичъ, Варлаамъ Ясинскій, Митрополитъ Кіевскій, знаменитый своею ученостію Ѳеофанъ Прокоповичъ, поборники православія Ѳеофилактъ Лопатинскій и Георгій Конисскій, Стефанъ Яворскій, мѣстоблюститель Патріаршаго престола, и Святители Димитрій Ростовскій и св. Иннокентій, первый Епископъ Иркутскій.

Миромъ ознаменовался XVIII вѣкъ для Академіи Кіевской; подъ сѣнію православныхъ Государей уже она не подвергалась безпрестаннымъ разореніямъ и смутамъ; но еще скудны были средства къ содержанію многочисленныхъ учениковъ, иногда питавшихся Христовымъ именемъ. Въ послѣдствіи, Гетманъ Мазепа старался поддержать Академію, утвердительными граматами на ея вотчины и денежными пособіями. Въ 1703 году, Великій Петръ привѣтствованъ былъ краснорѣчивымъ Ректоромъ ея Ѳеофаномъ, при посѣщеніи Кіева. Митрополитъ Іоасафъ Кроковскій и Гетманъ Скоропадскій покровительствовали также новой Академіи и жертвовали ей деньгами и селами. Но величайшимъ благодѣтелемъ ея былъ знаменитѣйшій изъ Митрополитовъ Кіевскихъ, Рафаилъ Заборовскій, который оказалъ ей пастырскую любовь свою, не менѣе Петра Могилы, и подобно ему, завѣщалъ ей свое имя, ибо съ тѣхъ поръ она стала называться Кіево-Могило-Заборовскою. Онъ надстроилъ великолѣпную залу, съ церковію, надъ каменнымъ зданіемъ, сооружен-

нымъ Мазепою, исходатайствовалъ званіе Архимандрита Ректору Академіи, и воспользовался посѣщеніемъ Императрицы Елисаветы, чтобы снова утвердить всѣ права, которыми искони пользовалось училище. Митрополитъ Арсеній Могилянскій подражалъ его благочестивому примѣру, и послужилъ къ усовершенствованію Академіи, сдѣлавшись третьимъ ея благодѣтелемъ послѣ Петра и Рафаила. Его преемники, Гавріилъ, перешедшій изъ Кіева на каѳедру новой столицы, и Самуилъ, исполнившій Кіевъ памятію своихъ духовныхъ добродѣтелей, были усердными сынами и отцами сей колыбели наукъ. Самуилъ испросилъ у Императрицы Екатерины, во время ея посѣщенія Кіева, чтобы Академія, которую предназначили перенести въ Лавру Печерскую, оставалась на древнемъ своемъ урочищѣ, гдѣ процвѣла она съ такою славою, въ бурную годину Малороссіи, и съ тѣхъ поръ умножились ея оклады отъ щедротъ Монаршихъ. Послѣдующіе Святители шли по стопамъ Рафаила, Арсенія и Самуила, какъ кокоши, собирая подъ крылія свои духовныхъ птенцовъ, которые изъ сего выспренняго гнѣзда разлетались по всей Руси, согрѣвать ее лучами просвѣщенія духовнаго. Кромѣ великихъ Іерарховъ, нами названныхъ, много еще другихъ поступили отселѣ, на всѣ почти каѳедры Россійскія, какъ нѣкогда изъ глубины Лавры Печерской, иноки ея избирались во вновь учреждавшіяся епархіи; можно сказать, что всѣ первоначальныя училища духовныя

по дальнимъ краямъ безпредѣльнаго отечества нашего, воспріяли свое начало отъ сего источника просвѣщенія, чрезъ его образованныхъ питомцевъ. Такимъ образомъ, дважды изъ Кіева истекло духовное просвѣщеніе Руси!

Достойный блюститель святилища наукъ, нынѣшній ректоръ, Архимандритъ Димитрій, благосклонно принялъ меня въ стѣнахъ своей училищной обители, и показалъ все, что заслуживало вниманія, по воспоминаніямъ святыни и великихъ мужей, изъ нея возникшихъ.—Прежде всего онъ ввелъ меня въ соборную церковь Богоявленія Господня, благолѣпно сооруженную Гетманомъ Мазепою, на мѣсто той убогой церкви, при которой соединилось впервые Богоявленское братство. Тамъ приложились мы къ чудотворной иконѣ Братской Божіей Матери, принесенной волною Днѣпровскою изъ разореннаго Вышгорода; всякую субботу, при многочисленномъ стеченіи народа, читается предъ нею акаѳистъ Пречистой Дѣвѣ, осѣнившей покровомъ своимъ обитель Братскую, чрезъ столько бурь и бѣдъ ее постигшихъ. Надъ царскими вратами, въ златомъ сіяніи, спускается для благоговѣйнаго чествованія, животворящій крестъ Святителя Іерусалимскаго Ѳеофана, которымъ утвердилъ онъ ставропигію Братской обители, и, какъ нѣкогда Апостолъ Андрей на горахъ Кіевскихъ, такъ опять, у ихъ подошвы, водрузилъ сей спасительный крестъ, залогомъ просвѣщенія Руси. Другая теплая церковь

силій Барскій, оставившій намъ описаніе Св. мѣстъ, которыя посѣтилъ съ такою любовію.»

Слезы невольно навернулись на моихъ глазахъ; я стоялъ безмолвно надъ могилою, чтобы успокоить то волненіе духа, какое произвело во мнѣ нечаянное напоминовеніе собственнаго моего странствія, надъ прахомъ сего труженика, и добродушная черта характера того, кто мнѣ его указалъ. Уже почти стерлась надпись, изсѣченная дружескою рукою, на гробовой плитѣ путешественника, но на стѣнѣ алтарной она начертана, и съ благоговѣніемъ прочелъ я надгробные стихи, въ которыхъ изображена вся жизнь усопшаго.

«Того Василія сей покрываетъ камень,
Въ душѣ котораго возжегшись вѣры пламень
И лучъ премудрости снищедъ къ его уму,
Святыя посѣтить мѣста влилъ мысль ему.
Онъ вдохновеніямъ Божественнымъ внимая,
Чрезъ двадцать слишкомъ лѣтъ ходя во край изъ края,
На сушѣ и моряхъ зла много претерпѣлъ,
И все то замѣчалъ подробно, что ни зрѣлъ.
За свято имутъ что и Римляне и Греки,
Чѣмъ древни славились и нынѣшніе вѣки,
Церквей, монастырей и градовъ красоту,
Удолій глубину, горъ знатныхъ высоту,
Ступаніемъ своимъ и пядію измѣрилъ,
И чрезъ перо свое отечество увѣрилъ,
О маловѣдомыхъ въ подсолнечной вещахъ,
И по безчисленныхъ, окончивъ жизнь, трудахъ,
Оставилъ бренные составы здѣсь тѣлесны.
А духъ его прешелъ въ селенія небесны.
Читатель, ты его слезами прахъ почти,
И трудъ путей его съ вниманіемъ прочти.»

Церк. въ Голосѣевскій пуст. гдѣ погребенъ іерохъ. Парфеній.

XII.

ПУСТЫНИ КИТАЕВА И ГОЛОСѢЕВСКАЯ.

За недѣлю до праздника Успенія Богоматери, которое такъ свѣтло торжествуется въ Кіевѣ, въ древнѣйшей изъ обителей нашего отечества, переселился я для говѣнія въ Лавру, и милостиво былъ принятъ подъ ея гостепріимный кровъ. Владыка велѣлъ мнѣ отвести прекрасныя келліи, въ нижнемъ жильѣ своего дома, обращенныя окнами въ садъ; при первомъ шагѣ изъ нихъ я уже могъ опять наслаждаться благословенною природою Кіева, и тѣнью роскошныхъ деревъ, обремененныхъ плодами, и очаровательнымъ видомъ на мой любимый Днѣпръ, съ которымъ такъ сроднился, во время пребыванія въ Кіевѣ. Изъ сего сада могъ я спускаться, кратчайшею стезею, и въ ближнія пещеры, для ранней литургіи;

а въ крестовой церкви Владыки, ежедневно служилъ обѣдню схимникъ, Парѳеній, духовникъ его, умиротворитель сердечный посѣщающихъ Св. мѣста Печерскія, гдѣ онъ посвятилъ себя, въ тѣсной келліи, на служеніе Богу, съ совершеннымъ отреченіемъ отъ всего мірскаго.—На слѣдующее утро я былъ свидѣтелемъ, въ ближнихъ пещерахъ, въ церкви преподобнаго Антонія, постриженія иноческаго, которое совершалъ самъ Митрополитъ, въ качествѣ его преемника. Никогда не казались мнѣ болѣе трогательными священные обѣты, отреченія отъ міра, какъ во глубинѣ сего подземелья, при тускломъ свѣтѣ лампадъ, надъ гробомъ отца иночествующихъ Русскихъ, воспринимавшаго новое чадо духовное въ свое смиренное общество.—Невыразимо горько и сладко оглашалась, подъ мрачными сводами, тихая покаянная пѣснь братій, изъ келліи Антоніевой вводившихъ въ пещерную церковь, подъ своими мантіями, новаго собрата: «объятія отча отверсти ми потщися: блудно мое иждихъ житіе, на богатство неиждиваемое взираяй щедротъ твоихъ, Спасе!—нынѣ обнищавшее мое да не презриши сердце, тебѣ бо, Господи, умиленіемъ зову: согрѣшихъ, Отче, на небо и предъ тобою.»

Послѣ литургіи и посѣщенія ближнихъ и дальнихъ пещеръ, Митрополитъ милостиво предложилъ мнѣ сопровождать его, въ двѣ сосѣднія пустыни, Китаеву и Голосѣевскую, гдѣ устроилъ себѣ уединенное жилище.—Мы спустились съ горъ Кіевскихъ

на берегъ Днѣпра, ниже монастыря Выдубицкаго, на устье Лыбеди, а оттуда вдоль самой рѣки, подъ навѣсомъ утесовъ, продолжали живописное путешествіе до пустыни Китаевской.—Пустынь сія, любимое мѣсто отдохновенія Князя Андрея Боголюбскаго, гдѣ былъ и загородный домъ его, получила отъ него свое названіе, ибо онъ прозывался въ простонародіи Китаемъ, и доселѣ еще показываютъ, на вершинѣ горы, мѣсто дворца княжескаго. Разоренная Татарами, обитель обновлена въ началѣ XVIII вѣка, Кіевскимъ намѣстникомъ Княземъ Голицынымъ, во имя преподобнаго Сергія, и новая ея каменная церковь Живоначальной Троицы, съ придѣлами сего великаго угодника, и Святителей Московскихъ, замѣнила прежнюю деревянную.—Тамъ одохновеніе престарѣлыхъ братій Лавры, въ послѣдніе годы ихъ труженическаго житія; тамъ и братская ихъ усыпальница, огражденная густымъ лѣсомъ и неприступными горами отъ міра, ими заживо оставленнаго.—По звуку колокола, возвѣстившаго пріѣздъ Владыки, собралась вся братія, принять благословеніе своего Архипастыря; общая къ нему любовь подчиненныхъ, есть отличительная черта его начальства, и она повсюду выражается въ духовенствѣ и народѣ. Всѣхъ радушно благословилъ Владыка, помолился въ храмѣ и посѣтилъ работы, вновь строившагося дома для келлій; потомъ же сказалъ мнѣ съ привѣтливою улыбкою.

«Хочешь ли я покажу тебѣ Русскій Аѳонъ, съ его

глубокими лѣсами и маленькими скитами? я приведу тебя въ такія горы и лѣса, какихъ ты вѣрно не видалъ. Есть гдѣ побезмолвствовать игумену Лавры и всей братіи; схимникъ нашъ успѣваетъ всегда прочесть наизустъ цѣлую псалтирь, покамѣстъ онъ обходитъ по симъ дебрямъ, отъ пустыни Китаевской до Голосѣевской.»

Во время сей бесѣды, мы уже подымались медленно и съ большимъ трудомъ, по узкой дорогѣ, промытой дождями въ крутой горѣ, какъ-бы въ глубокомъ руслѣ, которое было мрачно отъ густой зелени нависшихъ деревъ, переплетавшихся вѣтвями въ видѣ свода. Вѣтви ихъ, съ усиліемъ раздѣляемыя движеніемъ кареты, съ трескомъ ударяли въ окна ея, и какое-то странное чувство наполняло сердце, при этомъ путешествіи подъ сводами древесными, которые напоминали подземелья Кіева. Въ полугорѣ мы остановились, и лай собакъ огласилъ жилье; нѣсколько братій отворили замкнутыя ворота ихъ малой усадьбы, и радостно встрѣтили своего Владыку; онъ привѣтствовалъ каждаго по имени, съ простотою патріархальныхъ временъ, столь отрадною посреди зрѣлища сей дѣвственной природы, къ которой почти не касалась рука человѣческая.—Тутъ, на малой полянѣ, были виноградники и фруктовые сады Лавры; Владыка велѣлъ собрать плодовъ, и самъ бодро повелъ меня на вершину горы до креста, гдѣ стояли нѣкогда палаты Китаевы Боголюбскаго; оттолѣ, сквозь чащу

лѣса, прорывался мѣстами очаровательный видъ на синюю струю Днѣпровскую и необъятный горизонтъ Черниговской дебри. Насладившись чуднымъ зрѣлищемъ, мы спустились опять мимо виноградниковъ, къ вратамъ усадьбы; добрые иноки уже приготовили для насъ цѣлыя корзины плодовъ, и мы продолжали путь все въ гору, по такому же тѣсному ущелію, до другой усадьбы; тамъ богатый пчельникъ, снабжающій воскомъ Лавру въ значительномъ количествѣ.

Опять нѣсколько человѣкъ братій, приставленныхъ къ пчеламъ, встрѣтили своего Архипастыря, съ тѣмъ же взаимнымъ благодушіемъ, которое весьма трогательно при разстояніи степеней, мірскихъ и духовныхъ. «Отецъ діаконъ, сказалъ Владыка одному изъ братій, принеси намъ хлѣба и сота, я хочу угостить ими этого пришельца, который никогда не видалъ какъ роятся наши пчелы.»—Покамѣстъ обязательный инокъ устремился исполнить волю своего настоятеля, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на это обширное царство мудрыхъ насѣкомыхъ, которыя, какъ нѣкій отдѣльный міръ, часто назидательный для нашего, подъ руководствомъ одной матери-царицы, дѣятельно трудились не столько для себя, сколько для чужаго услажденія: ибо все отнимаетъ у нихъ человѣкъ, не всегда пользуясь ихъ примѣромъ труда, единства и послушанія. Длинный рядъ ульевъ тянется отъ самой бесѣдки, гдѣ мы сидѣли, въ глубину лѣса, и цѣлое облако пчелъ роилось около каждаго улья,

наполняя все сіе пространство шумомъ своей дѣятельности.—Странно было слышать такое громкое жужжаніе, слитое вмѣстѣ въ тишинѣ лѣса, какъ-бы отдаленный гулъ толпы народной, собравшейся на какой либо подвигъ!—Не столь же ли малыми представляются и всѣ величайшія дѣянія смертныхъ, изъ инаго лучшаго міра, если только онѣ не обращены къ тому, что есть единое на потребу, по словамъ Спасителя многозаботливой Маріѣ!

Съ вершины уединенной горы, мы стали спускаться къ пустынѣ Голосѣевской, не выходя однако изъ дремучаго лѣса, то глубокимъ оврагомъ, то узкою тропинкою, гдѣ невозможно было разъѣхаться. Экономъ пустыни, встрѣтившійся намъ на дорогѣ, долженъ былъ осаживать свою малую повозку, доколѣ небольшое пространство между деревъ не позволило ему вытащить ее изъ глубокой колеи. Но какія деревья насъ осѣняли!—серебристые тополи, яворы и кленъ, и развѣсистые дубы и душистыя липы, съ дикими яблонями и грушами на полянахъ; южная природа щедро надѣляетъ ими свои глухія дебри, когда сѣверная едва видитъ ихъ въ оградѣ искуственныхъ садовъ.

Наконецъ, при довольно крутомъ спускѣ, намъ открылась на тѣсной полянѣ, между двухъ враговъ, поросшихъ лѣсомъ, церковь и усадьба, изъ нѣсколькихъ домиковъ, съ малымъ садомъ внутри ограды. «Вотъ моя пустыня»! сказалъ мнѣ Владыка, съ лю-

бовію указывая на свое отрадное жилище, куда уединяется онъ для безпрепятственныхъ занятій пастырскаго и монашескаго своего званія. Еще Митрополитъ Петръ Могила положилъ основаніе сей пустыни, сооруживъ въ ней церковь, во имя одного изъ святыхъ угодниковъ родственной ему Молдавіи, Іоанна Сочавскаго; нынѣшній же Владыка полюбилъ уединенное мѣсто сіе, имѣющее точно нѣчто привлекательное, потому что оно выглянуло изъ среды густаго лѣса, какъ яркій лучъ солнца изъ-за тучъ. Тамъ устроилъ онъ себѣ малый скитъ, съ домовою церковію Іоанна многострадальнаго, чьи святыя мощи вкопаны по перси въ пещерахъ, и тамъ онъ бываетъ точно какъ отецъ съ дѣтьми, посреди окружающей его братіи, большею частію изъ заслуженныхъ иноковъ Лавры, пришедшихъ искать успокоенія подъ сѣнію тойже пустыни.—Послѣ трапезы, я воспользовался краткимъ отдыхомъ Владыки, до всенощной, чтобы идти съ однимъ изъ монашествующихъ, во глубину лѣса, къ обрыву горы, отколѣ открывается дальній Кіевъ. Онъ намъ мелькнулъ вдали, надъ глубокимъ проваломъ, между раздвинувшимися деревами, какъ нѣкое видѣніе, плавающее въ вечернемъ туманѣ, съ румяными призраками своихъ куполовъ и колоколенъ.—Казалось, еще мгновеніе, и видѣніе сіе сольется съ облаками, останется одна лишь ясная лазурь неба; но вотъ оно все предъ глазами, какъ апокалиптическій образъ новаго Іерусалима, исполняющій душу сладкимъ восторгомъ:—это

просвѣтъ инаго міра, изъ оконца здѣшняго. Мѣсто сіе служитъ ежедневною прогулкой Преосвященнаго, утромъ и вечеромъ; на самомъ краю утеса поставлена скамья подъ навѣсомъ деревъ; оттолѣ созерцая паству свою, не только мысленнымъ, но и чувственнымъ окомъ, онъ осѣняетъ ее своими благословеніями и пастырскими молитвами, какъ-бы съ горняго мѣста Лавры Печерской или Софійскаго собора.

XIII.

ПЕЧЕРСКАЯ ЛАВРА.

Я возвратился опять въ Лавру, чтобы уже болѣе не оставлять ее до самаго отъѣзда, и часы, свободные отъ богослуженія, посвящалъ внимательному ея осмотру. Поистинѣ, на ней и доселѣ пребываетъ обѣтованное, преподобному ея основателю, благословеніе святыя горы Аѳонскія, и какъ выразился блаженный ея лѣтописецъ, такъ и сбылось: «что многіе монастыри, отъ Князей и отъ богатства поставлены; но не таковы они, каковы поставленные слезами и пощеніемъ, молитвою и бдѣніемъ. Антоній не имѣлъ ни злата, ни сребра, но все стяжалъ слезами и пощеніемъ». И такъ вотъ въ какую великолѣпную обитель обратилась двухъ-саженная пещера, гдѣ спасался, на Берестовѣ, благочестивый пресвитеръ Иларіонъ, будущій Митрополитъ всея Руси, и вотъ что произвелъ преемникъ его убогой пещеры, когда съ простою вѣрою онъ въ ней помолился: «Господи! утверди меня въ мѣстѣ семъ, и да будетъ на немъ благословеніе Святыя горы и моего игумена, меня постригшаго». Прошло нѣсколько лѣтъ и про-

славился Антоній въ Русской землѣ; онъ началъ принимать и приходившую къ нему братію, совокупилъ ихъ двѣнадцать въ пещерѣ, ископанной съ церковію и келліями, и передавъ имъ благословеніе, первое отъ Бога, второе же отъ Святыя горы, поставилъ имъ игумена, а самъ жилъ особо. Еще немного, и уже тѣсны стали подземная церковь и нагорная; Антоній посылаетъ сказать Великому Князю; «Княже мой! се Богъ умножилъ братію, а мѣсто сіе мало; если бы ты намъ далъ гору, что надъ пещерою!» и радостно уступаетъ гору сію Изяславъ; воздвигается церковь великая, съ келліями и оградою вокругъ; оттолѣ прозвался Печерскимъ монастырь, а прежде сего жили чернецы въ пещерѣ.

Съ такою евангельскою простотою описываетъ начало Лавры одинъ изъ первыхъ ея постриженниковъ; невольное благоговѣніе проникаетъ въ сердце, когда вспомнишь, что возникло изъ сего убогаго, но святаго начала! какой обильный свѣтъ пролился на всю Россію, изъ мрака пещернаго сей обители, которая, по словамъ Патерика, какъ море, не могла держать въ себѣ ничего гнилаго, и уже, въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ, поставила до пятидесяти Епископовъ, изъ среды своихъ смиренныхъ братій, на святительскія каѳедры! Такъ велика была святость мѣста, что самые Епископы готовы были измѣнить славу своего высокаго сана на смиренное послушаніе игумену Лавры, предпочитая день единый, въ дому

Божія Матери, тысячамъ на своихъ каѳедрахъ; они даже завидовали участи нищихъ, валявшихся во прахѣ предъ вратами обители; Князья же, великіе и удѣльные, ничего не предпринимали, безъ благословенія ея игумена, и безъ молитвы надъ мощами основателя и предъ чудотворною иконою Богоматери.

Какъ трогательно избраніе блаженнаго Ѳеодосія въ настоятели умножившемуся братству! «Поставь намъ игумена», говорятъ иноки великому старцу своему.—«Кого хотите»? спросилъ Антоній; они же отвѣчали: «кого хочетъ Богъ и ты», и старецъ сказалъ: «кто между вами больше Ѳеодосія послушливъ, кротокъ и смиренъ? онъ да будетъ вамъ игуменъ»; и братія, съ радостію поклонившись старцу, поставили игуменомъ Ѳеодосія. Ихъ было только двадцать, но вскорѣ совокупилось сто, молитвеннымъ раченіемъ новаго настоятеля, который искалъ для нихъ правила иноческаго и списалъ самый строгій уставъ Студійскій, по случаю принесенный изъ Царьграда, однимъ Греческимъ инокомъ. Ѳеодосій уставилъ въ монастырѣ своемъ: какъ пѣть пѣпія и совершать чтенія и поклоны, и стоянія въ церкви и сидѣнія на трапезѣ, и весь чинъ церковный; отселѣ воспріяли всѣ монастыри уставъ Печерскій, говоритъ Несторъ.

Таково было начало обители; не менѣе чудно самое основаніе ея соборной церкви Успенія, небеси подобной, по словамъ современникомъ. Небеснымъ

свѣтомъ указано было мѣсто ея жителямъ пещеры, и надъ нимъ повторилось ветхозавѣтное чудо руна Гедеонова; по таинственному гласу, отъ иконы распятаго Господа къ Варяжскому Князю Симону, опредѣлена была долгота, широта и высота будущаго храма, златымъ поясомъ, украшавшимъ сіе распятіе, который, вмѣстѣ съ вѣнцемъ своимъ, принесъ Симонъ преподобному Антонію. Самъ Великій Князь Кіевскій, Святославъ, сталъ копать основаніе церкви, видѣнной Варяжскимъ Княземъ на облакахъ, и четыре искусные строителя внезапно пришли изъ Царьграда, съ платою за труды свои на три года впередъ; они были дивно посланы, двумя неизвѣстными старцами и благолѣпною Царицею изъ Влахернъ, которая вручила имъ свою икону, для залога ея вѣчнаго покрова будущему храму, и мощи семи мучениковъ въ его утвержденіе; образъ же храма видѣлся имъ также на облакахъ; и вотъ, сими старцами оказались Антоній и Ѳеодосій, къ общему изумленію ихъ самихъ и пришельцевъ, и эта Царица была сама Владычица небесныхъ Силъ, окружавшихъ престолъ ея во Влахернахъ, а чудная икона, изображающая Успеніе ея на Сіонѣ, чрезъ восемь столѣтій, доселѣ виситъ надъ царскими дверями Успенскаго собора, источая исцѣленія притекающимъ. Десять лѣтъ спустя, уже по кончинѣ блаженныхъ основателей, столь же чудно посланы были ими, какъ и при жизни, искусные иконописцы изъ Царьграда; они узнали лики Препо-

добныхъ, и по данному ими обѣту, расписали благолѣпно храмъ Печерскій.

Но ни первоначальнымъ аввамъ и копателямъ пещеръ, ни даже ближайшимъ ихъ сотрудникамъ и преемникамъ, не суждено было видѣть, какъ процвѣла, поверхъ земли, та Лавра, которой глубокіе корни полвѣка поливали они потомъ своимъ и слезами, въ нѣдрахъ родной земли. Антоній испросилъ только гору, а Ѳеодосій успѣлъ лишь заложить первое основаніе великолѣпнаго храма въ 1073 году. Стефанъ, его преемникъ, достроилъ каменное зданіе, обнесъ оградою и перевелъ братію, изъ древней пещерной обители въ новую; но и онъ оставилъ Лавру прежде ея совершенія. Великій игуменъ Никонъ, одинъ изъ первыхъ, спасавшихся съ преподобнымъ Антоніемъ, и постригшій самаго Ѳеодосія, будучи призванъ послѣ него въ настоятели Лавры, имѣлъ только утѣшеніе видѣть ее расписанною пришельцами Цареградскими. Соборъ Успенскій освященъ былъ наконецъ при игуменѣ Іоаннѣ, 16 лѣтъ послѣ его основанія, уже при В. Князѣ Всеволодѣ, Митрополитомъ Іоанномъ, съ четырьмя Епископами, которые чудно соединились на торжество сіе, изъ дальнихъ своихъ эпархій, какъ нѣкогда ликъ Апостоловъ къ успенію Пречистой Дѣвы, и день освященія, 14 августа, доселѣ празднуемый, ознаменовался еще два года спустя, торжественнымъ перенесеніемъ нетлѣнныхъ мощей Ѳеодосія, изъ пещеры въ основанный имъ храмъ.

Сія небеси подобная церковь, по сказанію современниковъ, послужившая образцемъ для другихъ благолѣпныхъ храмовъ, была вся украшена, съ чрезвычайнымъ благолѣпіемъ, внутри и снаружи: золотая мусія сіяла вокругъ, на всѣхъ стѣнахъ и наипаче въ алтарѣ, гдѣ дивно изобразилась, сама собою, чудная икона Богоматери надъ горнимъ мѣстомъ, предъ глазами иконописцевъ Цареградскихъ; разноцвѣтными мраморами былъ устланъ помостъ, драгоцѣнными камнями горѣли иконы, золотой крестъ водруженъ былъ на главѣ; каменная обширная ограда охраняла обитель и двойными вратами въ нее входили, одними Князья и чины духовные, другими же народъ и износились мертвые. «Чудно было поистинѣ, говоритъ лѣтописецъ Несторъ, постриженный еще во дни блаженнаго Ѳеодосія, видѣть черноризцевъ, коихъ совокупилъ Господь въ обители своей Матери, какъ нѣкія свѣтила, изъ всѣхъ предѣловъ Русской земли. Одни предавались бдѣнію, другіе проводили время въ колѣнопреклоненіяхъ и постились чрезъ день и два; кто питался только хлѣбомъ и водою, кто зеліемъ варенымъ или суровымъ, и всѣ пребывали въ любви; меньшіе покорялись старѣйшимъ, не смѣя говорить предъ ними, развѣ съ великимъ послушаніемъ; также и старѣйшіе съ любовію назидали младшихъ, какъ возлюбленныхъ дѣтей своихъ; если кто впадалъ въ нѣкое согрѣшеніе, два и три другихъ брата, добродѣтельные, раздѣляли съ нимъ наложенную на него

эпитимію, ради утѣшенія и великой любви; если же кто удалялся изъ обители, всѣ о немъ печаль имѣли и убѣждали возвратиться; убѣдивъ же, умоляли за него игумена и съ радостію опять воспринимали.—Таковы были божественная любовь, смиреніе и воздержаніе, въ тѣхъ святыхъ братіяхъ, которые донынѣ сіяютъ, и по смерти, различными чудесами, какъ неугасаемые свѣтильники, и молятъ Бога за оставшихся и всѣхъ работающихъ въ обители Божіей Матери.»

Недолго однако Лавра Печерская наслаждалась первымъ своимъ благолѣпіемъ.—Еще во дни Нестора лѣтописца, свирѣпый Бонякъ, Ханъ Половецкій, опустошая окрестности Кіева, при междоусобіяхъ его Князей, сжегъ въ 1096 году близъ лежавшій дворецъ св. Владиміра, на Берестовѣ, и вторгся въ самую обитель. Это случилось 20 іюля, на разсвѣтѣ, во время отдыха иноковъ, утомленныхъ всенощнымъ бдѣніемъ; нѣкоторые изъ нихъ погибли; другіе успѣли спастись въ пещеры; дикіе враги ограбили келліи и церкви и сожгли весь монастырь, но у соборнаго храма зажгли только одни св. врата; болѣе десяти лѣтъ не могла оправиться Лавра отъ сего страшнаго набѣга. Спустя полвѣка, другіе варвары, Торки и Берендеи, участвуя во враждѣ Ольговичей съ Мономаховичами, ограбили также обитель Печерскую, и еще черезъ восемнадцать лѣтъ, сынъ Боголюбскаго, съ тѣми же дикими наемниками, приступилъ къ Кіеву и расхитилъ сокровища Лавры; она сдѣлалась опять

жертвою пламени и скудно обновилась до совершенаго ея разоренія, при общемъ разгромѣ Монгольскомъ; свирѣпый Батый не пощадилъ ея святыни и разломалъ по своды небеси подобную церковь Успенія, иноки спасли только чудотворную икону, укрывшись съ нею въ пещеры, отколѣ выходили, по звуку тайнаго благовѣста, совершать литургію въ одномъ уцѣлѣвшемъ придѣлѣ.

Девяносто лѣтъ продолжалось такое бѣдственное состояніе древней столицы, подъ властію Баскаковъ Ханскихъ, которые сами не хотѣли жить въ ея развалинахъ, доколѣ наконецъ, другой язычникъ, Гедиминъ, Князь Литовскій, не пересилилъ Ордынцевъ и не исторгъ у нихъ наслѣдія ослабѣвшихъ Князей Галицкихъ. Властитель западный, хотя и не просвѣщенный Христіанствомъ, не питалъ къ нему однако враждебнаго чувства; онъ понялъ, что вѣра есть лучшее сокровище новыхъ его подданныхъ, крѣпко приверженныхъ къ древней своей святынѣ, и далъ имъ намѣстникомъ Князя православнаго, племянника своего Миндовга, хотя не изъ племени Рюрикова. Такимъ образомъ, родъ Князей Ольшанскихъ, въ теченіе полутора вѣка, мирно управлялъ Кіевомъ. Только въ послѣдній годъ четырнадцатаго столѣтія, и еще однажды въ первыхъ годахъ пятнадцатаго, подвергся опять сей древній труженикъ опустошеніямъ Татарскимъ, послѣднимъ порывамъ двухвѣковой бури, которая едва не стерла его съ лица земли. Ордынскій

Ханъ, Тимуръ Кутлукъ, излилъ на беззащитный Кіевъ свою ненависть, противъ мощнаго Витовта, Князя Литовскаго, и чрезъ семнадцать лѣтъ, другой Ханъ Эдигей подступилъ къ городу; отраженный отъ его замка, онъ опустошилъ посады и Лавру, истребивъ послѣднее ея достояніе; ибо такова была ея бѣдность, что она не болѣе тридцати рублей могла внести за себя выкупа Тимуру.

Уже народъ Кіевскій привыкъ къ своимъ новымъ властителямъ, какъ къ родовымъ Князьямъ, и полюбилъ ихъ за благочестіе. Послѣдній изъ Ольшанскихъ, Симеонъ Олельковичь, какъ-бы предчувствуя конецъ мирнаго правленія своего дома, пожелалъ оставить вѣчную по себѣ память и залогъ будущаго благосостоянія своей области, возстановленіемъ церкви Печерской изъ двухъ сотъ-лѣтнихъ ея развалинъ. Господь продлилъ жизнь благочестиваго Князя до того времени, пока не совершилъ онъ начатаго дѣла, и къ общему утѣшенію всѣхъ гражданъ Кіевскихъ, соборъ Успенія вновь освященъ былъ 3-го декабря 1470 года, при Архимандритѣ Іоаннѣ, а на слѣдующій годъ уже погребли въ немъ самаго храмоздателя. Здѣсь открывается промыслъ Божій о вѣрѣ нашей православной, ибо Лавра Печерская послужила разсадникомъ и утвержденіемъ Православія, въ смутныя времена гоненій Латинскихъ; она одна устояла, молитвами преподобныхъ своихъ основателей, когда все вокругъ рушилось, и благосостояніе гражданское

и порядокъ церковный. Надменный Казиміръ, Король Польскій, не хотѣлъ болѣе дать никого изъ рода Ольшанскихъ, возлюбившему ихъ Кіеву и, лишивъ древнюю столицу княжескаго достоинства, назначилъ туда первымъ воеводою, гонителя Гастольда, исповѣданія Латинскаго. Уже некому было вступаться за Православіе: новые Митрополиты Кіева, отдѣлившись отъ Московскихъ, жили въ Литвѣ и, къ довершенію бѣдствія, въ 1482 году, Менгли-Гирей, Ханъ Крымскій, внезапнымъ набѣгомъ выжегъ опять Лавру Печерскую; но она не совсѣмъ опустѣла, потому что сохранилась ея церковь.

Сѣча Запорожская стала на пути набѣговъ Татарскихъ и оградила святыню Русскую. Король Сигизмундъ I-й утвердилъ опять, граматою своею, существованіе Лавры въ 1522 году, и съ тѣхъ поръ, подъ мудрымъ управленіемъ ревностныхъ своихъ Архимандритовъ, Никифора Тура, Петра Могилы, Иннокентія Гизеля и другихъ, она росла и крѣпилась, смѣло отражая отъ себя и отъ всего Православія, всѣ нападенія Уніи, доколѣ не осѣнилъ ее, своимъ широкимъ крыломъ, двухглавный орелъ Россійскій, который малымъ птенцемъ излетѣлъ изъ гнѣзда Кіевскаго и уже оперился въ вѣковыхъ битвахъ. Въ началѣ XVIII вѣка Лавра Печерская испытала послѣднее свое бѣдствіе, будучи вся истреблена страшнымъ пожаромъ въ 1718 году; но великій обновитель своего царства спросилъ только: «цѣла ли чудотворная

икона Богоматери?» и услышавъ, что спасена, сказалъ: «и такъ все сохранилось.» Онъ сдержалъ свое Царское слово: Лавра Печерская, въ новой славѣ, возникла изъ пепла и донынѣ радуетъ собою православныхъ. По исчисленіи столькихъ бѣдствій можно судить, сколько измѣнился внѣшній и внутренній видъ древней небеси подобной церкви Успенія Богоматери, хотя и доныиѣ чрезвычайно благолѣпной.

Величественно представляется она отъ св. вратъ Лавры, въ седмиглавомъ златомъ вѣнцѣ своемъ, какъ свѣтлая Царица, утвердившая вѣчный престолъ свой на горахъ Кіевскихъ; на всѣхъ вратахъ ея лики Преподобныхъ и Небесные лики, которые окружали престолъ Царицы Влахернской, нѣкогда пославшей зодчихъ для созиданія себѣ дома сего. Углубленіе западныхъ дверей, все исписанное ликами Святыхъ, какъ-бы невольно вовлекаетъ внутрь святилища, молитвенною силою его исполняющею, которая проникаетъ сердце всякаго, кто только приближается къ сей древней сокровищницѣ молитвы. Первое, что поражаетъ взоры входящаго въ храмъ, это божественный даръ небесной Царицы, святымъ угодникамъ Антонію и Ѳеодосію,—икона ея всечестнаго Успенія! Горящая вся драгоцѣнными камнями, въ златыхъ лучахъ, надъ царскими вратами, она сіяетъ въ полумракѣ святилища, какъ нѣкое свѣтило сего духовнаго неба, гдѣ видимо почиваютъ лики Святыхъ: съ правой стороны, равноапостольный Князь, начало и гла-

визна просвѣщенія нашего; съ лѣвой, первый Святитель, крѣпкій именемъ Архистратига небесныхъ Силъ, исполнившій благочестивое желаніе просвѣтителя Руси, въ водахъ крещенія, и подлѣ него первый архидіаконъ и первомученикъ Стефанъ; а со входа въ церковь положены, съ сѣверной стороны, части преподобныхъ Печерскихъ, съ южной самъ великій основатель Лавры Ѳеодосій.

Припадемъ съ благоговѣніемъ къ ракѣ сего втораго свѣтила тверди Печерской, который, по выраженію Нестора, какъ луна совершенная, воспріявъ ангельскій свѣтъ жизни отъ солнца Антоніева, внезапно просіялъ, съ безчисленными звѣздами учениковъ своихъ. Вся его жизнь была однимъ молитвеннымъ подвигомъ; ибо еще отрокомъ много страдалъ онъ отъ матери, за свои непрестанныя бдѣнія и, пламенно возжелавъ достигнуть земнаго Іерусалима, обрѣлъ небесный въ пещерѣ преподобнаго Антонія. «О чадо, сказалъ ему, въ духѣ пророческомъ, блаженный отшельникъ, скорбна и тѣсна пещера сія, ты же не стерпишь тѣсноты ея;» и вотъ она расширилась, его заботами, въ цѣлую Лавру. Великій Никонъ, постригавшій юношу Ѳеодосія, самъ сдѣлался однимъ изъ его подначальныхъ. «Виждь смиреніе мое и трудъ мой,» взывалъ псаломски юный молитвенникъ, проводя всѣ ночи въ славословіи, и такъ протекла иноческая жизнь его. Напрасно мать искала возмутить миръ его душевный и возвратить въ домъ отеческій;

едва умоленный Антоніемъ, на свиданіе съ нею, онъ самъ ее убѣдилъ оставить все красное міра для вольной нищеты. Ѳеодосій, въ санѣ Пресвитера и Игумена, не измѣнилъ своего подвига, утвердившись въ оставленныхъ ему Антоніемъ пещерахъ, гдѣ и надъ землею возсіяло его благочестіе, сооруженіемъ церкви; но прежде всего искалъ онъ царствія Божія и правды его, и прочее все ему приложилось. Князья и бояре притекали къ нему, за словомъ назиданія, и умножившаяся вокругъ него братія питалась духовнымъ сотомъ его наставленій; для всѣхъ онъ былъ все, по глаголу Апостола, подавая примѣръ строгаго послушанія и непрестанныхъ трудовъ, ибо его начальство состояло въ служеніи меньшей братіи Христовой; но уста его вооружены были правдою, предъ лицемъ сильныхъ, и смиреніе не обращалось въ потворство грѣху. Когда младшіе братья свергли Великаго Князя Изяслава съ престола отеческаго, мужественно обличалъ ихъ блаженный старецъ, словами писанія; «гласъ крови брата твоего вопіетъ къ Богу, яко Авелевой на Каина,» говоритъ онъ Святославу и не хотѣлъ идти на зовъ его. Смирился властитель предъ убогимъ отшельникомъ и самъ едва испросилъ себѣ дозволеніе взойти въ обитель; когда же впослѣдствіи Ѳеодосій сталъ опять посѣщать палаты, онъ не переставалъ внушать Князю покорность старшему брату. Утѣшенный его приходомъ, Святославъ воскликнулъ: «если бы и отецъ мой воскресъ изъ мертвыхъ, истинно я

бы столько же обрадовался его пришествію, и не боялся бы его больше преподобной души твоей!» — «Если ты меня такъ боишься, отвѣчалъ Ѳеодосій, то сотвори волю мою и возврати брату твоему старѣйшему престолъ, данный ему отцемъ твоимъ.» — Не только въ палатахъ, но и въ церкви, изъявлялъ онъ такую же приверженность къ законному Князю, ибо велѣлъ, у себя въ Лаврѣ, поминать на богослуженіи, сперва Изяслава, а потомъ Святослава и, не смотря на то, благоговѣлъ къ нему державный и самъ трудился при созиданіи его Лавры. Однажды Ѳеодосій нашелъ Князя, посреди играющихъ на органахъ и гусляхъ и, молча возсѣвъ подлѣ, опустилъ взоры, потомъ же сказалъ: «будетъ ли все сіе такъ и въ иномъ вѣкѣ?» Умилился Святославъ, велѣлъ умолкнуть органамъ, и уже съ тѣхъ поръ никогда не было слышно гласа мусикійскаго въ присутствіи Святаго. Обильна и трогательна повѣсть о милостынѣ и чудесахъ Преподобнаго, которыми прославилъ его Господь, еще при жизни, и память коихъ доселѣ жива въ его обители. Когда же возлюбившій его Богъ, открылъ ему благовременно часъ блаженной кончины, святой старецъ призвалъ Князя и всю братію, и поручивъ его покровительству свою Лавру, назначилъ по себѣ преемникомъ Стефана; онъ наставилъ иноковъ послѣднимъ поучительнымъ словомъ, и обѣщалъ духомъ всегда пребывать съ ними, тѣло же молилъ погребсти въ пещерѣ, гдѣ протекла большая часть

его труженической жизни. Тогда, оставшись наединѣ, болящій палъ на колѣни и, въ пламенной молитвѣ, предалъ Богу святую свою душу.

Когда освящена была соборная церковь, братія Печерская единодушно молили игумена Іоанна, не лишать ихъ присутствія блаженнаго отца своего Ѳеодосія и, вопреки его завѣта, нетлѣнное тѣло ископано было изъ пещеры и съ чрезвычайнымъ торжествомъ перенесено всѣми Епископами, бывшими въ Кіевѣ, во внутренность храма, которому только одно основаніе успѣлъ положить Преподобный. Церковь и досель празднуетъ память сего событія, наканунѣ храмоваго праздника Лавры, но черезъ полтора вѣка, исполнилось смиренное желаніе отца иночествующихъ: святыя мощи его опять были сокрыты подъ спудъ, во время нашествія Монгольскаго; мы покланяемся только мѣсту ихъ вторичнаго погребенія въ храмѣ, какъ и гробницѣ великаго Антонія въ пещерахъ, посреди такого богатства нетлѣнныхъ тѣлесъ ихъ учениковъ и послѣдователей. Лики ихъ изображены вокругъ гробницы Ѳеодосіевой и по стѣнамъ соборнымъ, въ звѣздахъ; ибо преподобный Несторъ сравниваетъ Лавру Печерскую съ твердью Россійскаго неба, которое просіяло столькими духовными созвѣздіями. Съ ними вмѣстѣ изображены на западной стѣнѣ и благодѣтели Лавры Печерской, великіе Князья и удѣльные, начиная отъ трехъ сыновей Ярослава.

Каменная гробница, одного изъ позднѣйшихъ ея благодѣтелей, находится въ лѣвомъ углу собора, позади раки съ частями Преподобныхъ.—Столѣтній Князь и воевода Константинъ Острожскій, самый ревностный поборникъ Православія, въ горькую эпоху гоненій уніатскихъ, который защитилъ Кіевъ и всю южную Русь, славою громкаго своего имени и возбудилъ угасшее просвѣщеніе учрежденіемъ училищъ изваянъ весь изъ камня, въ бронѣ воинской, поверхъ своей гробницы;—конечно велико было къ нему уваженіе современниковъ, если сама Лавра Печерская приняла его въ соборный храмъ, на столь почетное мѣсто.—Еще три великіе мужа погребены во внутренности церкви, около лѣваго ея клироса, хотя и не съ такимъ великолѣпіемъ; два изъ нихъ со славою послужили церкви и отечеству: это знаменитый Митрополитъ Петръ Могила, памятію коего исполненъ весь Кіевъ, ибо живительная рука его напечатлѣлась на каждомъ изъ священныхъ останковъ древней столицы Православія, и достойный его преемникъ, по духу и учености, Архимандритъ Лавры Иннокентій Гизель; третій изъ погребенныхъ—гроза Оттомановъ Задунайскій.

По древнему обычаю церковному, семь вселенскихъ Соборовъ, напоминающихъ молящимся пастырямъ и пасомымъ, о незыблемомъ православіи Церкви, изображены ближе къ алтарю, на боковыхъ окнахъ и столпахъ, поддерживающихъ хоры; великолѣпенъ

пятиярусный иконостасъ, устроенный хотя и послѣ пожара, но въ древнемъ вкусѣ, съ ликами Праотцевъ, Пророковъ, Апостоловъ и двунадесятью праздниками, которые постепенно возстаютъ надъ нижнимъ рядомъ мѣстныхъ, богато украшенныхъ иконъ. Царскія двери, подъ чудотворнымъ образомъ Успенія, вылиты изъ серебра: это благочестивый даръ боярина Шереметьева, сподвижника Петрова на полѣ битвъ и въ украшеніи храмовъ. Когда же отверзаются великолѣпныя врата, открывается все благолѣпіе дивнаго алтаря лаврскаго: обширный престолъ его окованъ серебряными досками, съ священными изваяніями, усердіемъ дщери Петровой, которая благоговѣла къ древней святынѣ Кіева; противъ него, по обѣимъ стѣнамъ, лики молящихся Іерарховъ, а надъ горнимъ мѣстомъ, которое устроено, въ древнемъ вкусѣ, глубокимъ полукружіемъ, съ каѳедрою святительскою и сѣдалищами у ногъ его для сослужащихъ пресвитеровъ, великолѣпно изображена Вечеря тайная. — Господь Іисусъ Христосъ съ двѣнадцатью Апостолами, во весь ростъ, въ позлащенныхъ окладахъ, возсѣдаетъ за Божественною вечерею, повтореніе коей совершается ежедневно на противостоящемъ престолѣ; внутри сей новой горницы Сіонской; невольно исторгается изъ устъ божественная пѣснь великаго четвертка; «пріидите, вѣрные, на горнемъ мѣстѣ, насладимся Владычнимъ угощеніемъ и безсмертною трапезою, возвышенными умами, изъ слова научаясь позна-

нію возшедшаго паки, ко Отцу Богу, Слова, котораго величаемъ.»

Кромѣ алтаря соборнаго, есть еще девять придѣловъ, внизу и на хорахъ великолѣпнаго храма. Съ южной стороны примыкаютъ къ алтарю два придѣла, во имя Архангела Михаила и Іоанна Богослова; въ послѣднемъ хранится древняя икона Ѳеодоровской Божіей Матери, бывшая прежде въ придѣлѣ Архидіакона Стефана; предъ нею молился святой мученикъ Князь Игорь, когда повлекли его на страдальческую кончину, и сія свидѣтельница невинной кончины уцѣлѣла, послѣ самаго разрушенія обители Отчей, гдѣ онъ спасался, какъ-бы въ обличеніе убійцъ его и для прославленія его памяти. Съ сѣверной стороны одинъ только придѣлъ, устроенный Князьями Борецкими, во имя Архидіакона Стефана; тамъ положена была и часть мощей его, принесенная въ 1717 году, изъ обители Нямецкой, Архіепископомъ Романскимъ Пахоміемъ; подъ нею усыпальница многихъ именитыхъ родовъ Княжескихъ, Ольшанскихъ и Острожскихъ, Гетмановъ Малороссійскихъ и православныхъ воеводъ Кіевскихъ, Епископовъ и Архимандритовъ Лавры. Придѣлъ св. Іоанна Предтечи, находится въ сѣверозападномъ углу собора, а противуположный ему, Трехсвятительскій, занятъ нынѣ ризницею Лавры. На пространыхъ хорахъ четыре престола: во имя просвѣтителя Руси, Апостола Андрея Первозваннаго, коего память особенно почитается въ Кіевѣ, и препо-

добнаго отца иночествующихъ Печерскихъ, Антонія, съ правой стороны; а съ лѣвой: блаженнаго его сотрудника Ѳеодосія и Преображенія Господня: ибо вся прославленная гора Печерская сдѣлалась святымъ Ѳаворомъ земли Русской, гдѣ просіяла слава Единороднаго, въ безчисленномъ ликѣ учениковъ его, по гласу благоволившаго о немъ Отца.

Къ югу отъ великой церкви, братская трапеза, построенная въ началѣ прошедшаго столѣтія, на развалинахъ древней, составляетъ довольно обширное зданіе, съ примыкающими къ ней службами, и въ ней отдѣльная церковь, во имя верховныхъ Апостолъ: а въ близь лежащихъ, настоятельскихъ келліяхъ, еще двѣ церкви: одна весьма обширная, во имя Святителя Михаила, гдѣ совершается въ зимнее время богослуженіе, другая же крестовая, во имя Чудотворца Митрофана; обѣ недавно устроены благочестіемъ Митрополита Филарета, настоятеля Лавры. Зданіе типографіи къ востоку отъ собора, а къ сѣверу и западу, два или три ряда келлій соборныхъ и братскихъ, расположены правильными улицами, по направленію отъ святыхъ и сѣверныхъ воротъ Лавры, съ малыми впереди ихъ цвѣтниками и длинными аллеями развѣтвистыхъ орѣховыхъ деревъ; келліи сіи даютъ ей подобіе цѣлаго города, духовныхъ гражданъ, который обнесенъ твердынею видимыхъ стѣнъ и невидимой молитвы преподобныхъ его основателей.

Въ обширной оградѣ, сооруженной Гетманомъ Мазепою, на пространствѣ болѣе версты вокругъ всей Лавры, трое вратъ открываютъ въ нее благоговѣйный входъ.—Къ востоку отъ соборной церкви, въ полугорѣ, пещерныя врата, чрезъ которыя тѣснится непрестанная вереница богомольцевъ, въ ближнія и дальнія подземелья Антонія и Ѳеодосія. Къ западу, прямо противъ собора, святыя врата, богато украшенныя ликами Преподобныхъ, которыя встрѣчаютъ соборно другой ликъ, благовѣрныхъ Князей Русскихъ, къ нимъ притекавшихъ на землѣ и съ ними обитающихъ на небесахъ. Здѣсь всѣ заступники земли Русской, прославившіеся духовно въ южныхъ ея предѣлахъ и наипаче въ Кіевѣ.—Надъ вратами церковь Пресвятыя Троицы, которую православно исповѣдалъ сонмъ сихъ праведниковъ, чина мірскаго и духовнаго. Первыя св. врата Лавры, съ тѣмъ же храмомъ, устроены были еще въ 1106 году, блаженнымъ вратаремъ ихъ, правнукомъ великаго Ярослава, Княземъ Черниговскимъ Николою, прозваннымъ Святошею за свое благочестіе, мощи коего нетлѣнно почиваютъ въ ближнихъ пещерахъ.

«Преходитъ образъ міра сего и Господь многажды низлагалъ престолы Князей!» такъ помышлялъ благочестивый потомокъ св. Владиміра и предъизбралъ лучшую часть оставленнаго имъ наслѣдія, царство небесное вмѣсто земнаго. Онъ постригся, въ раннемъ возрастѣ, въ Лаврѣ Печерской, и смиренно

исполнялъ самыя тяжкія послушанія, не смотря на убѣжденія братьевъ своихъ, Изяслава и Владиміра, Князей Черниговскихъ, дабы возвратился въ домъ отчій: три года служилъ братіи своей духовной въ поварнѣ, три года въ послушаніи вратаря охранялъ святыя врата, потомъ служилъ при трапезѣ; проходя благочестно сію уже третью степень послушанія онъ, по совѣту игумена и всей братіи, уединился въ келлію, гдѣ провелъ еще тридцать лѣтъ въ строжайшемъ постѣ, воздѣлывая малый садъ и, съ помощію врача своего, призирая болящихъ, для коихъ устроилъ богадѣльню подлѣ святыхъ воротъ, съ церковію во имя своего Ангела. Часто убѣждалъ Князя искренно приверженный къ нему врачъ, воздержаться отъ непомѣрныхъ подвиговъ, для сохраненія жизни, и не работать черноризцамъ, какъ-бы купленный ими рабъ; онъ представлялъ ему въ примѣръ благочестивыхъ предковъ, спасавшихся инымъ путемъ, но блаженный Святоша отвѣчалъ: «братъ мой, довольно разсуждалъ я о здравіи души и убѣдился, что неблагоразумно щадить плоть, дабы она не возставала на духъ; если же изнеможетъ, то и тогда въ немощи моей совершится сила Божія; ибо по слову Апостола: нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая въ насъ откроется (Рим. VIII, 18). Благодарю Бога, что онъ сдѣлалъ меня рабомъ своимъ рабамъ черноризцамъ; ибо я, будучи Княземъ, въ лицѣ ихъ, работаю Царю царей.

Братія мои по плоти пусть довольствуются земною моею областію, которую имъ оставилъ, обнищавъ Христа ради для инаго царства; для меня же—жизнь Христосъ, а смерть пріобрѣтеніе (Филип. 1, 21). Если же и никто изъ Князей Россійскихъ до меня такъ не дѣйствовалъ, пусть буду я предводителемъ ихъ, по слѣдамъ Царя небеснаго, дабы хотя отселѣ кто-либо поревновалъ моему примѣру.»

Слова блаженнаго Николы подтверждались знаменіями; онъ исцѣлилъ молитвою самаго врача, когда сей, испытавъ безсиліе земныхъ лекарствъ, довѣрился наконецъ цѣлебной силѣ Князя; по его убѣжденію, врачъ постригся въ иноки. умоливъ преподобнаго, который уже имѣлъ предчувствіе о своей кончинѣ, испросить ему у Господа милость, умереть вмѣсто его, дабы самъ Никола, ангельскою жизнію послужилъ на спасеніе многимъ. Исполнилась благочестивая молитва: Князь-инокъ еще тридцать лѣтъ сіялъ своими добродѣтелями въ Лаврѣ; послѣ же блаженной кончины, власяница его исцѣляла болящихъ и служила бронею воинскою единокровнымъ Князьямъ.

На мѣстѣ его богадѣльни доселѣ существуетъ монастырь больничный, съ церковію Чудотворца Николая. Такимъ образомъ, три отдѣльныя обители, ближнихъ и дальнихъ пещеръ и больничная, обрѣтаются внутри обширнаго иноческаго міра Лавры: каждая изъ нихъ имѣетъ по нѣсколько церквей и

придѣловъ, особенно же въ дальнихъ пещерахъ, гдѣ, кромѣ трехъ подземныхъ, двѣ внѣшнія большія церкви, Зачатія и Рождества Богоматери, вмѣстѣ съ келліями братскими, составляютъ сами по себѣ пространный монастырь. Надъ сѣверными, или экономическими вратами Лавры, есть еще церковь во имя всѣхъ Святыхъ, дабы никто изъ тайныхъ Угодниковъ Божіихъ, спасавшихся въ безмолвіи пещеръ, не лишился, по своему смиренію, подобающей ему славы и отъ воинствующей Церкви, подобно какъ всѣ ликуютъ, съ небесною своею братіею въ сонмѣ торжествующей Церкви.

Недалеко отъ сихъ воротъ, внѣ ограды, находится древняя церковь Преображенія Господня, сооруженная еще равноапостольнымъ Княземъ Владиміромъ, въ любимомъ селѣ своемъ Берестовѣ, гдѣ онъ и скончался; тамъ же погребены были: правнукъ его Долгорукій, столько возмутившій родную землю междоусобіями, который достигъ наконецъ престола великокняжескаго, чтобы только успокоить прахъ свой въ уединеніи Берестовскомъ. Тамъ и сынъ его Глѣбъ, недолго княжившій, и сестра Софія, Королева Венгерская, и кроткая его мать Евфимія, супруга великаго Мономаха:—кто знаетъ мѣсто гробовъ ихъ, послѣ столькихъ разореній?—Недалеко отъ сего храма находилась другая церковь верховныхъ Апостоловъ, воздвигнутая также Равноапостольнымъ Княземъ, гдѣ былъ пресвитеромъ блаженный Иларіонъ, до своего

избранія на митрополію Кіевскую; оттолѣ ходилъ онъ для безмолвной молитвы, на дикій берегъ Днѣпра, въ малую ископанную имъ пещерку, въ которой поселился потомъ преподобный Антоній; это было началомъ дальнихъ пещеръ Лавры.—И такъ вотъ священный родникъ, отколѣ излился сей первый ключъ живой воды, спасительно оросившій гору Печерскую и разлившійся многими рѣками, по всей Россіи!—но теперь неизвѣстно и самое мѣсто бывшей Петропавловской церкви.

Церковь Спаская, уцѣлѣвшая, по своему каменному зданію, отъ разоренія Монгольскаго, принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ Кіева, и доселѣ свидѣтельствуетъ, о вкусѣ тогдашнихъ художниковъ. Живопись нѣкоторыхъ иконъ показываетъ слѣды Византійскаго искуства, и вѣроятно онѣ были обновлены по древнимъ чертамъ. Великій обновитель всего разореннаго въ Кіевѣ, Митрополитъ Петръ Могила, поднялъ и ее изъ развалинъ, какъ видно изъ существующей доселѣ на стѣнахъ Греческой надписи, и украсилъ священною утварію; туда перенесъ онъ, на время честную главу почившаго въ ея сосѣдствѣ Князя Владиміра, но потомъ, для большей безопасности, въ самую Лавру, а великій Петръ оградилъ священный памятникъ древности отъ набѣговъ непріятельскихъ, включивъ его внутрь крѣпостной ограды. Но, созидая крѣпость онъ уничтожилъ монастырь женскій, во имя Вознесенія Господня, стоявшій противъ

самыхъ св. воротъ Лавры, гдѣ теперь арсеналъ, и перевелъ инокинь его въ нижній городъ, въ обитель Флоровскую. Подлѣ св. вратъ доселѣ существуетъ церковь преподобнаго Ѳеодосія, нѣкогда деревянная, нынѣ же каменная, которая сооружена была въ память перенесенія мощей его изъ пещеры въ Лавру: ибо на этомъ мѣстѣ остановились, съ честною ракою, иноки для отдохновенія, и поставили ее на пнѣ срубленнаго дерева, хранящемся подъ престоломъ храма.

Я взошелъ на величественную колокольню Лавры, начатую при Императрицѣ Аннѣ и оконченную при Елисаветѣ; въ ней четыре яруса разнородныхъ колоннъ, Дорическаго, Іоническаго и Коринѳскаго ордена; высота ея 47 сажень съ крестомъ; она почитается высочайшею изъ всѣхъ колоколенъ Россійскихъ и, по своему нагорному положенію, видна болѣе нежели за тридцать верстъ, по Московской дорогѣ; съ ея же вершины, съ помощію трубы, взоръ достигаетъ до города Козельца, на разстояніи семидесяти верстъ. Вся панорама Кіева, Днѣпра и живописныхъ окрестностей, открывается стоящему на послѣднемъ ярусѣ столпа сего, вполнѣ достойнаго Лавры, въ которую зоветъ онъ на молитву, мирнымъ гласомъ своихъ колоколовъ. Жадно разбѣгаются взоры, по сему очаровательному и разнообразному чертежу водъ и горъ, лѣсовъ и полей, повсюду украшенныхъ какимъ-либо священнымъ зданіемъ; потомъ опять сосредоточиваются они на одной живописной массѣ Кіева, двухъ-яруснаго,

горняго и дольняго, раздѣленнаго садами и оврагами, и сіяющаго Божіими храмами; наконецъ, утомленные падаютъ прямо на св. Лавру и ея пещеры, какъ на единый мирный пріютъ, посреди сей тревожной картины.

Съ племянникомъ Владыки, отцемъ Антоніемъ, пріятнымъ и радушнымъ спутникомъ многихъ моихъ хожденій внутри Лавры и по ея окрестностямъ, совершилъ я сей послѣдній восходъ, и уже полагалъ, что успѣлъ, въ короткое время, видѣть все достойное вниманія въ стѣнахъ обители; но Митрополитъ озаботилъ меня вопросомъ: «видѣлъ ли ты юдоль преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, и былъ ли на ихъ кладезяхъ?»—Я же не зналъ и о ихъ существованіи. Тогда кроткій Пастырь, обратясь съ улыбкою къ своему племяннику, сказалъ ему: «пойди же и отведи его въ сію долину, и пусть почерпнетъ тамъ воды изъ струи, освященной руками Преподобныхъ; ибо мѣсто сіе еще дико и отрадно, какъ во дни святыхъ отшельниковъ.» Немедленно вышли мы, чрезъ пещерныя врата, изъ стѣнъ Лавры, и минуя крытый ходъ ближнихъ и дальнихъ пещеръ, нѣсколько повыше ихъ, достигли до каменной церкви Зачатія Богоматери, что надъ самымъ холмомъ пещеръ Ѳеодосіевыхъ. Тамъ насладившись зрѣлищемъ Лавры, которая величественно воставала предъ нами, по уступамъ горъ, мы стали спускаться крутою стезею, въ глубокую дебрь, покрытую дикими деревами,—от-

ростками отъ корней деревъ современныхъ святымъ основателямъ Лавры, доколѣ не обрѣли на днѣ оврага, малый кладезь,—это былъ Ѳеодосіевъ.

По другую сторону оврага, подъ сѣнію развѣсистыхъ деревъ, находился иной кладезь, болѣе обдѣланный, съ скамьями вокругъ него,—это былъ Антоніевъ. Сюда, съ противулежащихъ холмовъ, сходились, каждый къ своему роднику, преподобные основатели Лавры, изъ мрака пещернаго на Божій свѣтъ, нося на старческихъ раменахъ тяжелые водоносы, для утоленія не одной лишь своей жажды, но и подначальной имъ братіи; ибо они первые подавали во всемъ примѣръ смиренія и послушанія. Здѣсь, быть можетъ, во глубинѣ дебри, встрѣчали они другъ друга ангельскимъ привѣтомъ и мѣнялись назидательнымъ словомъ: Ѳеодосій припадалъ къ стопамъ отца иночествующихъ, и Антоній взаимно воздавалъ ему честь пресвитерскаго сана, котораго чуждался самъ по смиренію!—О безмолвная дебрь, зачѣмъ такъ глубоко хранишь ты тайны ихъ уединенной бесѣды, въ своихъ нѣдрахъ? что же ни одно ея ангельское слово не отзовется жадному слуху!—Кто бы не пожелалъ, какъ нѣкогда Самаряныня, напоить жаждущую свою душу благочестія водами, и зачерпнуть струю живую, текущую въ вѣчность, изъ кладезя сихъ двухъ блаженныхъ послѣдователей Христовыхъ? Долго сидѣли мы, при кладезѣ Антоніевомъ, и безмолвствовали, какъ-бы ожидая чего-то таинственнаго

изъ его священнаго устья;—безмолвствовала вокругъ и вся природа, раздѣляя священное молчаніе юдоли Преподобныхъ: слышался только тихій шелестъ листьевъ густой дубравы, и голосъ птицъ, которыя пѣли свои воздушныя пѣсни, въ недоступной для насъ высотѣ, какъ райскіе гости, залетѣвшія въ сей новый Эдемъ преподобныхъ!

На другой день удостоился я вкусить, въ раю пещерномъ, воздѣланномъ ихъ руками, Божественные плоды древа жизни, вновь для насъ процвѣтшаго, пріобщился животворящаго тѣла и крови Господа Іисуса Христа, въ подземной церкви преподобнаго Ѳеодосія. Самъ Владыка совершилъ божественную литургію, съ блюстителемъ дальнихъ пещеръ и схимникомъ, отцемъ своимъ духовнымъ, который мысленно живетъ уже за предѣлами гроба; чудно было видѣть служеніе Святительское и слышать пѣніе ликовъ, во мракѣ и тѣснотѣ пещеры. Когда узкими вратами, какъ-бы вратами небеснаго царствія, исходилъ онъ, изъ глубины темнаго алтаря, въ свѣтящейся ризѣ и митрѣ, и осѣнилъ церковь,—внезапный свѣтъ осіявалъ пещеру; нѣчто не земное представлялось въ лицѣ Святителя, воздѣвшаго руки свои горѣ; а два іподіакона по сторонамъ его, также въ свѣтлыхъ одеждахъ и въ вертепѣ, напоминали радостныхъ вѣстниковъ воскресенія Христова, изъ упраздненнаго гроба. Когда же опять, съ удаленіемъ Святителя во глубину алтаря, водворился мракъ при слабомъ мерцаніи лам-

падъ иконостаса,—въ боковыхъ отверстіяхъ пещеры появлялись огни, изъ дальнихъ ея переходовъ, и потомъ опять исчезали; люди мелькали какъ призраки, каждый минутно озаренный свѣчею, которую держалъ въ рукахъ; это были мимоходящіе богомольцы, совершавшіе набожное поклоненіе святымъ мощамъ Угодниковъ Божіихъ, почивающимъ въ сихъ пещерахъ. Страшно и утѣшительно было слышать призывный гласъ діакона: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите;» ибо малое число молящихся, въ тѣснотѣ подземелья, казалось умноженнымъ давними жителями сихъ пещеръ, которые искреннѣе насъ уже пріобщаются Христу, въ невечернемъ днѣ царствія Божія!

XIV.

ПРАЗДНИКЪ УСПЕНІЯ.

Настало время свѣтлыхъ торжествъ, для первопрестольнаго Кіева, и день предпразднества Успенія Пречистой Дѣвы, которая искони утвердила домъ свой на горахъ Кіевскихъ. Ея честному собору, по рождествѣ Бога Спаса, праздновала древнѣйшая Десятинная церковь, а въ св. Софіи величается самое рождество Пречистой Матери; наконецъ и въ Лаврѣ Печерской, съ великою радостію духовною, чествуется день ея Успенія; ибо, сохранившая дѣвство въ рождествѣ, и въ успеніи не оставила міра, молитвами своими спасая отъ смерти души наши.—«Людіе предъиграйте, воспѣваетъ Церковь, руками плещуще вѣрно, и любовію соберитеся, днесь радующеся и свѣтло восклицающе вси веселіемъ. Божія бо Мати имать отъ земныхъ къ вышнимъ пріити славно, юже пѣсньми присно, яко Богородицу славимъ.» Но въ тотъ же день и другое свѣтлое торжество, близкое сердцу Лавры: перенесеніе честныхъ мощей преподобнаго отца ея Ѳеодосія Печерскаго, и ему поетъ собранная имъ паства: «наслѣдникъ отцевъ бывъ, преподобне, тѣхъ же послѣдовалъ еси житію, ученію, нраву и воздержанію, молитвѣ же и предстоянію; тѣмъ же яко имѣя дерзновеніе ко Господу, прощеніе прегрѣ-

шеній и спасенія испроси вопіющимъ ти: радуйся, отче Ѳеодосіе!»

Митрополитъ, неутомимый на молитву, совершивъ наканунѣ Божественную литургію, въ дальнихъ пещерахъ, гдѣ были обрѣтены нетлѣнныя мощи преподобнаго Ѳеодосія, какъ-бы слѣдуя духовно за ихъ перенесеніемъ, опять священнодѣйствовалъ въ томъ храмѣ, куда внесъ ихъ нѣкогда, съ великимъ торжествомъ, соборъ Епископовъ Русскихъ: утѣшительно было слышать, надъ самою ракою Преподобнаго молебный гласъ къ нему, о заступленіи собраннаго имъ стада и Церкви, которая, прежде всѣхъ своихъ праведниковъ, его перваго причла къ лику Святыхъ. Вечеромъ того же дня, другое болѣе торжественное служеніе, совершилось въ соборной церкви: погребальная всенощная Успенія Богоматери, частію своихъ молитвъ и обрядовъ, напоминавшая глубокую утреню великой субботы.

«О дивное чудо! восклицаетъ изумленная Церковь, духовно созерцая, съ ликами Ангельскими, како Дѣва восходитъ отъ земли на небо,—источникъ жизни во гробѣ полагается и лѣствица къ небеси гробъ бываетъ: веселися, Геѳсиманіе, Богородиченъ святый доме: возопіемъ вѣрные, Гавріила имуще чиноначальника: благодатная, радуйся, съ тобою Господь, подаяй мірови тобою велію милость.»

«Дивны твоя тайны, Богородице! Вышняго престолъ явилася еси, Владычице, и отъ земли къ небеси

преставилася еси днесь: слава твоя боголѣпная, богоподобными сіяетъ чудесы: дѣвы, съ Матерію Царевою, на высоту вознеситеся: благодатная, радуйся, съ тобою Господь, подаяй мірови тобою велію милость.»

«Твое славятъ успеніе Власти и Престоли, Начала и Господствія, Силы и Херувими и страшніи Серафими, радуются земнороднїи, о Божественной твоей славѣ красящеся; припадаютъ Царіе, со Архангелы и Ангелы, и воспѣваютъ: благодатная, радуйся, съ тобою Господь, подаяй мірови тобою велію милость.»

Вся пространная церковь Лавры наполнена была народомъ, стекшимся изъ дальнихъ краевъ Россіи на сіе священное торжество; открылись царскія врата для полученія: Митрополитъ, съ двумя Епископами, шестью Архимандритами и всѣмъ клиромъ, въ полномъ великолѣпіи своего сана, вышелъ на средину церкви, величать честнѣйшую Херувимъ. Началось стихословіе семнадцатой каѳисмы: «блажени, непорочніи, въ путь ходящіи въ законѣ Господнемъ», подобно какъ то бываетъ надъ плащаницею Божественнаго Сына пречистой Дѣвы, въ день его гробоваго покоя, и Святители трижды обходили церковь, съ кадиломъ въ рукахъ по чину великой субботы. Спустилась предъ царскія врата и чудотворная икона Богоматери, послѣ шестой пѣсни ея трогательнаго канона, Владыка, окруженный духовнымъ соборомъ, подобно Апостоламъ, сошедшимся на Сіонъ для погребенія

Матери Слова, читалъ въ слухъ всей церкви, торжественный акаѳистъ ея Успенія, какъ бы предъ лицемъ самой Царицы небесной, и во всѣхъ сердцахъ отзывалось Ангельское, привѣтствіе: «радуйся, обрадованная, во успеніи твоемъ насъ не оставляющая!»

Въ глубокую полночь окончилась всенощная, и величественно было видѣть обратное шествіе Митрополита, изъ собора въ свои келліи, въ сопровожденіи клира, который освѣщалъ путь его во мракѣ, при густомъ ревѣ всѣхъ колоколовъ Лавры. На слѣдующее утро, въ самый праздникъ Успенія, послѣ водоосвященія, преосвященный Викарій, со всѣмъ духовенствомъ, предшествуемый хоругвями и иконами, совершилъ крестный ходъ вокругъ Лавры, начиная отъ сѣверныхъ вратъ ея, мимо святыхъ и до пещерныхъ; онъ останавливался предъ каждыми вратами для литіи, и окроплялъ древнія стѣны и богомольцевъ. Митрополитъ священнодѣйствовалъ самъ Божественную литургію, съ такимъ же духовнымъ торжествомъ, какъ и всенощную, при томъ же числѣ сослужащихъ Епископовъ и Архимандритовъ, и сказалъ назидательное слово, приличное торжеству дня. Съ большимъ утѣшеніемъ всегда внималъ я его проповѣди, потому что онъ говорилъ безъ приготовленія, большею частію на текстъ дневнаго евангелія, которое діаконы держали предъ нимъ отверстымъ у амвона, а онъ, опираясь на свой посохъ, изливалъ въ простой рѣчи свое сердце, проникнутое любовію

къ Господу Іисусу. Его святое имя безпрестанно слышалось въ устахъ Святительскихъ и сіе невольное повтореніе, проистекавшее отъ пламенной вѣры, производило сладкое впечатлѣніе на душу. Я видѣлъ людей всякаго званія и возраста, глубоко тронутыхъ проповѣдію, которая не заключала въ себѣ изысканной витіеватости, но ея краснорѣчіе вытекало изъ сердца, и потому находила она себѣ отголосокъ также въ сердцѣ.

Для нищей Христовой братіи, накрыты были столы между соборомъ и настоятельскими келліями. Митрополитъ, возвращаясь по совершеніи литургіи въ свои келліи, благословилъ трапезу на вкушеніе; но набожные богомольцы болѣе жаждали пастырскаго благословенія, нежели трапезы, и тѣснились около него больше чѣмъ вокругъ столовъ. Всѣми уважаемый Начальникъ того края, съ властями свѣтскими и духовными, собрались въ келліи Преосвященнаго, привѣтствовать его съ общимъ торжествомъ Лавры и Кіева; онъ пригласилъ желающихъ на братскую трапезу, въ церковь Петра и Павла, и патріархальный обѣдъ сей, при обычномъ чтеніи и возношеніи хлѣба, въ память Пресвятой Дѣвы, напоминалъ древнія времена Церкви.—Такъ окончилось торжество.

Я воспользовался остаткомъ вечера, чтобы проститься съ моими Кіевскими знакомцами, которые столь радушно меня приняли, потому что на другой день уже готовился въ обратный путь. Хотя соби-

рались тучи и полился дождь, не хотѣлъ я однако оставить Кіева, не посѣтивъ еще однажды любимой моей церкви Первозваннаго Апостола. Я обошелъ въ послѣдній разъ, кругомъ ея живописной паперти, быстро обѣгая взорами окрестность, омраченную непогодою, взошелъ и во внутренность храма, во глубину алтаря: тамъ все было тихо и мрачно; въ уединеніи помолился я моему Ангелу, просвѣтителю нашей отчизны; когда же опять вышелъ на паперть, и сталъ спускаться съ ея высокихъ ступеней, багровый свѣтъ проглянулъ изъ-за черныхъ тучъ, надъ горою Олега:—тамъ садилось солнце.

Праздникъ нерукотвореннаго образа Спасова, встрѣтилъ я на молитвѣ, въ ближнихъ пещерахъ, и отслушавъ тамъ послѣднюю литургію, въ церкви преподобнаго Антонія, простился съ ликомъ праведниковъ, почивающихъ подъ его сѣнію. Уже все было готово къ моему отъѣзду; добрый Владыка удержалъ меня еще на трапезу, потомъ привелъ въ свою прекрасную молельню и, благословивъ иконою Успенія и Преподобныхъ, сказалъ: «мы простимся тамъ, гдѣ и свидѣлись; посмотри еще однажды, на духовныя сокровища ближнихъ и дальнихъ пещеръ, насладись еще однажды и, можетъ бытъ, въ послѣдній разъ симъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, чтобы оно глубже напечатлѣлось въ твоей душѣ, и потомъ мы помолимся.»—Молча сѣли мы, другъ противъ друга, я смотрѣлъ въ окно, но все казалось мнѣ въ туманѣ,

потому что невольная слеза застилала предо мною умилительные виды. «Теперь время», сказалъ поднявшись Владыка, и осѣнилъ меня крестомъ: «Богъ да благословитъ жизненный путь твой!»—Внутреннее смущеніе лишило меня словъ; такъ мы разстались. Радушный мой спутникъ, отецъ Антоній и отецъ Намѣстникъ, благосклонно меня принявшій въ Лавру, провожали меня до св. воротъ. Тамъ, предъ ликами преподобныхъ ея основателей, Намѣстникъ окропилъ меня святою водою и молитвенно вывелъ за ограду. Съ сердцемъ исполненнымъ грусти, оставилъ я святую обитель и сталъ спускаться къ Днѣпру по горамъ Кіевскимъ, въ сопровожденіи одного изъ сослуживцевъ прежней военной жизни, который наканунѣ пріѣхалъ въ Кіевъ, чтобы увидѣться со мною, послѣ долгой разлуки. Мы вспоминали о лучшихъ дняхъ молодости, и настоящее казалось для насъ блѣдно предъ минувшимъ; въ дружеской бесѣдѣ намъ не замѣтно было, какъ перешли мы длинный Днѣпровскій мостъ; я простился съ нимъ по ту сторону рѣки, уже въ предѣлахъ Черниговскихъ.—Такъ много впечатлѣній нечаянно стѣснилось въ душѣ моей, въ послѣднюю минуту разставанія въ древнею столицею.

Медленно подвигался я, по глубокому песку, вдоль берега до новой дороги, имѣя предъ собою великолѣпное зрѣлище Кіева. Вечернее солнце, безпрестанно выглядывая изъ-за дождевыхъ облаковъ, бросало яркіе лучи на его величественные храмы, и

на окрестныя горы и долины, съ чудными переливами свѣта и мрака, какъ искусный художникъ, послѣдними рѣзкими чертами геніальной кисти, довершающій главные предметы своей картины. Вся священная Лавра облеклась въ одну бѣлую ризу, которой пышныя воскрылія широко разстилались, по зеленымъ коврамъ Печерскимъ. Она увѣнчала златыми митрами многоглавое чело свое и, какъ ѳиміамъ кадильный, поднялся отъ нее легкій туманъ;—казалось, сонмъ Святительскій на молитвѣ; открылись и мѣдныя уста ея.... голосъ ихъ, считая время, вѣщалъ о вѣчности!—Не могъ я оторвать взоровъ отъ сего очаровательнаго вида, хотя уже быстро мчался по большой дорогѣ, доколѣ все не исчезло въ чащѣ лѣса; но съ каждаго пригорка, черезъ верхи деревъ, мнѣ опять являлась та же великолѣпная картина, въ уменьшенныхъ размѣрахъ; долго еще подымался на горизонтѣ царственный скипетръ державнаго Кіева, колокольня Печерская; наконецъ и она скрылась, осѣнивъ меня златымъ крестомъ своимъ.

1843 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

УСАДЬБА ВЪ КІЕВѢ.

«Не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ» (Евр. XIII, 14).

Помню, преосвященнѣйшій Владыко, что сими словами Апостола Вы мнѣ возразили, когда прошлою осенью, возвратясь изъ Кіева, въ первый разъ я сообщилъ Вамъ о моемъ намѣреніи пріобрѣсти себѣ усадьбу на Старомъ Кіевѣ, близъ церкви моего Ангела Первозваннаго. И однако, хотя я вполнѣ чувствую всю силу и истину Апостольскаго слова, я уже обрѣлъ себѣ мѣсто стоянія ногамъ моимъ, на близкой моему сердцу вершинѣ горы Андреевской. Осудите ли мою настойчивость?—Нѣтъ, имѣйте снисхожденіе къ тѣмъ причинамъ, которыя побудили меня искать себѣ успокоенія, если только оно можетъ существовать на землѣ, здѣсь собственно, на мѣстѣ для меня отраднѣмъ и священномъ. Я это пишу Вамъ въ день торжества вашей Лавры, изъ пустыни Межигорской, гдѣ мы также совершали память преподобнаго Сергія, который замѣнилъ Вамъ здѣшнихъ первоначальниковъ Антонія и Ѳеодосія; онъ раздѣлилъ съ ними отечество иноковъ Русскихъ, усвоивъ себѣ весь Сѣверъ, какъ имя и благословеніе Печерскихъ преимущественно на Югѣ.

Но живописная сія пустыня, въ лѣсистомъ ущеліи, на крутомъ берегу Днѣпра, созданная самою природою для безмолвія иноческаго, обращена теперь изъ обители въ фаянсовую фабрику. До такого прозаическаго назначенія низошло сіе поэтическое мѣсто, гдѣ искони процвѣтала обитель!—Она замѣнила Боголюбскую въ Вышгородѣ, Бѣлаго Спаса, отколѣ перенесена была, въ Вашъ первопрестольный соборъ, чудотворная икона Богоматери, написанная Евангелистомъ. Соборная благолѣпная церковь, сооруженная знаменитымъ постриженникомъ бывшей обители, Патріархомъ Іоакимомъ, и до нынѣ празднуетъ Преображенію. Но такихъ священныхъ воспоминаній не пощадила властная рука Князя Таврическаго, опустошившая, въ одно время съ Межигорьемъ на Днѣпрѣ, и Святыя горы на Донцѣ. Внезапно выгорѣла обитель и была упразднена, по нелюбви Князя къ Запорожцамъ, коихъ почитала она своими ктиторами. Слава Богу, что обновились Святыя горы, послѣ ихъ семидесятилѣтняго запустѣнія, благочестіемъ владѣльцевъ тезоименитыхъ опустошителю. Но Межигоры еще ждутъ обновленія и едва ли дождутся, потому что, съ возвращеніемъ ихъ къ первобытному назначенію, сопряжено слишкомъ много матеріальныхъ интересовъ, и со стороны казны и со стороны частныхъ владѣльцевъ, взявшихъ весьма недавно на аренду сіе богатое фаянсовое заведеніе, хотя и безъ успѣха; ибо какъ сами они выражаются: «нѣтъ благословенія на этомъ священномъ мѣстѣ для чего либо инаго, кромѣ обители».

Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ нынѣшній владѣлецъ Межигорья. Барскій, происходящій отъ того знаменитаго поклонника Палестинскаго, Плаки-Григоровича Барскаго, который оставилъ намъ столь любопытныя записки своего многолѣтняго странствія. (Къ сожалѣнію, въ недавнемъ пожарѣ Кіевскомъ, сгорѣли всѣ неизданные еще планы и рисунки его путешествія, долго тлѣвшіе на чердакѣ ветхаго его дома, а нѣкоторыя рукописи розданы были для чтенія, и надобно полагать, что пропали). Барскій далъ мнѣ у себя пріютъ для лѣтняго купанья, и я наслаждаюсь всею тишиною пустыни, за 20 верстъ отъ Кіева, въ отжившей обители, не обращая вниманія на то, что теперь въ ней дѣлается позади меня. Взоръ мой обращенъ только на Днѣпръ, надъ которымъ виситъ мой скромный домикъ, построенный на крайней террассѣ монастырской, гдѣ были настоятельскія келліи.

Вправо и влѣво горы поросли лѣсомъ, тамъ гдѣ прежде были фруктовые сады и виноградники. Обитель втѣснилась, со всѣми своими зданіями и съ двумя благолѣпными храмами, въ живописное удолье, давшее ей названіе Межигорья. Предо мною необозримые луга и пески Заднѣпровья, поросшіе кустарникомъ; вдали синѣютъ лѣса, окаймляющіе весь этотъ необъятный горизонтъ. Широкъ и величественъ Днѣпръ подъ Межигорьемъ, съ одной стороны образуя глубокіе заливы, съ другой огибая крутой мысъ Вышгорода. Днемъ и ночью оживлена сія великолѣпная кар-

тина. Вверхъ быстрой рѣки тяжело подымаются или внизъ ея легко несутся, на веслахъ и парусахъ, разнообразныя барки и тянутся длинные плоты съ лѣсомъ; легкіе челноки рыбаковъ скользятъ по водамъ, пересѣкая путь тяжелыхъ судовъ; иногда дымятся и пароходы, и слышится на нихъ пѣсня. Ночью же, когда все вокругъ замолкнетъ и утихаетъ Днѣпровская жизнь, она еще искрится въ легкихъ огонькахъ, которые загораются во всѣхъ направленіяхъ рѣки, на причалившихъ къ берегу плотахъ, или у рыбаковъ, ожидающихъ ранней зари для своего промысла, гдѣ либо на лугу Заднѣпровья.

Вчера я долго любовался, пока изъ-за ближняго мыса, отъ Вышгорода, поднялась багровая луна и потомъ заструился ея серебристый столбъ во всю длину изгибающагося тутъ Днѣпра. Картина достойная кисти Айвазовскаго! Я сидѣлъ на своей терассѣ и размышлялъ о минувшемъ Межигорья, мечталъ и о его будущемъ: возстановится ли тутъ когда либо обитель? или навсегда уже ей суждено оставаться тѣмъ, что есть? Не ужели память Боголюбскаго и той святыни, которая отселѣ истекла въ первопрестольный градъ, не подвигнетъ ни чье сердце къ обновленію святаго мѣста, и матеріальныя выгоды или издержки остановятъ благонамѣренныхъ? А какъ бы тутъ можно было основать ученое братство для духовнаго просвѣщенія!

Но, увлеченный мечтами, я совершенно отклонился отъ своего предмета, чтобы только объяснить,

гдѣ я теперь, и въ какомъ расположеніи духа пишу сіи строки, себѣ въ оправданіе. Итакъ, скажу Вамъ, что не въ прошломъ лишь году родилось у меня желаніе водвориться въ Кіевѣ, но болѣе нежели за 30 лѣтъ предъ симъ, когда, отправляясь на военную службу, впервые посѣтилъ я Кіевъ, въ самомъ разгарѣ юнаго воображенія, на которое сильно подѣйствовали и древность и святыня матери городовъ нашихъ. Случилось и необыкновенное обстоятельство. Какъ теперь помню, это было на страстной недѣлѣ; мнѣ хотѣлось непремѣнно поспѣть въ Лавру къ обѣдни, не смотря на сильную бурю и разливъ Днѣпра. Молодость предпріимчива: не слушая никакихъ совѣтовъ, я довѣрился отвагѣ двухъ рыбаковъ, на маломъ челнокѣ, который едва не опрокинула буря, такъ что мы должны были причалить къ пустому острову и пережидать погоду; но, не дождавшись, опять пустились по бурнымъ волнамъ, и насъ принесло къ Крещатику. Тутъ противъ того мѣста, гдѣ крестилъ дѣтей своихъ Равноапостольный Князь, вышелъ я на берегъ и поспѣшилъ къ памятнику благодарить Господа и его Угодника за свое спасеніе. Тогда еще мелькнула у меня мысль водвориться въ Кіевѣ, который поразилъ меня своимъ великолѣпіемъ съ противуположнаго берега и, во время бурнаго плаванія, меня будто манила къ себѣ воздушная церковь моего Ангела, Первозваннаго Апостола, на своемъ утесѣ какъ-бы на облакахъ.

Съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе развивалась во мнѣ мысль о водвореніи въ Кіевѣ, всякій разъ, когда я его проѣзжалъ, а это бывало часто въ первые годы военной службы, до возвращенія изъ Іерусалима въ 1830 году. И вотъ теперь лишь, черезъ столько лѣтъ, суждено было исполниться давнему желанію, и мнѣ выпало на жребій мѣсто у самой паперти церкви Апостола. Тринадцать лѣтъ я не былъ въ Кіевѣ, послѣ перваго Палестинскаго странствія, и когда я опять посѣтилъ его, въ 1843 году, Протоіерей Андреевской церкви, указывая мнѣ съ паперти окрестность, приглашалъ избрать гдѣ либо мѣсто подлѣ храма, для усадьбы. Это было напечатано въ моемъ описаніи Кіева и многимъ стало извѣстно мое намѣреніе, такъ что Кіевляне, изъ числа духовныхъ, уже почитали меня своимъ согражданиномъ. Когда я вторично посѣтилъ Востокъ, въ 1849 и 1850 году, со мною была неразлучна мысль о храмѣ Первозваннаго. Я испросилъ на Святой горѣ, въ скитѣ Пророка Иліи, у Русскаго игумена Паисія, частицу мощей Апостольскихъ, мизинецъ отъ лѣвой его стопы, стоявшей на горахъ Кіевскихъ, въ ту минуту какъ водружалъ онъ здѣсь первый крестъ, предрекая будущую славу сего мѣста. Во все время моего странствія по Святымъ мѣстамъ, носилъ я на груди завѣтную сію святыню, чтобы доставить сохранно въ Кіевъ и, принесши, устроилъ для нея малый серебряный ковчегъ, предназначая оный въ храмъ Первозваннаго. Но, по

возникшему недоумѣнію, святыня сія удержана была въ Лаврѣ, въ теченіи осьми лѣтъ, покойнымъ Митрополитомъ, и только въ минувшемъ году, на праздникъ Апостольскій, исполнилъ мое желаніе его преемникъ.—Это еще болѣе привязало меня къ храму Первозваннаго.

Спустя восемь лѣтъ, я посѣтилъ опять Кіевъ, въ прошломъ году, на обратномъ пути изъ Крыма, съ тою мыслію, чтобы напослѣдокъ рѣшить: водвориться ли мнѣ въ немъ или нѣтъ? ибо уже сокращаются годы. Пріѣхавъ въ день воскресный, наканунѣ праздника Софійскаго, Рождества Богоматери, я поспѣшилъ къ обѣдни въ соборъ и, входя въ оный, во время чтенія Евангелія, помышлялъ самъ въ себѣ: что скажетъ мнѣ слово евангельское?—Утѣшительно было услышать слова сіи: «велія вѣра твоя, буди тебѣ якоже хощеши». День спустя, отслушавъ акаѳистъ Великомученицѣ и литургію въ Михайловской обители, пошелъ я въ храмъ Первозваннаго и, возвращаясь оттолѣ уже утомленнымъ, не намѣревался взойти въ Десятинную церковь, но, увидя растворенныя двери, взошелъ, чтобы поклониться гробу святаго Князя. Тамъ, совершенно нечаянно, встрѣтилъ меня мѣстный священникъ вопросомъ: «почему не исполняю давняго своего желанія поселиться въ Кіевѣ»? и на мой отвѣтъ: «что всѣ лучшія мѣста уже разобраны», онъ вывелъ меня съ погоста церковнаго, въ заднія врата, на обнесенный древнимъ валомъ пустырь, о кото-

ромъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, какъ часто ни проѣзжалъ Кіевъ; да и для его старожиловъ мѣсто сіе было совершенно terra incognita, потому что съ главной улицы заграждалъ его погостъ церковный, а отъ Андреевскаго спуска заслоняли безобразныя кузницы, хотя оно въ срединѣ города, не далеко отъ присутственныхъ мѣстъ, и господствуетъ надъ Подоломъ. Лучше нельзя было пріобрѣсти мѣста для городской усадьбы и вмѣстѣ для уединенной виллы, которая можетъ занять весь обширный холмъ Десятинный. Когда взошелъ я на древній валъ, меня поразила чудная картина, открывшаяся во всѣ стороны, и я подумалъ самъ въ себѣ: «здѣсь или нигдѣ».

«Мѣсто это васъ ожидало», сказалъ мнѣ священникъ, видя мое радостное изумленіе, и дѣйствительно это такъ было; оно какъ будто мнѣ предназначалось, потому что теперь только начали имъ любоваться, когда стало чрезъ меня извѣстно; а до меня никто не обращалъ вниманія на этотъ забытый, хотя и самый живописный участокъ Стараго Кіева, до такой степени, что когда, за два года предъ симъ, мѣсто продавалось съ аукціона, за 2600 руб., не явилось покупщиковъ. И какихъ трудовъ стоило мнѣ, въ продолженіи 9 мѣсяцевъ, пріобрѣсти его изъ рукъ владѣльца Анненкова, сына строителя Десятинной церкви, которому принадлежали всѣ лучшія мѣста Стараго Кіева; продавая ихъ постепенно, онъ упорно держался за этотъ послѣдній участокъ, и не легко было

освободить его отъ лежавшихъ на немъ запрещеній; да и самъ владѣлецъ не хотѣлъ продать его никому иному, какъ мнѣ.

Не странно ли и то, что, послѣ столькихъ ожиданій, я пріобрѣлъ окончательно желаемое мѣсто, въ день двенадесяти Апостолъ (30 іюня), какъ-бы въ утѣшительное свидѣтельство, что оба Апостола— и Андрей и Іаковъ, мнѣ присные, приняли меня подъ свое покровительство: (именемъ Первозваннаго запечатлѣнъ я во святомъ крещеніи, Іакову же празднуется въ день моего рожденія). Право, нельзя принимать сего за простой случай. Наканунѣ просилъ я совершить торжественную всенощную, а въ этотъ день была литургія, съ молебномъ двенадесяти Апостоламъ, въ церкви Первозваннаго, которая совершенно напротивъ обновляемаго мною дома. Въ нижнемъ ея ярусѣ устроена недавно теплая церковь праведныхъ Захаріи и Елисаветы, что будетъ большимъ удобствомъ для зимы. Десятинную же церковь, стоящую на пріобрѣтенномъ мною холмѣ, предположено было обратить въ теплый соборъ, для служенія Митрополита, пока не будетъ сооружена великолѣпная церковь Равноапостольнаго на новыхъ мѣстахъ, близъ университета. Десятинная празднуетъ Рождеству Богородицы, какъ и св. Софія Кіевская, и въ ней есть два придѣла: Равноапостольнаго Князя, гдѣ его гробница, и Святителя Николая, коего священную базилику стараюсь я теперь возстановить изъ развалинъ

въ Мурахъ Ликійскихъ, бывшей его каѳедрѣ. И вотъ онъ также принимаетъ меня подъ свою сѣнь и поможетъ мнѣ основаться здѣсь на Старомъ городѣ, гдѣ съ такою любовію призывается его имя.

Въ то самое время, какъ совершалась купчая въ гражданской палатѣ, посѣтили меня два Архіерея: Викарій Кіевскій Антоній и Болгарскій Стефанъ, по титлу Лаодикійскій, который пріѣзжалъ со мною прощаться, возвращаясь на свою родину въ Сербію. Преосвященный Антоній предложилъ мнѣ ѣхать взглянуть на пріобрѣтенное мною мѣсто, которое ему никогда не случалось видѣть; того же пожелалъ и Стефанъ, чтобы, какъ онъ говорилъ, проститься со мною на моей собственной землѣ. Я привелъ ихъ на то мѣсто, гдѣ будетъ у меня усадьба, и просилъ благословить; оба Епископа молитвенно осѣнили мѣсто. Не замѣчательно ли такое благословеніе въ самую минуту пріобрѣтенія, и часто ли повторяется такой случай? Когда я возвелъ ихъ на древній валъ временъ Владиміровыхъ, обновленный Минихомъ, объемлющій всю вершину горы и который будетъ теперь служить виноградникомъ,—оба остановились отъ изумленія, при видѣ чудной панорамы, внезапно имъ открывшейся.—Дѣйствительно, было чѣмъ полюбоваться, въ какую сторону ни обращали свои взоры, и все это обнесено святынею храмовъ и запечатлѣно именами историческими:—весь Старый Кіевъ съ одной стороны и весь Подолъ съ другой, простертый у ногъ Ан-

дреевской горы, и широкая Днѣпровская долина. Ближе всего, предъ самыми глазами, храмъ Первозваннаго—это чудное произведеніе зодчества Растрелли,—на своемъ отдѣльномъ утесѣ, какъ-бы на пьедесталѣ, на который восходятъ пятьюдесятью ступенями, подобно какъ на Капитолій Римскій; онъ господствуетъ надъ всею окрестностію и, можно сказать, надъ всею Русью, ибо здѣсь былъ водруженъ первый ея крестъ. Не напрасно священное преданіе предполагаетъ здѣсь мѣсто стоянія Апостольскаго; каждый Кіевлянинъ укажетъ вамъ на эту горную каѳедру, отколѣ истекла первая проповѣдь Христіанства на родную землю. Нельзя было изобрѣсти для завѣтнаго утеса, ничего свойственнѣе той легкой архитектуры, которая вознесла на немъ изящный храмъ сей:—онъ какъ-бы паритъ къ небу, стрѣльчатыми своими башнями, и едва касается земли.

Если принять храмъ сей за основную точку для обозрѣнія панорамы Кіевской, и постепенно обращаться отъ него къ полудню: то, въ тѣсномъ промежуткѣ церквей Первозваннаго и Десятинной (которая стоитъ также на первомъ планѣ картины), откроется нѣсколько въ отдаленіи церковь Трехъ Святительская, старшая изъ Кіевскихъ, основанная первоначально Равноапостольнымъ Княземъ въ честь своего Ангела Василія Великаго, на холмѣ низверженнаго Перуна. Рядомъ съ нею златоверхая масса Михайловской обители сіяетъ множествомъ своихъ куполовъ; крестовый ея храмъ Святителя Николая, отдѣльно стоитъ отъ соборнаго,

во имя Архистратига, и опять отдѣльно величавая колокольня. Въ право отъ Десятинной проглядываетъ, сквозь зелень садовъ, зданіе присутственныхъ мѣстъ, которое служитъ украшеніемъ Старому Кіеву, съ высокою сторожевою башнею, и тутъ же видна убогая деревянная церковь Златоуста, предназначенная на новыя мѣста расширяющагося города. Далѣе, во всей своей красотѣ, подымается священная Митрополія св. Софіи, матерь церквей всея Руси, златоглавая, широко обнесенная бѣлою оградою и зеленью своихъ садовъ. Величественный столпъ ея колокольни, какъ бы царственный скипетръ, господствуетъ надъ древнимъ городомъ, соперничая съ Лаврскою. Шестнадцать златыхъ куполовъ сіяютъ своими вѣнцами вокругъ высокой соборной главы, какъ-бы сонмъ митроносныхъ священнослужителей, благоговѣйно обступившихъ старѣйшаго Святителя предъ Божіимъ престоломъ, въ часъ приношенія безкровной жертвы.

Правѣе отъ св. Софіи къ западу начинаются сельскіе уже виды. Предмѣстье Кіевское тянется по горѣ, отъ бывшей Львовской заставы къ старой Житомирской дорогѣ, усаженной липами, и дальше за нимъ разстилаются поля и лѣса. Еще двѣ церкви видны въ нагорномъ предмѣстіи: Срѣтенская, или всѣхъ Скорбящихъ, вновь сооружаемая изъ камня, и Вознесенская надъ ущеліемъ Кожемякъ. Тутъ оканчиваются горные виды югозападной стороны, и вы обращаетесь отъ Стараго Кіева къ его подножію на сѣверъ. Нельзя

вообразить себѣ ничего живописнѣе тѣхъ ущелій и долинъ, которыя открываются вашему взору. Пять обителей и болѣе двадцати церквей предъ вами, запечатлѣнныя лѣтописными воспоминаніями, какъ и на Старомъ Кіевѣ. Зеленое ущеліе Кожемякъ и такъ называемой Глубочицы, достойной своего названія, внизъ по теченію ручья, глубоко врѣзалось въ сердце Кіевскихъ горъ, все усѣянное садами и бѣлыми хижинами. Въ одномъ углу ущелія выглядываетъ изъза горы новая колокольня Воздвиженской церкви. Надъ живописнымъ удольемъ красуется, на одномъ изъ отроговъ Андреевской горы, златоглавая церковь Св. Троицы, обнесенная внизъ по кручѣ оградою. Это недавній отпрыскъ дѣвичьей обители Флоровской, которая смиренно приникла къ самому подножію горы, какъ стая робкихъ голубицъ подъ сѣнь утеса. Рядомъ съ горнею церковію высится въ глазахъ вашихъ еще одна, всѣхъ-Святыхъ, на другой горѣ, отдѣленной глубокимъ оврагомъ; два сіи гребня, увѣнчанные храмами, раздѣляютъ на двое ту глубокую долину, которая разстилается предъ вами. Кладбище на темени горы, подъ сѣнію всѣхъ-Святыхъ, запечатлѣно именемъ Щекавицы, въ память одного изъ трехъ братьевъ, баснословныхъ основателей Кіева: Кія, Щека и Хорива. Вдали, по направленію Щекавицы, на лѣсистыхъ высотахъ, объемлющихъ Днѣпровскую долину, виднѣются главы древней обители Кирилловской, нынѣ обращенной въ богадѣльню; тамъ нѣкогда игумен-

ствовалъ св. Димитрій Ростовскій и погребены его родители; у ската отдаленныхъ высотъ еще двѣ церкви крайнихъ предмѣстій Кіевскихъ—Пріорки и Куреневки и отрадная Кинь-грусть, любимое мѣсто прогулокъ для Кіевлянъ, а за нею дремучій боръ, который тянется до Вышгорода.

Если, оставивъ на время отдаленные виды, опустите взоры на Подолъ, лежащій у подножія той горы, на которой стоите, вы подивитесь множеству и благолѣпію храмовъ и обителей, собранныхъ на одномъ тѣсномъ пространствѣ нижняго города; это свидѣтельствуетъ о благочестіи его жителей, которые не хотѣли уступить въ ономъ Старому городу. Ближе всѣхъ дѣвичья Флоровская обитель, со многими ея церквами, а рядомъ съ нею Петропавловская, бывшая прежде Доминиканскимъ клаcторомъ, гдѣ нынѣ семинарія, величавая по своему храму. Около нихъ группа каменныхъ церквей, достойныхъ столицы, коихъ имена утомительно было бы исчислять. Между ними есть двѣ: Святителя Николая-Добраго и Притиски, такъ названной отъ того, что обрушившимися камнями притиснутъ былъ хищникъ, который покусился взлѣзть въ ея окно. Имя Святителя особенно чествуется въ Кіевѣ, и есть еще третій храмъ его—Набережный, на Подолѣ. Въ центрѣ его, посреди обширной площади, величественно поднимается златоглавая Братская обитель, съ колокольнею и благолѣпными зданіями своей Академіи, освѣжаемая

древними липами, которыя разрослись въ ея завѣтной оградѣ и призывали подъ сѣнь свою, въ теченіи многихъ лѣтъ, все что только было славнаго и мудраго въ духовномъ мірѣ южной Руси. Братская обитель господствуетъ здѣсь надо всѣмъ, и видно, что къ ней, какъ жизненной сердцевинѣ, обращены всѣ пути города: ибо она послужила ему и всей Руси твердою оградою Православія противъ лести Уніатской и сохранила единство его съ Востокомъ; какъбы во свидѣтельство сего единства, подъ сѣнью Братской обители смиренно приникло Синайское подворье св. Екатерины. Около Братскаго монастыря сосредоточились и всѣ лучшія зданія Подола, его биржа и зала собраній. Далѣе опять раскинулись церкви по направленію набережной, которая украшается новыми зданіями и обставлена судами и пароходами, ибо тутъ вся торговая жизнь Кіева.

Теперь, отъ всего шума и суеты житейской, которая кипитъ у вашихъ ногъ, дайте опять отдохнуть вашему взору на отрадномъ привольѣ Днѣпровской долины, на зеленыхъ лугахъ, которые такъ роскошно разстилаются къ Вышгороду, въ объемѣ лѣсистыхъ горъ. Еще струится по симъ лугамъ лѣтописная Почайна, кое-гдѣ образуя малыя заводья; сюда и доселѣ приходятъ купаться жители города, для коихъ нѣкогда послужила она спасительною купелью. Что ни шагъ, то воспоминаніе! и вотъ, на самомъ краю заповѣдныхъ луговъ и дальняго небо-

склона—Вышгородъ, село Ольги, на одинокой горѣ своей, древній оплотъ великокняжескій, увѣнчанный церковію нынѣ весьма убогою, но гдѣ нѣкогда стояла богатая обитель св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба и почивали ихъ нетлѣнныя тѣлеса, утаенныя опять въ нѣдра земныя, когда возшумѣла надъ Русью буря Монгольская.

Но лучшее украшеніе для этой чудной картины—самый Днѣпръ, величаво стремящійся, со всѣми своими протоками, по необъятной равнинѣ Черниговской, гдѣ только что поглотилъ онъ широкую Десну въ свою бурную пучину. Это непрестанное движеніе водъ, сверкающихъ лучами солнца по всему простору привольныхъ луговъ, придаетъ необычайную жизнь всей картинѣ, которую одушевляетъ собою могучій странникъ, старецъ Днѣпръ, одинъ лишь идущій синими своими валами, когда все вокругъ него неподвижно. Съ той выспренней точки, на которой вы стоите, взоръ вашъ забѣгаетъ далеко, далеко, какъ-бы за синеву моря, къ самой окраинѣ небосклона, окаймленнаго темною полосою лѣсовъ, и вы будто парите, полетомъ орлинымъ, въ этомъ воздушномъ пространствѣ, гдѣ рѣютъ однѣ лишь быстрыя птицы; а между тѣмъ вы у себя, только за шагъ отъ своего жилища, не гдѣ либо въ отдаленной пустынѣ или на высяхъ горныхъ. Взирая на сію очаровательную панораму, дѣлается понятнымъ, почему собственно это мѣсто избрали древніе Князья наши для Акрополиса или

Дѣтинца, и тутъ поставили свои терема и первоначальные храмы.

Не подумайте, чтобы я увлекался пристрастіемъ собственности. Когда пригласилъ я Митрополита Исидора посѣтить мою будущую усадьбу, и взошелъ онъ на древній валъ, гдѣ нѣкогда стояла угольная башня,— точно также поразила взоръ его необычайная красота мѣстности. Живописное ущеліе Глубочицы, съ отрогами выдающихся вершинъ, и Днѣпровская долина напомнила ему виды Кахетіи и горный Сигнахъ, ея столицу, надъ лѣсистыми ущеліями Алазанской долины.—Сигнахъ, гдѣ покоится, въ древней своей церкви, просвѣтительница Грузіи св. Нина. И здѣсь, за нѣсколько шаговъ отъ стараго вала, почіютъ въ Десятинной церкви равноапостольные просвѣтители наши Владиміръ и Ольга.

Вы скажете, быть можетъ, что слишкомъ дорого было заплатить семь тысячъ за одну пустую землю, съ полуразвалившимся домомъ, гдѣ еще много надобно тратить на постройку. Но есть ли цѣна Римскому Форуму, или нашему родному Кремлю, если бы кто хотѣлъ пріобрѣсти себѣ его участокъ?—А эта вершина горы Андреевской для меня священнѣе Форума, хотя, въ нынѣшнемъ ея положеніи, приличествуетъ ей новѣйшее Итальянское названіе древняго Римскаго торжища: *Campo Vaccino* (поле коровье); теперь это любимое пастбище для сосѣдняго стада и, во всякое время дня, вы увидите на вершинѣ стараго вала,

пасущихся лошадей или коровъ. Онѣ доселѣ были единственными посѣтителями пустыннаго мѣста, гдѣ предполагаю теперь посадить виноградъ и оплотомъ оградить его, по слову евангельской притчи, хотя и не смѣю назвать себя человѣкомъ домовитымъ. Повѣрьте, что я бы не рѣшился взять себѣ подъ усадьбу никакого инаго мѣста во всемъ Кіевѣ, гдѣ ихъ раздаютъ даромъ, лишь бы строились.

Можетъ ли быть что либо утѣшительнѣе той мысли, что на этомъ холмѣ стоялъ домъ первыхъ двухъ мучениковъ Варяжскихъ: Ѳеодора и Іоанна, гдѣ теперь Десятинная церковь; что сюда же перенесена была съ Оскольдовой могилы и святая Ольга, и безъ сомнѣнія доселѣ покоится въ древнихъ основаніяхъ храма, и что тутъ же въ святилищѣ гробъ Равноапостольнаго Князя? Хотя и взята была честная его глава въ Лавру Кіевскую, но сохранилась подъ спудомъ часть его мощей. Тутъ же погребены были и Греческая Царевна Анна, и внукъ его первый Изяславъ и правнукъ Ростиславъ. Мѣсто, мнѣ принадлежащее, вѣроятно было занимаемо, до сооруженія митрополіи Софійской, усадьбами клириковъ Десятинной церкви и самыхъ Святителей, такъ какъ это былъ соборный храмъ, при началѣ нашего просвѣщенія, близъ Княжескихъ теремовъ. Тутъ надобно искать и остатки монастыря Отча, откуда извлекла разъяренная чернь страстотерпца Князя Игоря. И такъ это мѣсто ознаменовано было мученичествомъ не только

первыхъ Варяговъ, но и схимника Князя. Сколько разъ молились тутъ и два страстотерпца—Князья Борисъ и Глѣбъ! Все это совершилось на Десятинномъ холмѣ, коего большую часть я имѣлъ особенное счастіе пріобрѣсти. Вся сія священная мѣстность усѣяна костьми и облита драгоцѣнною кровію, ибо тутъ кипѣлъ самый жестокій бой во время страшной осады Монгольской; самыя врата, которыми здѣсь ворвались варвары, прослыли Батыевыми.

Въ Десятинной церкви заперлись послѣдніе, отчаянные защитники древняго Кіева, оставленнаго своими Князьями, и тутъ пали тысячами, задыхаясь отъ дыма подъ мечами одолѣвающей Орды. Дѣтинецъ еще держался, какъ послѣдній оплотъ съ своимъ соборомъ, когда уже св. Софія была въ рукахъ варваровъ; потому и обрушилось все ихъ неистовство на Десятинную, и она разрушена была до основанія, между тѣмъ какъ св. Софія уцѣлѣла по куполы. Можно ли, какими либо деньгами, заплатить за всѣ сіи воспоминанія, за этотъ лѣтописный участокъ *града гробовъ нашихъ отцевъ*, по трогательному выраженію Нееміи, когда, въ часъ веселаго пиршества, плакалъ онъ, подавая чашу Царю Ассирійскому, и просилъ отпустить его въ Іерусалимъ! Нѣтъ я не могу довольно возблагодарить Бога за то, что сподобилъ меня пріобрѣсти такой священный участокъ родной земли, посреди матери нашихъ градовъ, чтобы мнѣ тутъ успокоиться на преклонные годы и даже обрѣсти себѣ

послѣднее пристанище въ ея нѣдрахъ, быть можетъ въ оградѣ Десятинной церкви.

Но и самый этотъ участокъ, хотя и пріобрѣтенный мною чрезъ куплю, не могу однако я иначе почитать, какъ за Высочайше пожалованную мнѣ землю, и тѣмъ она мнѣ драгоцѣннѣе, какъ Царскій даръ. Государю благоугодно было пожаловать мнѣ 5000 руб. на покупку избраннаго мною мѣста; остальную же сумму, какъ Вамъ извѣстно, дополнилъ добрый старецъ, недавно усопшій, который унесъ съ собою въ могилу при незабвенной памяти его благодѣяній, усвоенное ему издавна имя: *послѣдняго боярина Русскаго.* Съ какою отеческою любовію принялъ онъ участіе въ моемъ дѣлѣ, за мѣсяцъ до своей кончины, и уже почти на одрѣ смертномъ трогательно писалъ ко мнѣ, прося какъ-бы себѣ въ одолженіе: «въ знакъ давнишней нашей дружбы, не отказать принять отъ него недостающія деньги для осуществленія моего предположенія, ибо, въ его болѣзненномъ положеніи, для него будетъ сердечнымъ утѣшеніемъ знать, что еще, при жизни своей, онъ могъ содѣйствовать къ успокоенію моей будущности». И хотя смиренный старецъ убѣдительно просилъ, чтобы это обстоятельство совершенно осталось между нами, но чувство благодарности заставляетъ меня на сей разъ ослушаться его скромности; ибо часто подобные завѣты, внушаемые крайнимъ смиреніемъ благочестивыхъ людей, не были исполняемы послѣ ихъ кончины. Слава

Богу, что я еще успѣлъ пріѣхать въ Москву съ нимъ проститься и принять отъ него послѣднее благословеніе,—родительскія складни, съ иконою Утоленія печали и, что весьма замѣчательно,—въ самый день празднованія сей Богородичной иконѣ. Здѣсь, въ пустынной церкви Межигорской, я совершилъ по немъ память, въ день его любимаго праздника Влахернской Божіей Матери, который я всегда имѣлъ обычай встрѣчать у него въ Подмосковной. И такъ Вы изволите видѣть, что первоначальное основаніе моему водворенію въ Кіевѣ положено не мною самимъ, а есть даръ свыше, и только теперь собственно начнутся мои расходы, на устроеніе моего жительства и для разведенія сада, по мѣрѣ силъ; отрадно и то, что здѣсь будетъ у меня не столько городская усадьба, сколько вилла посреди города.

Вотъ еще замѣчательный для меня случай, оправдывающій Русскую пословицу: «кинь хлѣбъ-соль назадъ, будетъ впереди». Знаете ли кто мнѣ здѣсь помощникомъ?—Діаконъ Андреевской церкви, котораго я призрѣлъ въ Петербургѣ на Вашемъ подворьѣ, я выхлопоталъ ему дозволеніе, отъ Митрополита Григорія и отъ Васъ, сбирать въ обѣихъ столицахъ на церковь Первозваннаго, величественную по зодчеству, но весьма убогую по средствамъ, хотя съ нею связано столь высокое воспоминаніе. По счастію этотъ діаконъ весьма опытенъ въ постройкахъ и печется о моей усадьбѣ, какъ-бы о собственной, да и весь

клиръ Андреевскій желаетъ скорѣйшаго обновленія развалинъ предъ ихъ храмомъ. Видите ли, какъ мнѣ все здѣсь благопріятствуетъ, и не указываетъ ли это на особенный промыслъ Божій, для моего водворенія въ Кіевѣ? Нельзя же не имѣть себѣ подъ старость хотя малаго уголка, гдѣ бы можно было успокоиться, безъ опасенія быть изгоняемымъ, какъ изъ наемныхъ домовъ. Вы знаете, что я провелъ четыре лѣта въ Останкинѣ и надѣялся всегда находить себѣ лѣтній пріютъ въ этой прелестной Подмосковной, на пути въ Лавру; но и съ сею мечтою пришлось разстаться.

Слыхалъ я также мнѣніе многихъ изъ моихъ присныхъ: можно ли, не на половинѣ жизненной дороги, какъ начинаетъ Дантъ свою великолѣпную поэму,

Nel mezzo del cammin di nostra vita,

а уже на скатѣ горы, рѣшаться оставить всѣ свои связи и, бросивъ тотъ кругъ, въ которомъ всегда обращался, переселиться какъ-бы на чужбину, въ далекій край, полурусскій по обществу, гдѣ невольно почувствуешь свое одиночество?—Это отчасти справедливо, но я переселяюсь въ Кіевъ изъ шумной столицы, не для общества, хотя и здѣсь можно найти его, разумѣется гораздо въ меньшихъ размѣрахъ, между свѣтскими и духовными. Меня привлекаютъ сюда святыня, воспоминанія старины, красота природы и климатъ; прибавьте къ этому и пріятное чувство собственности: каждое дерево, мною посажен-

ное, у себя въ саду, будетъ уже для меня дорого. Но прочны ли и тѣ связи, которыя начинаются съ юношескихъ лѣтъ и старѣются вмѣстѣ съ нами? Не сохраняются ли онѣ болѣе въ одномъ воспоминаніи, когда буря житейская разсѣетъ давнихъ друзей по дальнимъ краямъ безпредѣльной Россіи, а обстоятельства служебныя и узы семейныя, по неволѣ, разрознятъ самыхъ короткихъ пріятелей? Къ тому же я не все вдругъ брошу, ибо меня никто не гонитъ, но постепенно буду водворяться въ Кіевѣ, по мѣрѣ устройства своей усадьбы: только надобно это сдѣлать во время, еще при силахъ.

Никогда не забуду замѣчательныхъ словъ почтеннаго старца, канцлера Князя Александра Николаевича Голицына, въ минуту нашего прощанья, когда онъ, уже въ глубокой старости, переселялся въ Крымъ: «Если вы когда либо вздумаете также разстаться съ столицею, чтобы гдѣ либо успокоиться, сдѣлайте это пораньше, пока вы еще въ силахъ, и не слѣдуйте моему примѣру. Подумайте, каково для меня прощаться заживо съ каждымъ, уже на вѣки, ибо всѣ подходятъ ко мнѣ, какъ-бы къ лежащему на столѣ покойнику, зная, что никогда болѣе со мною не увидятся; подумайте, каково такое чувство для меня!» Дѣйствительно прощанье сіе разстроило Князя до такой степени, что зрѣніе его совершенно ослабѣло. Памятуя сіи слова, и я начинаю заблаговременно устроять себѣ тихое пристанище въ Кіевѣ, гдѣ на-

дѣюсь, что не разстроитъ его какая либо житейская буря; дѣйствую постепенно, чтобы не вдругъ разстаться со всѣмъ тѣмъ, что было близкимъ моему сердцу въ обѣихъ столицахъ. Вотъ, преосвященнѣйшій Владыко, мое оправданіе предъ Вами. Политическаго поприща, какъ Вамъ извѣстно, я никогда не искалъ, а духовно-литературное могу продолжать и здѣсь, если Богъ поможетъ, и когда совсѣмъ устроюсь, быть можетъ, предприму исторію Патріарха Никона, для которой давно собираю матеріалы. И такъ прошу святыхъ молитвъ Вашихъ и благословенія на созидаемое мною жилище въ Кіевѣ, подъ сѣнію Ангела моего Первозваннаго и Равноапостольнаго Князя Владиміра и преподобныхъ Печерскихъ, чтобы и сюда распространилось на меня, изъ великой Вашей Лавры, благословеніе преподобнаго Сергія и Святителей Московскихъ, бывшихъ вмѣстѣ и Кіевскими.

Такъ пространно письмо мое, что, начавъ писать его въ день Вашего лаврскаго праздника, оканчиваю послѣ дня памяти Равноапостольнаго Князя. Въ теченіи сего времени, здѣшняя Лавра торжествовала память своего первоначальника Антонія, и я имѣлъ утѣшеніе молиться въ его пещерѣ, во время всенощной и литургіи. Умилительно было каждое слово церковныхъ пѣсней о жительствѣ его въ пещерѣ; слова сіи отражались въ своды той подземной келліи, гдѣ онъ обиталъ, и въ сердцѣ молящагося внутри пещеры. За праздникомъ преподобнаго Печерскаго послѣдо-

вали въ Десятинной церкви три, уже присныхъ мнѣ по близости моего жилища: св. Ольги, мучениковъ Варяжскихъ на другой день, и Равноапостольнаго Владиміра. Свѣтло праздновали Ольгу и Владиміра въ храмѣ, гдѣ они почиваютъ, хотя и подъ спудомъ, на высотѣ матери градовъ богоспасаемаго Кіева, и я пожелалъ, въ день святаго Владиміра, положить основаніе моему скромному дому, у подножія его храма. Случилось вовсе для меня неожиданно, что на молебнѣ, для освященія мѣста и дома, участвовали приглашенные на праздникъ представители древнѣйшей святыни Кіевской, съ мѣстнымъ іереемъ Десятинной: намѣстникъ Михайловской обители, протоіерей отъ Трехъ-Святителей, самой первой церкви, сооруженной на Перуновомъ требищѣ, и благочинный отъ Андрея Первозваннаго. Послѣ ранней обѣдни въ придѣлѣ св. Владиміра, отъ самаго его гроба, мы пошли крестнымъ ходомъ, черезъ мою землю, во всю ея длину, на это мѣсто, гдѣ обновляется для меня домъ въ удоліи между двухъ церквей: Первозваннаго и Десятинной, и тутъ совершились водосвятіе и закладка. Священнослужители были во Владимірскихъ ризахъ, съ орденскими на нихъ крестами, что было весьма благолѣпно; мы несли три иконы трехъ-придѣльнаго Десятиннаго храма, и такимъ образомъ Святитель Муръ-Ликійскій присутствовалъ при благословеніи моего новаго жительства, древнимъ своимъ ликомъ. Я молился ему, чтобы устроилъ оное здѣсь,

какъ я стараюсь возстановить созданную имъ митрополію Сіонъ, въ бывшей его каѳедрѣ. Не слишкомъ ли дерзновенна такая молитва?—Мнѣ кажется однако, что если молишься съ теплою вѣрою, въ простотѣ сердца, обращаясь къ человѣку Божію, какъ-бы къ присному намъ по вѣрѣ и любви, то и такая молитва доступна, хотя и отъ недостойныхъ устъ.

Межигорье.
въ Іюль 1859 года.

II.

СИМВОЛИКА СОФІЙСКАГО СОБОРА.

Вамъ угодно было поручить мнѣ, при моемъ отъѣздѣ въ Кіевъ, составить для В. С. объясненіе символики Софійскаго собора, разумѣя только мозаику и древнія фрески временъ Ярославовыхъ, ибо новѣйшія не заключаютъ въ себѣ особаго символическаго смысла. Хотя довольно трудно, послѣ обновленія собора, отличить старое отъ новаго, и много древнихъ фрескъ перемѣшано съ новѣйшими, чрезъ произвольное наименованіе неизвѣстныхъ ликовъ: однако я постараюсь, сколько могу, изложить предъ Вами мои мысли по сему предмету, которыя не смѣю выдавать за что либо положительное. Скажу вообще, какое впечатлѣніе производитъ на сердце мое древній, чудный соборъ сей, по сравненію съ Цареградскимъ, который также я имѣлъ случай видѣть.

Отрадно молиться въ родномъ святилищѣ Кіева; утѣшительно думать, что оно есть единственное на Руси, въ которомъ, отъ самаго начала нашего Христіанства, молилось все, что только было святаго и великаго въ отечествѣ нашемъ, начиная отъ Святителей и Князей. Чудотворцы Московскіе: Петръ,

Алексій, Іона, Ѳеогностъ, Кипріанъ и Фотій, совершали священнодѣйствіе въ Софійскомъ соборѣ Кіевскомъ, коего стѣны уцѣлѣли и послѣ запустѣнія Татарскаго, тогда какъ Успенскій соборъ первопрестольной столицы, куда перенесена была первосвятительская каѳедра и гдѣ донынѣ почіютъ нетлѣнно мощи Святителей, сооруженъ былъ вновь, уже послѣ ихъ блаженнаго преставленія. Если только вспомнить, что подъ сими священными сводами, устоявшими противъ бури временъ, почіютъ великій основатель собора, Ярославъ, и величайшій изъ его преемниковъ Мономахъ, и что несокрушимый храмъ сей былъ свидѣтелемъ славнѣйшихъ событій земли Русской до Монгольской эпохи: то невольный восторгъ овладѣваетъ сердцемъ, при первомъ шагѣ внутрь завѣтнаго святилища, которое напоминаетъ намъ начало нашего просвѣщенія въ Царѣградѣ.

Если, однако, говорить безпристрастно, то кромѣ имени и значенія первенствующей каѳедры, нѣтъ никакого сходства между Кіевскою и Цареградскою Софіею: до такой степени онѣ разнствуютъ по внутреннему расположенію и по самому зодчеству; стоитъ только взглянуть на ихъ размѣры, чтобы убѣдиться въ этой истинѣ. — Наша Митрополія слишкомъ мала въ сравненіи съ Византійскою Патріархіею и такъ мало носитъ на себѣ ея отпечатокъ, что нельзя даже уподоблять одну другой. Но, не смотря на такое несходство, онѣ невольно

роднятся въ нашемъ воображеніи, ибо св. Софія стояла у насъ во главѣ Церкви всея Руси, какъ и Софія Царяграда во главѣ вселенской, и намъ утѣшительно думать, что Церковь Восточная отразилась, какъ-бы въ чистомъ зерцалѣ, въ матери Церквей нашихъ. Вотъ почему такъ близко нашему сердцу имя св. Софіи, которое встрѣчаемъ въ древнѣйшихъ городахъ Русскихъ; мы привыкли съ дѣтства, при этомъ родственномъ названіи соборныхъ храмовъ нашихъ, искать въ нихъ и самый образъ того первобытнаго святилища, изъ коего пролилась, благодатнымъ потокомъ, на всю Россію вѣра Христова. Св. Софія имѣетъ для насъ тоже значеніе, какое имѣетъ для Грузіи св. Сіонъ, ибо тамъ Сіонами преимущественно назывались соборные храмы, по воспоминанію матери всѣхъ Церквей Сіона, какъ писано въ псалмахъ: «мати Сіонъ, глаголетъ человѣкъ».

Такъ какъ архитектура церковная значительно измѣнилась на Востокѣ, въ теченіи пяти вѣковъ, отъ основанія Цареградской Софіи въ VI столѣтіи, до построенія Кіевской въ XI: то должно предполагать, что образцемъ для нея послужила еще какая либо изъ позднѣйшихъ церквей Греческой столицы, менѣе огромная по своимъ размѣрамъ, хотя и усвоилось ей имя древней Патріархіи. Чрезвычайную между ними разность составляетъ уже самый куполъ, который, какъ обширный щитъ, осѣняетъ всю средину квадратнаго зданія Софіи Цареградской, тогда какъ въ

Кіевской главный куполъ тѣсенъ и возвышенъ, а четыре малыхъ, по сторонамъ его, даютъ новому храму позднѣйшій видъ Византійскихъ пятиглавыхъ соборовъ. Устройство верхнихъ галлерей, необходимыхъ въ древности для помѣщенія женщинъ, имѣло бы довольно сходства съ образцемъ; но въ Кіевѣ хоры сіи выступаютъ крестообразно внутрь храма, тогда какъ въ Царѣградѣ онѣ образуютъ правильный четыреугольникъ. Одно только углубленіе горняго мѣста совершенно сходно въ обоихъ храмахъ; но весь алтарь Кіевскій стѣсненъ между двумя первыми столбами, поддерживающими куполъ, тогда какъ въ Византійской Софіи, алтарь широко выдавался впередъ, ибо тамъ четыре основныхъ столба, осѣняемыхъ куполомъ, стоятъ посреди храма.

Иконостасъ въ Цареградскомъ соборѣ состоялъ изъ двѣнадцати серебряныхъ столбовъ, съ богатыми завѣсами, которыя закрывали святилище отъ взора мірянъ. Въ Кіевскомъ соборѣ едвали можно предполагать подобное устройство иконостаса, ибо, въ IX вѣкѣ, ихъ стали значительно возвышать, вслѣдствіе гоненій иконоборства: сперва иконоборцы начали приподымать иконы, для недопущенія къ нимъ людей благоговѣйныхъ, а потомъ и сами православные, возстановивъ первый рядъ мѣстныхъ, чествуемыхъ ими иконъ, пожелали сохранить и верхніе ярусы, къ которымъ уже привыкли взоры. Со временемъ имъ усвоилось символическое значеніе трехъ различныхъ періо-

довъ Церкви: патріархальной до закона, ветхозавѣтной и благодатной новаго Завѣта. Но во всякомъ случаѣ, если иконостасъ Кіевской Софіи и не состоялъ первоначально изъ однѣхъ колоннъ и завѣсъ, по образцу Византійскому, съ разставленными по столбамъ иконами: то безъ сомнѣнія былъ гораздо ниже, для того чтобы не закрывать великолѣпныхъ мозаикъ надъ горнимъ мѣстомъ и на боковыхъ аркахъ, такъ какъ изображенія сіи замѣняли нынѣшніе образа иконостаса.

Есть еще одна особенность св. Софіи Византійской, въ сравненіи съ Кіевскою: въ Византійской былъ одинъ престолъ для цѣлаго собора, вѣроятно по строгой мысли о единствѣ и неповторяемости литургіи въ одномъ и томъ же храмѣ, какъ и доселѣ она не повторяется на одномъ престолѣ во всей Восточной Церкви, тогда какъ это единство божественной службы утрачено на Западѣ. Только на хорахъ, въ самой ихъ оконечности, какъ-бы внѣ собора, въ югозападномъ его углу, отдѣленномъ стѣною отъ верхней галлереи, существовалъ малый придѣлъ для пріобщенія женщинъ, не имѣвшихъ обычая входить въ самый храмъ, и безъ сомнѣнія придѣлъ этотъ былъ устроенъ уже въ позднѣйшія времена, для царственныхъ особъ. Напротивъ того въ Кіевѣ, кромѣ главнаго престола, существовали еще, со времени основанія храма, два придѣла, на ряду съ соборнымъ алтаремъ, отъ котораго отдѣлялись они жертвенни-

комъ и діаконикомъ. Одинъ изъ нихъ былъ посвященъ великомученику Георгію, Ангелу великаго Князя, ктитора Софійскаго, а другой Архистратигу Михаилу, какъ начальнику небесныхъ Силъ и особенному покровителю Кіева, въ ознаменованіе чего изображеніе его находится и въ гербѣ города. Были, вѣроятно, и другіе придѣлы на сѣняхъ, (во имя Первозваннаго Апостола и Святителя Николая), хотя и не въ такомъ множествѣ, какъ нынѣ, ибо ихъ считаютъ до семнадцати. Въ Цареградской Софіи устроены были, съ западной стороны, два притвора для оглашенныхъ и кающихся; въ Кіевской же, отъ самаго начала, не существовало сихъ притворовъ; потому, быть можетъ, что уже не столь строго выполнялись каноническія правила относительно кающихся и менѣе было оглашаемыхъ. Но кругомъ всего собора, съ трехъ сторонъ, кромѣ алтарной, доселѣ сохранились крытыя галлереи между столбовъ, гдѣ вѣроятно совершались крестные ходы, какъ это и доселѣ постоянно бываетъ въ Іерусалимѣ. Въ позднѣйшее время надстроены Митрополитомъ Петромъ Могилою, обновителемъ храма Софійскаго, еще два притвора съ сѣверной и южной стороны, для прочности обветшавшихъ стѣнъ, и въ сихъ притворахъ, внизу и на верху, также престолы.

Если вамъ угодно обнять, однимъ взглядомъ, всю внутреннюю красоту родной нашей Софіи и разгадать всю ея символику, взойдите на западные хоры,

и оттуда погрузите взоръ вашъ во глубину храма, до самой окраины горняго мѣста:—тогда еще болѣе пожалѣете о высотѣ иконостаса, не соотвѣтствующей нынѣ первоначальному его устройству, хотя онъ и былъ пониженъ на одинъ ярусъ при обновленіи собора, но все еще закрываетъ отчасти мозаики. Полюбуйтесь оттуда крестообразною формою церкви, очертанною съ трехъ сторонъ, кромѣ алтарной, двойными и тройными арками въ два яруса, съ остатками мраморныхъ колоннъ. Углубите взоры и мысли внутрь святилища, горнее мѣсто котораго служитъ какъ-бы кормою церковнаго корабля сего, и вы будете поражены величіемъ восточной нерушимой его стѣны, еще украшенной древними мозаиками; вы подивитесь устройству тройныхъ арокъ, углубляющихся, одна за другою, надъ горнимъ мѣстомъ; онѣ образуютъ какъ-бы мозаическія рамы, которыя окаймляютъ колоссальную икону Матери Божіей, въ самомъ углубленіи алтарнаго полусвода. Все это въ высшей степени изящно и премудро расположено; поистинѣ здѣсь «Премудрость создала себѣ домъ», по выраженію книги Притчей. Теперь вникнемъ въ таинственный смыслъ самыхъ мозаиковъ и фресковъ, исполненныхъ глубокой символики, при всей строгости священныхъ преданій.

Что прежде всего представляется вашему взору, изъ-подъ вѣнца главнаго купола, наполненнаго Ангельскими ликами?—Это мозаическій образъ Господа Эммануила, въ самомъ ключѣ основной арки, надъ

иконостасомъ. Эммануилъ, т. е. *съ нами Богъ*, означаетъ снисхожденіе къ намъ Сына Божія въ образѣ сына человѣческаго. Въ обоихъ углахъ сей восточной арки, вы еще видите остатки мозаики, изображавшей двухъ Евангелистовъ: Іоанна и Матѳея, которые возвѣщаютъ, одинъ небесное, а другой земное происхожденіе Эммануила, и въ ихъ раскрытыхъ книгахъ начало ихъ благовѣстія. Одинъ пишетъ: «*Въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово. Сей бѣ искони къ Богу*»; а другой: «*Книга родства Іисуса Христа, сына Давидова, сына Авраамля*». На противоположной аркѣ два другихъ Евангелиста, изъ коихъ Маркъ совершенно сохранился мозаикой. Въ Цареградской Софіи шестокрылатые Серафимы замѣняютъ Евангелистовъ, но и это не безъ высокаго значенія: Пророкъ Іезекіиль созерцалъ, во дни плѣненія, таинственные образы животныхъ шестокрылатыхъ, многоочитыхъ, съ четырьмя лицами, орла, тельца, льва и человѣка, которые даны символами Евангелистамъ. Онъ видѣлъ ихъ на пламенныхъ колесахъ, возвышающихся отъ земли и идущихъ во всѣ страны, куда были обращены ихъ лики, что знаменовало вселенскую проповѣдь, и потому, быть можетъ, символическіе Серафимы замѣнили Евангелистовъ въ Цареградскомъ храмѣ Премудрости Божіей.

Далѣе внутрь алтаря, на второй аркѣ, образующей полусводъ горняго мѣста, подъ самымъ ликомъ Эммануила, вы видите другую икону мозаическую

Спасителя, называемую *Деисусъ*, съ двумя предстоящими: Богоматерью и Предтечею; всѣ три лика въ трехъ кругахъ. Это уже болѣе присное человѣчеству изображеніе Господа славы, не только какъ Эммануила, съ нами сущаго Бога, но и окруженнаго родственными ему ликами Божіей Матери и великаго Предтечи, въ наклонномъ предъ нимъ, молитвенномъ положеніи, что выражается самымъ названіемъ Деисуса отъ Греческаго слова δέησις молитва. Тутъ уже небесная слава Эммануила является болѣе доступною намъ, за коихъ пострадалъ онъ, во всемъ уподобившись братіи своей, по словамъ Апостола: *Самъ искушенъ бывъ, можетъ и искушаемымъ помощи* (Евр. 2, 17, 18). Подъ сею второю аркою, въ полусводѣ горняго мѣста, представляется взорамъ сама Предстательница рода христіанскаго. Она стоитъ на твердомъ камени заповѣдей Господнихъ, съ воздѣтыми къ Нему руками, осѣняя міръ своимъ покровомъ, на коемъ сіяютъ три звѣзды.

Почему же сей образъ Богоматери, отовсюду видимый, по самой своей колоссальности, господствуетъ надъ всѣми прочими, тогда какъ названіе св. Софіи относится не къ Матери Божіей, а къ самому Господу Іисусу, воплощенному Слову и Премудрости Божіей?—Потому что здѣсь хотѣли соорудить домъ Премудрости Божіей, а Матерь Божія послужила симъ домомъ, въ который вселилось Слово. Она была, по выраженію церковному, «освященнымъ храмомъ Бо-

жіимъ и селеніемъ Вышняго», и оттого къ ней относится здѣсь Греческая надпись вокругъ арки горняго мѣста: «Богъ посредѣ ея и не подвижится, поможетъ ей Богъ утро заутра» (Псаломъ 45). Въ Цареградскомъ храмѣ Матерь Божія представлена съ предвѣчнымъ Младенцемъ на лонѣ, и съ двумя Архангелами по сторонамъ, какъ Матерь воплотившагося Слова и Премудрости Божіей; здѣсь же держались одного лишь таинственнаго смысла *дома* Премудрости, выражаемаго чрезъ лице пресвятой Дѣвы, и храмовымъ праздникомъ служитъ рождество ея, т. е. самое созиданіе на землѣ дома Божія, тогда какъ въ Новгородской Софіи празднуется ея успеніе, т. е преложеніе земной сей храмины въ небесную. Вѣроятно такъ было и въ Царѣградѣ, если только не совершалась тамъ, по древнему обычаю, одна лишь память обновленія вмѣсто храмоваго праздника, какъ мы это видимъ въ Іерусалимѣ, въ храмѣ Воскресенія. Есть преданіе въ Кіевѣ, что и Десятинная церковь, нынѣ празднующая также Рождеству Богоматери, праздновала первоначально ея Собору, на другой день Рождества Христова, такъ какъ существуетъ обычай въ православной Церкви совершать, на другой день главнаго праздника, память виновника сего торжества: такъ на примѣръ Святому Духу собственно празднуется на другой день его сошествія на Апостоловъ въ Пятдесятницу, и Предтечи на другой день Богоявленія, и Архангелу послѣ Благовѣщенія.

Замѣчательны символическія изображенія иконы Премудрости въ Кіевѣ и Новгородѣ, но едва ли не древнѣе Новгородская; ибо тамъ никогда не прекращалось богослуженіе въ храмѣ, со времени его созданія, тогда какъ Кіевскій соборъ оставался многіе годы въ совершенномъ запустѣніи, и въ это время утрачена была древняя подлинная икона; она замѣнена новѣйшею, болѣе въ духѣ богословскомъ, нежели символическомъ. Матерь Божія, съ божественнымъ Младенцемъ на рукахъ, представлена въ храмѣ, на седьми ступеняхъ, изъ коихъ каждая выражаетъ какую либо богословскую добродѣтель: вѣру, надежду, любовь и проч.; она въ лучахъ солнца, и стоитъ на лунѣ. По сторонамъ ея, на ступеняхъ, стоятъ, съ правой стороны, четыре великихъ Пророка: Исаія, Іеремія, Іезекіиль, съ храмомъ въ рукахъ, и Даніилъ, а съ лѣвой: Моисей со скрижалями, Ааронъ съ жезломъ разцвѣтшимъ, и Давидъ Богоотецъ съ псалтирью; надъ семью столпами храма сіяетъ ликъ Господа Саваоѳа, съ семью Архангелами, и надпись Греческая: «*Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь*». И такъ здѣсь названіе св. Софіи относится какъ-бы прямо къ лицу Богоматери, хотя и есть знаменіе Божественнаго Младенца на лонѣ ея. Въ Новгородѣ, напротивъ, символика гораздо болѣе соотвѣтствуетъ Византійскому типу и самый смыслъ ея изобличаетъ подлинникъ. Самъ Господь, Слово и Премудрость Отчая, по слову Пророка Исаіи, пред-

ставленъ, въ образѣ *Ангела великаго совѣта*, возсѣдающимъ на престолѣ, который утвержденъ на семи столпахъ и на камнѣ; а для того, чтобы не усумнились, что это дѣйствительно самъ Господь Ангеловъ, а не Ангелъ, то надъ главою Сидящаго видѣнъ малый ликъ Эммануила, и еще выше Евангеліе, раскрытое на алтарѣ, какъ истое слово Божіе, предъ коимъ преклоняются Ангелы. У Исаіи сказано (гл. 9, 6); *Отроча родися намъ, Сынъ и дадеся намъ, и нарицается имя его: велика совѣта Ангелъ, Чуденъ, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Властелинъ, Князь мира, Отецъ будущаго вѣка.* Посему и олицетворена такимъ образомъ Премудрость, а по сторонамъ ея стоятъ послужившіе ей ближайшими на землѣ орудіями: Матерь Божія, съ знаменіемъ Предвѣчнаго младенца въ лонѣ своемъ, и Предтеча, стоявшій на грани обоихъ завѣтовъ.

Ниже мозаическаго изображенія Матери Божіей, также мозаикой, представляется, во всю широту горняго мѣста, символическое изображеніе совершенія божественной литургіи (а не икона Тайной вечери, какъ предполагаютъ нѣкоторые). По срединѣ стоитъ трапеза, украшенная богатымъ покровомъ, съ сѣнію на трехъ столбахъ; на трапезѣ четвероконечный крестъ (какое обличеніе для суемудрствующихъ!), дискосъ, звѣзда и копіе, т. е. всѣ принадлежности, необходимыя для совершенія литургіи. Съ обѣихъ сторонъ сѣни стоятъ два Ангела, въ бѣлыхъ хитонахъ, дер-

жащіе золотыя рипиды, представляя собою служеніе діаконовъ при святой трапезѣ. У переднихъ ея угловъ, и слѣва и справа, два изображенія Господа Іисуса Христа, въ золотомъ хитонѣ и голубой хламидѣ, совершенно сходныя между собою. Господь подаетъ съ лѣвой стороны, обѣими руками, святой хлѣбъ,— пречистое тѣло свое, подходящимъ къ нему благоговѣйно шести Апостоламъ, въ бѣлыхъ хитонахъ, съ согбенными или простертыми руками, по мѣрѣ ихъ приближенія къ трапезѣ: такъ и священное дѣйствіе преподаванія тѣла Христова пресвитерамъ, изъ рукъ Епископа, происходитъ съ лѣвой стороны престола. А съ правой—Господь преподаетъ Божественную чашу другимъ шести Апостоламъ, столь же благоговѣйно подходящимъ: такъ съ правой же стороны, по чину церковному, преподается чаша священнослужителямъ Изображенія сіи свидѣтельствуютъ, какъ должно совершаться по древнему чину Божественное пріобщеніе, подъ двумя видами хлѣба и вина, неизмѣнное у насъ и доселѣ, тогда какъ у Римлянъ нарушено священное преданіе; у нихъ не только всѣ міряне лишены св. чаши, но даже, при соборномъ служеніи нѣсколькихъ іереевъ, пользуется ею одинъ лишь совершитель таинства; прочіе же остаются только зрителями, хотя и предстоятъ алтарю. Это повторяется и при торжественномъ служеніи Папскомъ! Такимъ образомъ утрачено самое значеніе обѣдни, какъ общественнаго пріобщенія вечери Хри-

стовой. У насъ же утѣшительно видѣть, во время Архіерейскаго служенія, самое точное повтореніе, мозаической картины Софійскаго алтаря, въ чинѣ пріобщенія священнослужителей отъ руки Святителя. Мозаика сія служитъ доселѣ поучительнымъ напоминовеніемъ для пріобщающихся внутри алтаря (а прежде, когда иконостасъ былъ ниже, служила тѣмъ же и для пріобщавшихся внѣ алтаря мірянъ). Какъ видно, такія изображенія были необходимымъ условіемъ всякаго соборнаго храма, ибо мы видимъ доселѣ такую же мозаику и на горнемъ мѣстѣ Михайловской обители. Весьма вѣроятно, что отъ сего произошелъ позднѣе, когда высокіе иконостасы начали закрывать горнее мѣсто, обычай ставить надъ царскими вратами икону Тайной вечери.

Греческая надпись, во всю ширину горняго мѣста, надъ символическою картиною, повторяетъ намъ подлинныя слова самаго Господа, о необходимомъ пріобщеніи не только Божественнаго его тѣла, но и честной крови, и обличаетъ отступившихъ отъ сего священнаго преданія. *Пріимите, ядите, сіе есть тѣло мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ. Пійте отъ нея вси, сія есть кровь моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ.* Взирая на сіе мозаическое изображеніе, невольно возблагодаришь Господа, даровавшаго намъ счастіе принадлежать къ православной Церкви, столь свято соблюдшей всѣ священные уставы христіан-

ской древности. Когда великій Ярославъ вызывалъ, въ XI вѣкѣ, въ Кіевъ, иконописцевъ Греческихъ, для украшенія мозаикою созидаемой имъ св. Софіи, еще не существовало въ Латинской церкви сего нововведенія, т. е. отнятія чаши у мірянъ и даже у священнослужителей, кромѣ старшаго, при совершеніи таинства. Начинался только споръ между Востокомъ и Западомъ объ опрѣснокахъ, и одинъ изъ первыхъ Митрополитовъ нашихъ, Іоаннъ, обличилъ обычай Латинскій, которому могла бы служить обличеніемъ и сія мозаическая икона: ибо хлѣбъ, а не опрѣсноки, держитъ въ рукахъ Господь, и не только слова его, но и самое дѣйствіе повторяется на иконѣ, чрезъ пріобщеніе подъ двумя видами. Вотъ сколько исторической истины и догматики въ мозаикахъ Софійскихъ!

Изящная полоса мозаическихъ арабесковъ отдѣляетъ сію картину литургіи, которая занимаетъ весь второй ярусъ надъ горнимъ мѣстомъ, отъ нижняго яруса, наполненнаго ликами Святительскими, которые уцѣлѣли въ мозаикѣ только до пояса и дописаны съ низу. И здѣсь опять кроется глубокая мысль: сонмъ Святителей торжествующей на небесахъ Церкви, какъбы видимо сослужительствуетъ воинствующей на землѣ Церкви, при совершеніи Божественной литургіи. Въ расположеніи сихъ ликовъ столь же строгое соблюденіе древняго чина, который можетъ служить для насъ утвержденіемъ въ истинѣ преданія право-

славной Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ обличеніемъ для Рима. Три продолговатыхъ окна (нѣсколько расширенныхъ въ послѣдствіи), надъ горнимъ мѣстомъ, знаменуютъ свѣтъ богопознанія, отъ Пресвятыя Троицы исходящій и съ высоты святительской каѳедры проливаемый. Не сохранились мозаическія изображенія между сихъ оконъ и весьма странно были написаны тутъ, при обновленіи собора, два Святителя Кіевскіе Петръ и Алексій, какъ предстоятели своей паствы, на томъ основаніи, что тутъ уцѣлѣла одна мозаическая надпись: *Петръ;* но она несомнѣнно относилась къ Апостолу, ибо только верховные Апостолы могли предстоять лику верховныхъ Святителей, изображенныхъ по сторонамъ ихъ около горняго мѣста. По правую сторону средняго окна, если смотрѣть къ западу, стоялъ надъ каѳедрою святительскою Апостолъ Петръ, сохраняя свое неотъемлемое первенство; по лѣвую же отъ него сторону другой Апостолъ, вѣроятно верховный Павелъ, или, можетъ быть, первозванный Андрей, какъ потому что онъ водрузилъ первый крестъ на горахъ Кіевскихъ, такъ и потому что былъ основателемъ Византійской Церкви и первоначальникомъ ея Патріарховъ. Такимъ образомъ, при соблюденіи первенства Петрова, соблюдалось и равенство съ нимъ прочихъ Апостоловъ; ибо они оба предстояли надъ горнимъ мѣстомъ, подобно какъ и теперь, при служеніи двухъ Епископовъ, оба становятся рядомъ на горней каѳедрѣ, и старшій только имѣетъ почесть правой руки предъ младшимъ.

По сторонамъ Апостоловъ, отдѣленныя отъ нихъ промежуткомъ боковыхъ оконъ, уцѣлѣли мозаическія изображенія двухъ Архидіаконовъ: Стефана и Лаврентія;—это опять по чину церковному, потому что и теперь, при служеніи Архіерея, когда восходитъ онъ на горнее мѣсто для слушанія Апостола и Евангелія, становятся по бокамъ его два діакона. Безъ сего объясненія могло бы показаться страннымъ, почему въ Софійскомъ алтарѣ Архидіаконы начертаны выше Святителей? Оба они съ кадильницами; первомученикъ въ лѣвой рукѣ держитъ камень, знаменіе своего страданія, который прижимаетъ онъ къ персямъ; а у Лаврентія ладанница для ѳиміама. Но почему же здѣсь именно Лаврентій, а не кто либо другой изъ первыхъ седьми діаконовъ?—Потому что онъ былъ изъ Архидіаконовъ знаменитый мученикъ, а можетъ быть еще и потому, что мощи Стефановы, перенесенныя изъ Палестины въ Римъ, почиваютъ тамъ въ одной гробницѣ съ Лаврентіевыми, въ его знаменитой базиликѣ. Вездѣ господствуетъ какая либо мысль, а не произволъ художника, какъ иногда теперь бываетъ это у насъ при украшеніи новыхъ храмовъ; а между тѣмъ вы видите здѣсь и взаимное сближеніе двухъ Церквей, Восточной и Западной, въ лицѣ ихъ первенствующихъ Архидіаконовъ.

Обратимъ также особенное вниманіе на выборъ и расположеніе первостепенныхъ Святителей, изображенныхъ мозаикою въ алтарѣ Софійскомъ, по сторо-

намъ Апостоловъ: ибо и это было не дѣйствіе произвола, а благоговѣйнаго разсужденія, такъ какъ все было премудро устроено, къ назиданію и утвержденію вѣрныхъ, въ домѣ Премудрости Божіей. Имя каждаго Святаго при немъ сохранилось, написанное мозаическими златовидными буквами, сверху внизъ, по древнему чину; одно только имя Златоуста монограммой, по частому его употребленію въ служебникахъ Греческихъ. Съ правой стороны, подлѣ Архидіакона Стефана, стоитъ Святитель Николай; рядомъ съ нимъ Григорій Богословъ, Климентъ, Папа Римскій, и наконецъ Епифаній Кипрскій; а съ лѣвой стороны, подлѣ Лаврентія, Святители Василій Великій и Златоустъ, далѣе два Григорія: Нисскій и чудотворецъ Неокесарійскій.—Не служатъ ли и сіи нерушимо сохраненные лики, въ теченіи осьми вѣковъ, явнымъ обличеніемъ новой теоріи Римлянъ о мнимомъ главенствѣ ихъ Епископа, хотя они увѣряютъ, что до раздѣленія Церкви при Патріархѣ Михаилѣ Керулларіѣ, т. е. до 1051 года, Церковь Русская зависѣла также отъ Рима. Да послужитъ имъ обличеніемъ *нерушимая стѣна* Кіевской митрополіи, созданная въ 1037 году, слѣдовательно за 14 лѣтъ до раздѣленія, и если люди умолкнутъ, камни возопіютъ, по слову евангельскому (Лук. 19, 40). Никто не отъемлетъ первенства у Петра, но да не лишатся подобающей чести и прочіе Апостолы и Святители, унижаемые каѳедрою Римскою.

Кто же ближайшій Святитель стоитъ, по первенству чести, съ правой стороны верховнаго Петра?— Кажется, мѣсто сіе, по всѣмъ правамъ теоріи Римской, должно бы принадлежать Папѣ Клименту, какъ ближайшему преемнику Апостола Петра, имъ самимъ рукоположенному на свою каѳедру, тѣмъ паче что Римляне хотятъ ставить его даже выше возлюбленнаго Апостола Іоанна Богослова, какъ видимую главу Церкви вселенской еще при жизни его. Близокъ Климентъ и для Руси, ибо его мощи принесены были въ Кіевъ изъ Корсуни, Равноапостольнымъ просвѣтителемъ нашимъ, и даже, его святительскою главою, рукоположенъ былъ соборно первый Епископъ, родомъ изъ Русскихъ, чтобы тѣмъ замѣнить посвященіе Патріаршее. Сколько казалось важныхъ причинъ, чтобы ему стоять на первомъ мѣстѣ? Не смотря на то, ближе всѣхъ къ Петру поставленъ чудотворецъ Мурликійскій Николай, Епископъ хотя и древней, знаменитой каѳедры, но не изъ старѣйшихъ, прославленный чудесами и крѣпкій поборникъ Православія на первомъ Вселенскомъ Соборѣ, который онъ представляетъ здѣсь своимъ лицемъ, свидѣтельствуя о Никейскомъ символѣ. И такъ напрасно думаютъ ревнители Рима: будто лишь послѣ перенесенія мощей Святителя, изъ Муръ-Ликійскихъ въ Бары, и бывшаго тамъ частнаго собора, Папа указалъ намъ особое чествованіе сего великаго Святителя. Нѣтъ, онъ занималъ уже первое мѣсто въ Софійскомъ соборѣ болѣе нежели за полвѣка до перенесенія его мощей.

Кто же занимаетъ второе мѣсто съ лѣвой стороны Апостоловъ?—Опять не Климентъ, но святой Василій Великій, Архіепископъ Кесаріи Каппадокійской, величайшій поборникъ Православія въ своемъ вѣкѣ и составитель литургіи, донынѣ совершаемой въ православной Церкви. Послѣ него стоятъ, другъ противъ друга, съ правой и съ лѣвой стороны, на третьемъ и четвертомъ мѣстахъ, два великихъ Архіепископа Цареградскихъ: Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, составляющіе, вмѣстѣ съ Василіемъ, тройственный ликъ Іерарховъ, предпочтительно чествуемыхъ вселенскою Церковію: Григорій, глубочайшій Богословъ, какъ свидѣтельствуетъ самое его названіе, Златоустъ, краснорѣчивѣйшій витія и также составитель литургіи, употребляемой въ нашихъ храмахъ. Потомъ уже, въ пятомъ только мѣстѣ, поставленъ подлѣ Григорія Богослова св. Папа Климентъ (какое смиреніе для превозношенія Римскаго!); здѣсь и самая его каѳедра уступаетъ Цареградской, коей два Іерарха стоятъ выше. Напротивъ его, рядомъ съ Златоустомъ, начертанъ св. Григорій Нисскій, братъ Василія Великаго, извѣстный по своимъ духовнымъ твореніямъ и присутствовавшій на второмъ Вселенскомъ Соборѣ, на которомъ окончательно утвержденъ и дополненъ Никейскій символъ вѣры, съ тѣхъ поръ неизмѣнно сохраняемый въ Церкви Православной. И такъ ликъ его служитъ свидѣтельствомъ нерушимости ея догматовъ и обличеніемъ нововведеній Римскихъ

въ символѣ. Наконецъ послѣдними начертаны, другъ противъ друга, на стѣнахъ алтаря св. Епифаній Кипрскій, написавшій обличительную книгу противъ всѣхъ ересей, бывшихъ до него и при немъ, и потому глубоко уважаемый Восточною Церковію, и св. Григорій чудотворецъ Неокесарійскій, прославленный чудесами и составленіемъ перваго символа вѣры еще до Никейскаго. Вотъ какіе великіе поборники Православія собраны въ святилищѣ Софійскомъ, во свидѣтельство вѣкамъ грядущимъ, дабы и позднѣйшіе совершители таинствъ, въ священныхъ стѣнахъ сего храма, не отступали никогда отъ завѣщаннаго имъ Православія.

Всѣ они изображены въ бѣлыхъ крещатыхъ фелоняхъ, съ евангеліемъ въ рукѣ, какъ истинные проповѣдники дома Премудрости Божіей, по слову книги Притчей: *Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь, посла своя рабы созывающи съ высокимъ проповѣданіемъ*, приглашая всѣхъ на чашу: *иже есть безуменъ да уклонится ко мнѣ, и требующимъ ума рече: пріидите* и вкусите отъ трапезы (IX, 1. 3—5). Трапеза и чаша уготованы горѣ, предъ глазами всѣхъ; проповѣдники сзываютъ къ ней проповѣдію, и потому у каждаго въ рукѣ священная книга; другая рука или благоговѣйно прижата къ сердцу, или благословляетъ, и здѣсь мы можемъ видѣть всю суету мудрствованія мнимыхъ старообрядцевъ; ибо въ уцѣлѣвшихъ мозаикахъ знаменіе крестное употре-

бляется безразлично, судя по тому, какъ, съ большею или меньшею точностію, изобразилъ благословляющую десницу мозаистъ, не всегда искусный: у Святителя Николая оно ближе къ двуперстному, а у Златоуста, и еще явственнѣе у св. Григорія Нисскаго, оно прямо именословное; всѣ же кресты на стѣнахъ безъ изъятія четвероконечные, въ обличеніе суемудрыхъ. Такіе же кресты, въ большемъ видѣ, занимаютъ нижнюю часть алтарной стѣны вокругъ сопрестолія горняго мѣста, потому что тутъ изображенія лицъ были бы заслоняемы Епископами, восходившими на высшую ступень и возсѣдавшими на сопрестоліи, когда они служили съ Митрополитомъ всея Руси, а Пресвитеры садились на нижней ступени у ногъ ихъ, гдѣ и теперь они садятся при служеніи архіерейскомъ. Какъ это все было мудро устроено, для благолѣпія іерархическаго служенія, и какъ жаль, что это сохранилось только въ древнихъ соборахъ: ибо въ новѣйшихъ, даже въ самыхъ великолѣпныхъ, не существуетъ ни горняго мѣста въ настоящемъ его видѣ, ни сопрестолія около него, и сидящій Архіерей совершенно закрытъ отъ народа высотою запрестольнаго креста, или колоссальною дарохранительницею; а вмѣсто сопрестолія ставятъ стулья для пресвитеровъ, что совсѣмъ не въ порядкѣ, потому что имъ подобаетъ сидѣть не вокругъ престола, а позади его.

Въ Кіевѣ каѳедра Митрополичья, о семи ступеняхъ, господствуетъ надъ всею церковію, такъ что

видѣнъ за престоломъ возсѣдающій Святитель; а семь ступеней горняго мѣста, кромѣ символическаго значенія богословскихъ добродѣтелей, изображенныхъ и на Софійской иконѣ Премудрости Божіей, знаменовали также степень чести Русскаго Первосвятителя въ Іерархіи вселенской Церкви, какъ самостоятельнаго Архіерея, первенствующаго надъ многими подвѣдомственными ему Епископами. Престолъ горній Патріарха былъ о двѣнадцати ступеняхъ, равно какъ и облачальный амвонъ, и это преимущество чести сохранилось доселѣ за Ѳессалоникійскимъ Архіепископомъ, который соблюдаетъ его даже въ убогой церкви своей, гдѣ едва можетъ помѣститься столь высокій амвонъ, ибо драгоцѣнно такое преданіе бѣдствующему Востоку.

Если теперь столь величественнымъ представляется, внутри алтаря, сидѣніе и стояніе Святителя на горнемъ мѣстѣ Софійскомъ, съ двѣнадцатью сослужащими ему Архимандритами и Пресвитерами, во время чтенія Апостола и Евангелія: что же было прежде, когда съ первенствующимъ Митрополитомъ служили еще, кромѣ двѣнадцати Пресвитеровъ, и Епископы всея Руси, занимавшіе верхнюю ступень горняго сопрестолія надъ іереями? Все это было открыто взору мірянъ, и съ высоты хоръ и изъ средины храма, потому что иконостасъ не былъ первоначально такъ высокъ и шире были царскія двери. Зрѣлище сіе представлялось еще въ большемъ вели-

чіи, когда цѣлы и свѣжи были мозаическія изображенія Апостоловъ и Святителей вокругъ горняго мѣста, такъ что, отъ низу и до верху, все собраніе живыхъ и начертанныхъ ликовъ, сливалось въ одно цѣлое, и торжествующая на небесахъ Церковь являлась сослужащею воинствующей на землѣ, соединяясь съ нею въ одинъ священный сонмъ. Знаете ли откуда заимствована сія великолѣпная картина?—Св. Іоаннъ Богословъ изобразилъ намъ Церковь небесную, которую созерцалъ въ духѣ.—Раскройте четвертую главу его Апокалипсиса: «по сихъ видѣхъ и се дверь отверста на небеси».—Вотъ сквозь какія двери смотрѣлъ Тайновидецъ. «Я былъ въ духѣ,—и се престолъ стоялъ на небеси и на престолѣ сидящій... и окрестъ престола престоловъ двадцать четыре, и на престолахъ видѣлъ я двадцать четыре старца сидящихъ, облеченныхъ въ бѣлыя ризы, и имѣли вѣнцы златые на главахъ своихъ; и отъ престоловъ исходили молніи, громы и гласы, и седмь свѣтильниковъ огненныхъ горѣли предъ престоломъ, которые суть седмь Духовъ Божіихъ; и вокругъ престола четыре животныхъ, исполненныхъ очами отовсюду: первое животное подобно льву, и второе подобно тельцу, и третіе имѣло лице какъ человѣка, и четвертое подобно орлу летящему; каждое изъ четырехъ животныхъ имѣло по шести крилъ, внутри исполненныхъ очами; ни днемъ ни ночью не имѣютъ они покоя, взывая: святъ, святъ, святъ, Господь Богъ Вседержитель, который былъ,

есть и будетъ». Это символы данные Церковью четыремъ Евангелистамъ, и замѣтьте, что сидѣніе и стояніе священнослужителей, на горнемъ мѣстѣ, бываетъ собственно во время чтенія Апостола и Евангелія. Видите ли, какъ знаменательно дѣйствіе сіе въ чинѣ Божественной литургіи, которая есть образъ небесной и отраженіе оной на землѣ. Не безъ глубокой мысли предметами мозаическихъ изображеній, на алтарной стѣнѣ, избраны были два великіе момента Божественной службы:—возглашеніе слова Божія и пріобщеніе вечери Христовой.

Извините, что я нѣсколько какъ-бы отвлекся отъ своего предмета, но едва ли и отступилъ отъ него, потому что вы отъ меня требовали символики Софійской, а значеніе горняго мѣста весьма важно въ храмѣ, и я бы желалъ, чтобы Софійскій послужилъ образцемъ для вновь сооружаемыхъ храмовъ, и были бы въ нихъ исправляемы погрѣшности, вносимые западными архитекторами въ зодчество Византійское. Не разумѣя символики и потребности нашего Богослуженія, они обыкновенно нарушаютъ необходимое, для порядка и чина церковнаго, раздѣленіе алтаря на три части; а горнее мѣсто думаютъ замѣнить большою запрестольною картиною, потому что на Западѣ новѣйшіе престолы приставлены къ стѣнѣ, хотя въ самомъ Римѣ древнія базилики служатъ для нихъ явнымъ обличеніемъ своими горними каѳедрами. У насъ же все устроено по древнему, а древнее по

горнему образцу, какъ нѣкогда было сказано Моисею при сооруженіи Скиніи въ пустынѣ, послужившей начальнымъ образцомъ, не только ветхозавѣтному храму, но и новозавѣтной церкви: «виждь, да вся устроиши по образу показанному тебѣ на горѣ» (Исхода XXV, 40).—Это свидѣтельствуетъ, какъ должны мы свято соблюдать всѣ священныя преданія, преемственно къ намъ дошедшія, и не дозволять себѣ, при сооруженіи нашихъ храмовъ, никакихъ нововведеній нарушающихъ древнѣйшее чиноположеніе.

Достойно вниманія, что на четырехъ основныхъ аркахъ, поддерживающихъ главный куполъ, изображены мозаикою въ кругахъ, еще отчасти сохранившіеся, сорокъ мучениковъ Севастійскихъ, которыхъ особенно чтитъ Церковь, празднуя имъ даже и въ скорбные дни великаго поста, ибо великъ поистинѣ былъ ихъ подвигъ. Они предпочли замерзнуть въ ледяномъ озерѣ, ради исповѣданія имени Христова, хотя мучители, для большаго ихъ искушенія, затопили на берегу баню и, когда не устоялъ одинъ изъ числа ихъ противъ такого искушенія, то мѣсто его заступилъ одинъ изъ совершителей казни, будучи пораженъ твердостію духа мучениковъ, и вмѣстѣ съ ними удостоился нетлѣннаго вѣнца. Какая же была мысль изобразить ликъ сихъ мучениковъ на основныхъ аркахъ?—На костяхъ мученическихъ основалась Церковь Божія, въ первые три вѣка гоненій бывшихъ противъ нея на землѣ. Посему предпочти-

тельно изображаются лики мучениковъ и исповѣдниковъ на основныхъ столбахъ ея и аркахъ, и здѣсь Севастійскіе, какъ болѣе именитые, раздѣлены по десяти на каждую арку, подъ главнымъ куполомъ.

Тамъ, гдѣ арки сіи опираются на столбы, начертаны были мозаикой лики Пророковъ, возвѣстившихъ будущую славу Церкви Христовой, какъ можно судить по одному сохранившемуся изображенію, съ лѣвой стороны на алтарной аркѣ, хотя и безъ имени. Вѣроятно, такимъ образомъ расположены были четыре великихъ Пророка: Исаія, Іеремія, Іезекіиль и Даніилъ. Однако съ лицевой стороны двухъ боковыхъ аркъ, если смотрѣть къ алтарю, сохранились два мозаическихъ изображенія не самихъ Пророковъ, но Той, о которой они предрекли: *се Дѣва во чревѣ зачнетъ и родитъ Сына, и наречеши имя ему Эммануилъ* (Ис. VII, 14), и благовѣстившаго ей Архангела. Пречистая Дѣва изображена съ веретеномъ въ рукахъ, прядущею, какъ говоритъ преданіе, виссонъ на завѣсу Іерусалимскаго храма, предъ Святая Святыхъ, котораго таинственнымъ образомъ была сама. На противоположной сторонѣ Архангелъ, съ лиліею въ рукахъ,—знаменіемъ дѣвственной чистоты Божіей Матери. Оба сіи лика, на разстояніи всего пространства алтарнаго, представляютъ одну полную икону Благовѣщенія, которая, по существующему нынѣ установленію, необходимо должна быть изображаема въ каждой церкви, на царскихъ вратахъ, такъ какъ и Тайная вечеря надъ ними.

Вотъ все, что осталось отъ мозаикъ въ Софійскомъ соборѣ. Остальное лишь фрески; но, въ ихъ разборѣ, надобно быть осторожнымъ и не смѣшивать древняго съ позднѣйшимъ. Весьма замѣчательно то обстоятельство, что всѣ одинокіе лики Святителей, Мучениковъ и Преподобныхъ, въ строгомъ величіи расположенные по столбамъ и тѣснымъ простѣнкамъ, изображаютъ только Святыхъ пяти первыхъ столѣтій, и нѣтъ между ними ни одного изъ числа позднѣйшихъ, хотя соборъ Софійскій сооруженъ въ XI вѣкѣ. Трудно разгадать причину такого исключительнаго выбора однихъ древнѣйшихъ ликовъ. Не оттого ли, что въ Кіевской Софіи хотѣли повторить только тѣ иконныя писанія, какія находились въ Цареградской, сооруженной не позже начала VI столѣтія? Тамъ не было однако фресковъ, а только однѣ мозаики, и болѣе на сводахъ, нежели на стѣнахъ, которыя покрыты мраморомъ, какъ это теперь можно видѣть послѣ ея обновленія. Можетъ быть, у насъ хотѣли изобразить, въ лицахъ, одну лишь славнѣйшую эпоху первобытной Церкви, когда вся она была облита кровью своихъ мучениковъ и прославлена исповѣданіемъ вѣры своихъ Святителей.

При строгомъ соблюденіи единоличности изображеній, въ алтарѣ и въ самой церкви, довольно странно видѣть многоличныя картины въ жертвенникѣ и діаконикѣ, изображающія въ первомъ дѣянія Петровы, а во второмъ дѣянія святыхъ Іоакима и Анны и Ма-

тери Божіей; едва можно вѣрить, чтобы онѣ были современны мозаикѣ. Гораздо позже временъ Ярослава былъ устроенъ, въ отдѣленіи діаконикона, особый придѣлъ св Богоотецъ, и можно думать, что въ это время расписаны были такимъ образомъ его стѣны. Хотя нѣтъ сомнѣнія, что и это древнія фрески, уцѣлѣвшія подъ слоями штукатурки: но едва ли не позднѣе онѣ разоренія Монгольскаго, ибо тогда выгорѣла известь по стѣнамъ. Въ отдѣленіи жертвенника слѣдовало бы, кажется, искать какіе либо символы пріуготовляемой жертвы, а не дѣянія Апостола; однако тутъ изображены: изведеніе Петра изъ темницы, обращеніе Корнилія сотника и крещеніе Апостоломъ въ купели Матери Божіей, какъ предполагаетъ мѣстное преданіе.

Въ двухъ боковыхъ придѣлахъ св. Георгія и Архангела Михаила, прилегающихъ къ жертвеннику и діаконикону и современныхъ началу храма, нѣтъ сомнѣнія въ древности фрескъ на горнемъ мѣстѣ: ибо тутъ предпочтительно изображены, въ колоссальномъ размѣрѣ тѣ лица, коимъ посвящены сіи придѣлы; Великомученикъ и Архангелъ, подобно тому какъ и ликъ Божіей Матери въ главномъ алтарѣ. По сторонамъ еще видны древніе лики первостепенныхъ Святителей, имена коихъ уже стерты, по три съ каждой стороны. Но мнѣ опять кажутся сомнительными дѣянія Великомученика на стѣнахъ алтаря, и фигуры волхва и языческаго Кесаря Діоклитіана тамъ, гдѣ

древняя, строгая символика, допускала только лики тѣхъ, кои имѣли право священнодѣйствовать внутри святилища, т. е. Апостоловъ и Святителей. Довольно странно, и въ придѣлѣ Архангела, изображеніе низвергаемаго діавола подъ мечемъ Архистратига, хотя явленія изъ міра Ангельскаго скорѣе могли быть допущены, нежели фигуры языческія, въ святынѣ алтаря. Между фресками, обновленными на хорахъ собора, опять являются многоличныя картины: предательство Іуды въ саду Геѳсиманскомъ, жертвоприношеніе Исаака, какъ образъ жертвы Христовой, посѣщеніе Авраама тремя Ангелами, трапеза у него трехъ Ангеловъ и три отрока въ пещи Халдейской, какъ символъ Троицы; тутъ еще изображенія брака въ Канѣ Галилейской и Господа, возлежащаго на вечери. Въ описаніи Митрополита Евгенія упоминается о портретахъ нѣкоторыхъ изъ Великихъ Князей нашихъ, которые были начертаны, стѣнною живописью, на хорахъ и теперь уже не существуютъ. Это соотвѣтствовало подлиннику Византійскому, гдѣ также на хорахъ сохранены, мозаикою, портреты Царей и Царицъ различныхъ династій, съ ихъ дѣтьми, преклоняющихся предъ ликомъ Божіей Матери, ибо хоры сіи собственно предназначены были для почетныхъ лицъ женскаго пола.

Что касается до уцѣлѣвшаго изображенія различныхъ звѣрей и ловли, всадниковъ и пѣшихъ, которыми украшены были кругообразные всходы, ведущіе

на хоры, то это во вкусѣ Византійскомъ и удовлетворяло вкусу нашихъ Князей. Четыре бронзовыхъ коня поставлены были, какъ извѣстно, на фронтонѣ Цареградской Софіи, и доселѣ мы видимъ, въ древнѣйшихъ храмахъ Грузіи, на ихъ наружныхъ стѣнахъ, изваянныя фигуры различныхъ звѣрей, преимущественно львовъ и леопардовъ и птицъ, съ плетеницами цвѣтовъ.—Во Владимірскомъ соборѣ св. Димитрія, на фронтонѣ, изображенъ Господь Саваоѳъ на престолѣ, и вокругъ него лики Ангеловъ и разнообразныя фигуры звѣрей; тутъ есть своя мысль: это олицетвореніе псаломнаго стиха: «всякое дыханіе да хвалитъ Господа» —Здѣсь же, въ Софійскомъ храмѣ, какъ и въ древнихъ Византійскихъ и Грузинскихъ, это не что иное, какъ произведеніе игривой фантазіи строителей, допустившихъ и событія изъ внѣшней жизни, для внѣшняго украшенія своихъ храмовъ.

Но за то, какъ все отчетливо во внутреннихъ частяхъ храма Софійскаго! Тамъ можно объяснить причину и значеніе почти каждой иконы, и весьма жаль, что, при обновленіи собора, не держались строго его древней, знаменательной символики. Я уже объяснялъ вамъ, какъ таинственно раскрывается она, съ высоты хоръ, до самой глубины алтаря. Достойно вниманія и то, какъ обдуманы были всѣ фрески и въ трапезной части храма; вы можете опять это замѣтить на хорахъ. Такъ какъ они предназначены были для женскаго пола, и западная ихъ часть, противъ

самаго алтаря, преимущественно для великокняжескаго семейства: то внизу, на трехъ ближайшихъ столбахъ, съ правой и съ лѣвой стороны, изображены только женскія лица мученицъ и преподобныхъ, которыя своимъ примѣромъ должны были возбуждать державныхъ молитвенницъ; но дальше трапезной части вы уже не встрѣчаете на столбахъ женскихъ лицъ.

Говоря о хорахъ, не могу не пожалѣть, что западное окно, теперь крестообразное, слишкомъ тѣсно; а прежде оно было почти во всю стѣну, и такъ оно доселѣ сохранилось въ Цареградской Софіи; оттого тамъ проливается чрезъ это окно, въ вечерніе часы, обильный свѣтъ заходящаго солнца на всѣ золотыя мозаики сводовъ, и вся она какъ-бы горитъ золотомъ.

При хорахъ на столбахъ продолжаются отчасти женскіе лики Мучениць, съ крестами въ рукахъ, и Преподобныхъ, съ воздѣтыми горѣ руками; но ихъ болѣе съ правой стороны, нежели съ лѣвой. Есть между ними лики и Мучениковъ и пустынножителей, и царственные лики. Ближе къ церковнымъ аркамъ— Святители и Пророки: но имена ихъ не всегда удачно подобраны, хотя и старались соображаться съ подлинникомъ. Такъ напримѣръ, Моусей, у праваго клироса, представленъ съ евангеліемъ въ рукахъ, а Пророкъ Іона въ одеждѣ, опушенной мѣхомъ. Константиномъ названъ Греческій Императоръ, въ цар-

ской одеждѣ, съ малолѣтными Царемъ и Царицею, въ маломъ видѣ, по сторонамъ. Судя по одеждѣ, это не можетъ быть Константинъ великій, ибо онъ иначе изображается на фрескахъ Аѳонскихъ, современныхъ нашимъ, и въ другой коронѣ; это долженъ быть кто либо изъ позднѣйшихъ Палеологовъ, и если разгадать, кто сіи Царственныя особы, то по нимъ можно бы опредѣлить время самыхъ фресковъ. На главной аркѣ, три отрока Вавилонскіе, одинъ надъ другимъ, по странной своей одеждѣ, полу-греческой и полу-персидской, съ звѣздами на хламидѣ, такъ названы оттого, что сходны одеждою съ тремя отроками въ пещи Халдейской, которые изображены на хорахъ. На столбахъ съ лѣвой стороны, противъ жертвенника, написаны фресками два верховныхъ Апостола, Предтеча и Богословъ. Меня увѣряли, что такъ найдены были сіи фрески, хотя въ этой части храма обыкновенно не пишутъ Апостоловъ, но въ лицахъ Петра и Павла нельзя сомнѣваться. Именъ сохранилось только 26, изъ нихъ три женскихъ, прочія всѣ дописаны. Вокругъ храма, въ галлереяхъ, большею частію, Мученики во всеоружіи, какъ-бы охраняющіе святилище. Вообще всѣ сіи лики Святыхъ, на хорахъ, представляютъ сонмъ угодниковъ Божіихъ, какъ-бы видимо участвующихъ въ молитвѣ, вмѣстѣ съ православнымъ народомъ.

На простѣнкахъ подъ хорами, ближе къ алтарю, обновлены по старымъ рисункамъ четыре фрески:

явленіе воскресшаго Господа Мѵроносицамъ, увѣреніе Ѳомы, вознесеніе и сошествіе Господа во адъ или воскресеніе, которое иначе никогда не изображалось въ древней иконописи. Прочія фрески на сихъ простѣнкахъ, кругомъ хоръ, утратились и замѣнены Вселенскими Соборами, которые тутъ были написаны со временъ Митрополита Петра Могилы. Можно предполагать, что и до него были тутъ картины седьми Соборовъ, по глубокому къ нимъ уваженію православной Церкви, ибо и въ Виѳлеемскомъ соборѣ, обновленномъ мозаикою при крестоносцахъ, въ XII вѣкѣ усердіемъ Императора Греческаго Мануила, на тѣхъ же мѣстахъ, подъ хорами, изображены всѣ седмь вселенскихъ и девять помѣстныхъ Соборовъ, не только въ лицахъ, но и съ мозаическимъ начертаніемъ главныхъ догматовъ, которые были на оныхъ провозглашены.

Утомительно было бы исчислять всѣ фрески, и даже безполезно послѣ ихъ обновленія; древнѣйшія болѣе сохранились на аркахъ. Скажу въ заключеніе, что, не смотря на предполагаемую ихъ древность, относимую ко временамъ Ярославовымъ, я не могу согласиться, чтобы онѣ были современны мозаикамъ, потому что нѣтъ въ нихъ тойже строгости въ расположеніи ликовъ. Странно и то, почему храмоздатель ограничился бы однимъ алтаремъ и четырмя основными арками купола, для мозаики? Не позже ли явились фрески? Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно

уцѣлѣли въ совершенной свѣжести, какъ напр. лики мучениковъ: Стратона и Харитона, въ алтарѣ преподобныхъ Печерскихъ, и носятъ характеръ Аѳонской живописи временъ Панселина; но другія оказались съ красками стертыми, а у иныхъ надобно было угадывать самые очерки. Почему же это могло бы такъ случиться, если всѣ онѣ одинаково были покрыты нѣсколькими слоями штукатурки?

Но вотъ что меня изумило: опытный въ живописи священникъ, который самъ участвовалъ въ иконописномъ обновленіи собора, указалъ мнѣ, на сводахъ алтарныхъ Успенскаго придѣла, остатки полустертой фрески, фигуру Мученика, говоря, что въ такомъ видѣ находили большею частію фрески на стѣнахъ храма: тутъ одни лишь очерки, а между тѣмъ этотъ придѣлъ не существовалъ во дни Ярослава, ибо онъ устроенъ въ наружной пристройкѣ, которую соорудилъ Петръ Могила, для укрѣпленія стѣнъ Софійскихъ. Какъ же тутъ могли явиться фрески, если въ его время уже утрачено было искуство писать на теплой извести? Впрочемъ, школа фресковъ еще сохраняется на горѣ Аѳонской, хотя и въ большомъ упадкѣ. Не смѣю говорить утвердительно, но мнѣ кажется, что фрески Кіевскаго собора можно отнести къ иному времени, не столь давнему, какъ эпоха Ярослава, но къ XIV столѣтію, когда Первосвятители наши, хотя и водворившіеся уже въ Москвѣ, еще посѣщали Кіевъ и оставались тамъ даже иногда

по году, а Митрополитъ Кипріанъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, по временномъ удаленіи съ каѳедры Московской. Можетъ ли быть, чтобы столь просвѣщенный Святитель, видѣвшій благолѣпіе храмовъ Святой горы, могъ оставаться равнодушнымъ къ запустѣнію своего каѳедральнаго собора и не украсилъ его вновь стѣнною живописью, когда могъ пригласить съ Аѳона, ему знакомаго, опытныхъ художниковъ для расписыванія фресковъ?—Таково мое мнѣніе: не смѣю однако разрѣшить сего вопроса, предоставляя оный людямъ, болѣе меня опытнымъ.—Здѣсь останавливаюсь;—не знаю, удовлетворилъ ли я вашему желанію, хотя и старался оное исполнить. Пріимите слабый трудъ сей за изъявленіе моего глубочайшаго уваженія къ той благородной ревности, которою вы исполнены къ нашей древности и святынѣ.

Кіевъ.
14 Августа 1859 г.

III.

ЗНАЧЕНІЕ КІЕВА ДЛЯ РОССІИ.

«Видите-ли горы сіи?» невольно восклицаетъ каждый путникъ, когда внезапно предъ нимъ откроется вся златоверхая святыня Кіевская на завѣтныхъ ея высотахъ. Убогій ли богомолецъ, едва достигающій на клюкахъ благочестивой цѣли своего странствія, или роскошный баричъ, со всѣми дорожными удобствами, несущійся по гладкому шоссе, одинаково воскликнутъ при этомъ чудномъ зрѣлищѣ: «видите ли горы сіи?— Они безсознательно повторяютъ слова Апостола, водрузившаго на сихъ горахъ первый крестъ, но едвали кто изъ нихъ, въ сію радостную минуту, повторитъ мысленно въ своемъ сердцѣ и послѣдующія слова Первозваннаго: «яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія».

А это самое и есть та основная черта Кіева, которая доселѣ его дѣлаетъ сердцемъ всея Руси и къ нему влечетъ, изъ дальнихъ краевъ, всѣхъ православныхъ чадъ ея. Только они одни въ состояніи понять и оцѣнить, что такое Кіевъ для Русскаго человѣка, и здѣсь, въ нашемъ родномъ Іерусалимѣ, находятъ

себѣ отголосокъ дальняго, не всегда имъ доступнаго на чужбинѣ.—Какъ же думаютъ усвоить себѣ Кіевъ, въ своихъ несбыточныхъ мечтахъ, люди совершенно ему чуждые, не связанные съ нимъ никакими воспоминаніями отечественными, у коихъ сердце никогда не билось при звукѣ лаврскаго колокола, зовущаго во глубину пещеръ, у которыхъ рука никогда не поднималась для крестнаго знаменія, когда издали проглядывала изъ чащи лѣса, сторожевая башня Православія,—колокольня Печерская!

«Видите-ли горы сіи»—на нихъ водрузилъ Первозванный знаменіе нашего спасенія, но хотя по всей Скиѳіи проповѣдалъ Апостолъ, онъ почитается только Апостоломъ Руси, и одни лишь православныя племена Славянъ благоговѣютъ къ его памяти.—«Видите-ли горы сіи?»—съ ихъ вершины низвергнулъ Перуна Равноапостольный Князь, но онъ былъ просвѣтителемъ только земли Русской; кровь его доселѣ течетъ въ жилахъ древнихъ княжескихъ родовъ нашихъ; гробница его доселѣ стоитъ въ сооруженной имъ Десятинной церкви, а честная глава его въ Лаврѣ Печерской; крещальня двѣнадцати его сыновей видна еще въ долинѣ Крещатика, который напоминаетъ своимъ именемъ крещеніе всея Руси. Это все, чрезъ столько вѣковъ, неразрывною цѣпью связываетъ съ нимъ все истинно Русское—православное, которое видитъ въ св. Князѣ Владимірѣ начатокъ нашего спасенія. Но его имя и память чужды тѣмъ, кто не

носитъ имени Русскаго; едва, едва, какъ-бы чуждые пришельцы, включены оба наши равноапостольные Владиміръ и Ольга, въ святцы западные, хотя для насъ были они денницею Христіанства.

А дѣти Владиміровы, наши Князья страстотерпцы, Борисъ и Глѣбъ, здѣсь подвизавшіеся! — А лики Преподобныхъ, возсіявшіе намъ изъ мрака пещернаго, по манію великихъ отцевъ иночества, Антонія и Ѳеодосія, и доселѣ какъ бы заживо почіющіе на ложахъ своихъ, во свидѣтельство вѣкамъ минувшимъ!—Сія сокровищница мощей въ нѣдрахъ земли, драгоцѣннѣе всѣхъ сокровищъ, сзывающая къ себѣ тысячи богомольцевъ отъ Дуная и до Амура,—развѣ она возбуждаетъ малѣйшее сочувствіе нынѣшнихъ мнимыхъ родичей Кіева, на него посягающихъ какъ-бы по праву мѣстныхъ землевладѣльцевъ, хотя они искони были ему чужды, и въ новѣйшія времена не могутъ съ нимъ сродниться, ни сердцемъ, ни душею?

Но какъ отличилъ премудрый Соломонъ, на своемъ судилищѣ, истинную мать отъ мнимой?—не по материнскимъ ли ея чувствамъ къ своему младенцу, когда возвратилъ ей лукаво усвоеннаго чуждою?—Не надобно спрашивать и о Кіевѣ: чей онъ или чьимъ будетъ?—стоитъ только выйти весною на чудный мостъ его, или окинуть взоромъ окрестные пути съ какой-либо изъ его высотъ, и вы, безъ всякаго слова, поймете кому единственно можетъ принадлежать Кіевъ. Невольно повторится вашему сердцу сія радостная пас-

хальная пѣснь: «возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь, се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада и сѣвера и моря и востока чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣки».

И на какомъ прочномъ основаніи утвердили Православіе въ Кіевѣ, Просвѣтитель нашъ и сынъ его великій Ярославъ, такъ что, и чрезъ восемь столѣтій, никакая непріязненная сила не можетъ поколебать его на сихъ завѣтныхъ горахъ!—Если рушилась, отъ разгрома Монгольскаго, Десятинная церковь Равноапостольнаго Князя, то его уцѣлѣвшая гробница послужила основнымъ камнемъ для обновленнаго храма; а св. Софія, древнѣйшая Митрополія всея Руси, гдѣ въ началѣ утвердилась каѳедра Первосвятителей нашихъ, устояла сквозь всѣ бури временъ и народовъ во свидѣтельство тому, что никогда не будетъ сдвинутъ съ мѣста своего сей начальный нашъ свѣтильникъ и нерушима горняя стѣна его, подъ молитвенною сѣнью Матери Божіей.

Не поколебался краеугольный камень св. Софіи и тогда, когда уже, казалось, самая каѳедра ея перенесена была на Сѣверъ, вмѣстѣ съ столицею Князей и Владыкъ въ престольную Москву. Кіевскими, а не Московскими, возглашались, въ соборѣ Успенскомъ, Митрополиты всея Руси; три ея церковныхъ столпа, Петръ, Алексій, Іона, такъ записаны въ святцахъ Русскихъ и всѣ три священнодѣйствовали на престолѣ Софійскомъ.—Когда же раздѣлилась Митрополія на сѣверную и южную, во главѣ сталъ опять

Кіевъ, не смотря на жительство его Владыкъ въ предѣлахъ Литовскихъ; еще тѣснѣе сдѣлалась связь его съ Царьградомъ, ибо Митрополиты Кіевскіе приняли на себя титулъ Экзарховъ вселенскаго Патріарха, и этотъ періодъ югозападной нашей Церкви запечатлѣнъ мученическою кончиною Митрополита Макарія, котораго нетлѣнныя мощи почиваютъ въ храмѣ св. Софіи, какъ-бы для новаго утвержденія ея каѳедры.

Отпаденіе въ Унію почти всей Іерархіи югозападной, начиная съ самой главы, временно угрожало совершеннымъ запустѣніемъ Церкви, но не могло однако здѣсь поколебать Православія. Напрасно стучалась непріязненная Унія въ двери Софійскія; онѣ оставались заключенными на все время преобладанія западнаго, и замолкъ гласъ молитвы внутри святилища, доступнаго только православному богослуженію, которымъ впервые оно огласилось. «Господь утвердитъ селеніе свое утро заутра», начертано Греческими письменами поверхъ нерушимаго образа пречистой Дѣвы, стоящей на камени, воздѣвшей къ небу руки о своемъ домѣ и людяхъ, и домъ Премудрости Божіей, съ древней его каѳедрою, остался навсегда краеугольнымъ камнемъ Православія на югѣ нашего отечества.

Патріархи Восточные подвиглись съ своихъ престоловъ, чтобы не дать его сдвинуть иновѣрнымъ, и Святитель Іерусалимскій обновилъ опять Митрополію Кіевскую и всю Іерархію югозападной Руси, а рядъ великихъ мужей Церкви на каѳедрѣ Софійской, укрѣ-

пилъ навсегда Православіе въ Малой Россіи, связавъ ее сперва гражданскими узами съ Великою, а потомъ и церковными съ Патріаршимъ престоломъ Москвы, но Кіевъ остался навсегда первенствующею каѳедрой Русской Церкви.

Знаете-ли, какую силу имѣютъ слезы преподобныхъ?—Теченіемъ ихъ и глубиною своихъ воздыханій, воздѣлываютъ они безплодіе пустыни, и потомъ изъ мрака ея свѣтятъ вселенной.—Если въ томъ сомнѣваетесь, взгляните на Лавру Печерскую:—что былъ Антоній, безвѣстный отшельникъ? что Ѳеодосій!—отцы иночества на Руси?—Не въ духѣ-ли прозорливости предсказалъ, современный имъ лѣтописецъ Несторъ, какъ прочно полагаемое ими основаніе: «многія обители, писалъ онъ, основаны были отъ Князей и боляръ, но не таковы онѣ какъ тѣ, которыя созидаются молитвой и слезами»!—Такъ сооружили свою обитель Антоній и Ѳеодосій, и вотъ она не только пустила безчисленныя вѣтви во всю Русскую землю, но и въ самомъ Кіевѣ сдѣлалась корнемъ Православія.

Благодѣтельное вліяніе Лавры Печерской сообразовалось съ нуждами времени и было столь-же разнообразно, какъ и самыя обстоятельства, его вызывавшія на помощь обуреваемымъ. Во времена до-Монгольскія, она разсылала своихъ подвижниковъ проповѣдывать имя Христово между язычниками, и многія изъ новыхъ епископскихъ каѳедръ украсились ея иноками. Когда опустѣлъ Кіевъ послѣ бури Монголь-

ской, то въ пещерахъ бывшей Лавры появились опять подвижники, возбудившіе духовную жизнь на пепелищѣ древней столицы, доколѣ не поднялась она вновь изъ своихъ развалинъ. Обновилась и самая Лавра уже подъ владычествомъ Литвы, еще тогда не зараженной фанатизмомъ Римскимъ, и стала центромъ Православія на всемъ югѣ, когда начались гоненія Римскія, съ присоединеніемъ Литвы къ Польшѣ и особенно при появленіи Уніи.

Ратовали за Православіе, сильные тогда Князья Острожскіе; но двигателемъ ихъ былъ именитый Архимандритъ Лавры, Никифоръ Туръ, ревнитель Православія на соборѣ Брестскомъ. Его преемники сдѣлались единственными воителями за Церковь Русскую, доколѣ не обновилась ея Іерархія благословеніемъ Патріарха Іерусалимскаго. Но и тогда Лавра Печерская оставалась сердцемъ и средоточіемъ, одна отразившая на югѣ весь непріязненный напоръ Уніи: туда стекались всѣ молитвенники, оттуда истекала помощь духовная и даже вещественная, по обилію ея средствъ.

Когда же настало время дѣйствовать просвѣщеніемъ духовнымъ, чтобы преодолѣть козни Іезуитовъ, которые по всюду домогались распространить свое ученіе, то не изъ Лавры-ли опять возникъ сильнѣйшій имъ отпоръ? Братское училище было по истинѣ чадомъ Лавры, ибо ея великій Архимандритъ Петръ Могила, возшедши на каѳедру св. Софіи, сдѣлался не только благодѣтелемъ, но и обновителемъ сего

братства, которое пролило столько просвѣщенія духовнаго на всю Русскую землю и доселѣ процвѣтаетъ, какъ старшая Академія наша. И такъ смиренные отшельники, Антоній и Ѳеодосій, болѣе сдѣлали для Кіева, нежели самые Князья его, и даже до сихъ поръ Лаврою ихъ дышетъ Кіевъ, привлекая толпы богомольцевъ къ завѣтной ея святынѣ.

Отнимите Лавру и измѣнится весь религіозный характеръ Кіева; заключите врата св. Софіи, какъ было во дни Уніи, и утратится преданіе древнѣйшей Іерархіи нашей; если только опустѣетъ Златоверхая обитель, куда зоветъ Великомученица однихъ лишь православныхъ богомольцевъ, хотя она пострадала за Христа въ то время, когда еще не было раздѣленія Церквей,—и опустѣетъ старый Кіевъ, ибо на сихъ трехъ священныхъ мѣстахъ: въ Лаврѣ, въ св. Софіи и въ обители Михайловской, сосредоточена вся его жизненная сила; тамъ его душа, его сердце. Безъ нихъ останется одинъ лишь торговый городъ, какихъ много на Руси, но утратится его церковное значеніе, а чрезъ это оскудѣетъ и самый городъ.—Не тоже-ли будетъ и съ Римомъ, когда онъ перестанетъ быть столицею западнаго Христіанства?

Тогда только могутъ усвоить себѣ Кіевъ иновѣрцы, если нарушится жизненная его связь съ Россіею, т. е. Православіе, которое издревле пропитало собою весь его внутренній церковный бытъ. Но доколѣ теплится тихая лампада надъ гробомъ препо-

добнаго Антонія въ ближнихъ пещерахъ, доколѣ спускается, при торжественныхъ гимнахъ, чудная икона Успенія въ царскихъ вратахъ великой церкви, доколѣ стоитъ нерушимая стѣна Софійская, съ ликомъ Богоматери, осѣняющей престолъ, на которомъ уже восемь вѣковъ приносится безкровная жертва православныхъ,—до тѣхъ поръ не поколеблется древній градъ Владиміра и Ольги, на его завѣтныхъ горахъ, благословенныхъ Первозваннымъ Апостоломъ. «Горы окрестъ его и Господь окрестъ людей своихъ», по выраженію псаломному о Сіонѣ, градѣ Царя великаго,—а Кіевъ нашъ родной Сіонъ.

1861 года.

IV.

КРЕСТНЫЙ ХОДЪ НА КРЕЩАТИКЪ ВЪ ДЕНЬ СВ. ВЛАДИМІРА.

Радостное событіе ознаменовало, въ древнемъ градѣ св. Владиміра, день его памяти и мѣсто крещенія его двѣнадцати сыновей:—обновился временно оставленный, но не забытый сердцемъ Кіевлянъ, крестный ходъ къ ихъ купели, которая была начаткомъ духовнаго просвѣщенія всея Руси! Воды Почайны, оттѣсненныя Днѣпромъ, какъ-бы вновь хлынули къ своему устью, гдѣ присоединялся къ нимъ ручей Крещатика: и древняя матерь градовъ Русскихъ созерцала, чрезъ восемь столѣтій, то умилительное зрѣлище, какое поразило нѣкогда нашихъ предковъ въ сей священной юдоли.

Не будемъ говорить, какъ и почему прекратился торжественный ходъ, исполненный столькихъ воспоминаній отечественныхъ и церковныхъ. Будемъ радоваться и благодарить Бога, что опять возстановленъ еще въ большемъ блескѣ. Тогда одна лишь крутая стезя спускалась къ уединенному кладезю и не были обдѣланы окрестныя горы; теперь уже всѣ пути

стропотные сдѣлались правыми, по выраженію Евангельскому, и Царскій путь, изъ обѣихъ столицъ, пролегаетъ вдоль берега Днѣпра, привлекая благоговѣйное вниманіе мимоидущихъ къ сосѣднему памятнику Крещатика. Одинокій столпъ его, увѣнчанный крестомъ, возвышается изъ зелени холмовъ уже болѣе не въ пустынѣ, которая процвѣла окрестъ него; соборъ Софійскій, отколѣ бывали ежегодно крестные ходы на источникъ Владиміровъ; храмъ Десятинный, бывшій соборнымъ во дни св. Князя и гдѣ самъ онъ почіетъ въ древней своей усыпальницѣ, уже обновлены послѣ многихъ лѣтъ ожиданія;—они готовы опять выпустить изъ священныхъ вратъ своихъ толпы богомольцевъ, въ слѣдъ за побѣдными хоругвями Царя славы, туда куда шествовалъ нѣкогда самъ равноапостольный Князь для крещенія чадъ своихъ и всенародной семьи. И такъ устремимся опять, въ слѣдъ за нимъ, къ спасительной купели, въ день его памяти, и почерпнемъ тамъ духовную радость и благодатныя исцѣленія: ослѣпшій въ язычествѣ прозрѣлъ въ минуту крещенія; его источникъ врачуетъ также болѣзни глазъ.

Давно уже благочестивые Кіевляне жаждали возстановленія памятника, который пришелъ въ совершенную ветхость; была мысль построить надъ кладеземъ и небольшую церковь; но прежде нежели соорудить вещественное зданіе въ честь Равноапостольнаго, надлежало обновить духовное торжество, напо-

минувшее намъ крещеніе Руси, у подножія св. горъ Кіевскихъ, на коихъ водрузилъ крестъ Первозванный Апостолъ; и вотъ, по взаимному усердію духовныхъ и свѣтскихъ властей богоспасаемаго Кіева, возстановленъ ходъ! Достаточно было немногихъ словъ, чтобы какъ отъ искры вспыхнуло пламя:—до такой степени было возбуждено общее вниманіе къ святому мѣсту и дѣлу. Ревностный Архипастырь благословилъ, усердный начальникъ края оказалъ необходимое содѣйствіе, и все мгновенно исполнилось; такъ всегда бываетъ, когда благое предпріятіе уже достигло своей духовной зрѣлости.

Умилительное зрѣлище представлялъ Кіевъ, въ день памяти своего Просвѣтителя; казалось, самъ онъ, по слову церковной пѣсни, возсѣдалъ опять на высотѣ престола богоспасаемой матери градовъ! Такъ все было исполнено его именемъ и, свыше всякаго слова, свидѣтельствовало на самомъ дѣлѣ, что здѣсь воистину сердце Руси всегда было, есть и будетъ:—Кіевъ псаломный градъ Царя великаго; горы окрестъ его и Господь окрестъ горъ!

Въ Десятинной церкви, усыпальницѣ св. Владиміра и Ольги, совершалъ божественную литургію Митрополитъ Арсеній, ознаменовавшій первый годъ своего святительства въ Кіевѣ столь утѣшительнымъ событіемъ для своей паствы. Во время литургіи выступилъ, изъ соборнаго храма Ярославова, крестный ходъ со святынею Софійскою: съ ковчегомъ, гдѣ

хранятся части мощей великомученицы Варвары и Равноапостольныхъ Просвѣтителей всея Руси и вселенной, Князя Владиміра и Царя Константина, и съ древнею чудотворною иконою Святителя Николая, заступника земли Русской. Икона всѣхъ скорбящихъ Радости присоединилась къ нимъ у церкви Златоустовой, на пути къ Десятинной; въ ея оградѣ ожидали они Владычняго хода, къ которому должна была постепенно присоединяться святыня прочихъ церквей, стоявшихъ на его торжественномъ пути; и вотъ вышелъ Владыка изъ храма Десятиннаго, со всѣмъ своимъ клиромъ, неся честный крестъ надъ главою для освященія водъ. Хоругвямъ церковнымъ предшествовали разноцвѣтные знаки всѣхъ цеховъ Кіевскихъ, а знамена воинскія слѣдовали за духовнымъ шествіемъ, для ихъ окропленія надъ возобновленнымъ источникомъ св. Владиміра; безчисленныя толпы народа двигались по сторонамъ, замедляя шествіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и придавая ему чрезвычайную торжественность.

Не по широкимъ улицамъ обновленнаго Кіева, стараго только по имени, потянулось шествіе; нѣтъ, оно послѣдовало той стези, которою шествовалъ нѣкогда самъ Равноапостольный Князь, изъ соборнаго храма Десятиннаго, мимо своихъ теремовъ и упраздненнаго имъ холма Перунова,—къ златоверхой обители Михайловской, знаменовавшей побѣду Архистратига надъ древнимъ врагомъ человѣческимъ. И вотъ съ того холма,

гдѣ водрузилъ Апостолъ первый крестъ, возвѣстивъ будущую славу Кіева, спустился по высокому крыльцу клиръ церковный, съ частицею мощей Первозваннаго, которая была принесена съ горы Аѳонской, какъ будто самъ Апостолъ нисходилъ видѣть исполненіе своихъ пророчествъ. Ковчежецъ мощей его понесли рядомъ съ ковчегомъ Софійскимъ Равноапостольнаго Просвѣтителя нашего, который водворилъ на Руси Христіанство, предсказанное Апостоломъ.—Какой отголосокъ на растояніи столькихъ вѣковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какой предметъ для благоговѣйныхъ думъ!— Это была первая торжественная встрѣча, вторая же у бывшаго холма Перунова, гдѣ, изъ первоначальной церкви Владиміровой, вынесъ икону его Ангела Протоіерей Трехсвятительскій, какъ-бы привѣтствуя св. Князя.

На каждомъ шагу историческое воспоминаніе! Далѣе изъ вратъ Златоверхой обители, основанной первымъ Митрополитомъ Кіевскимъ, во имя Ангела своего, вышелъ со всею братіею настоятель ея Епископъ Серафимъ, съ иконою Великомученицы, при пѣніи хвалебныхъ гимновъ. Опять остановилось торжественное шествіе и опять опустилъ съ главы своей Владыка крестъ осѣняльный, чтобы окадить святую икону и осѣнить на всѣ стороны стѣснившіяся толпы народа. Отселѣ, уже не лѣтописною стезею стараго Кіева, гдѣ сходили къ Почайнѣ во дни Владиміровы, ибо давно засыпанъ Боричевъ взвозъ, но по крутому

спуску, мимо Римскаго костела, тронулось шествіе на Крещатикъ.

Въ эту минуту, на встрѣчу главнаго Владычняго хода, долженъ былъ спускаться, мимо зелени Царскаго сада, другой крестный ходъ изъ Лавры Печерской, и чрезвычайно великолѣпно было бы соединеніе обоихъ у фонтана, на улицѣ Крещатика; но къ сожалѣнію Лаврскій нѣсколько опоздалъ и настигъ только у самаго схода въ глубокую юдоль къ источнику, во время чтенія молебнаго Евангелія. Крестное шествіе изъ Лавры было уже само по себѣ чрезвычайно величественно, потому что въ немъ участвовали, подъ предводительствомъ намѣстника Архимандрита Іоанна, двѣнадцать іеромонаховъ и весь клиръ великой церкви, со спискомъ чудотворной иконы Божіей Матери и драгоцѣннымъ образомъ Равноапостольнаго Князя, который принесло въ даръ усердіе Царское. Сюда же присоединилось духовенство всѣхъ Печерскихъ церквей, съ своею святынею, и Ректоръ семинаріи, какъ настоятель обители малаго Николая, со всею братіею, неся чудотворную икону Святителя. Толпы богомольцевъ устремились въ слѣдъ за святынею изъ Лавры, такъ что съ большимъ трудомъ могли соединиться оба крестные хода, въ тѣснотѣ долины, наводненной народомъ. Съ обѣихъ сторонъ были имъ унизаны всѣ горы снизу и до верху, какъ будто роскошный цвѣтникъ внезапно испестрилъ ихъ зелень, своенравными узорами самыхъ яркихъ и непрестанно движущихся плетеницъ.

Это было чудное зрѣлище, какого не можетъ себѣ представить самое пылкое воображеніе. Промежду сихъ живыхъ стѣнъ отрадно вѣяли хоругви и знамена, спускавшіяся къ источнику, а вдали, въ зеленой рамѣ разступившихся горъ, какъ-бы разсѣченныхъ одинокою колонною Крещатика, открывался синій Днѣпръ, съ бѣлыми парусами мимо плывущихъ судовъ и дальніе темные лѣса Черниговскіе. Давноминувшимъ дышало это настоящее; можно было перенестись духомъ въ первыя времена возникающей Руси, къ колыбели ея вѣры, когда по слову своего Князя, стремилась Русь съ тѣхъ же высотъ, такими же несмѣтными толпами, сюда на Почайну, ко всенародной своей купели. Тогда, какъ и теперь, единое чувство одушевляло всѣхъ; здѣсь можно было убѣдиться каждому до какой степени природна намъ сія священная почва Кіевская, и какъ несвойственно ей все чуждое, непропитанное роднымъ ей православіемъ, которое закрѣплено у насъ цѣлыми вѣками священныхъ преданій.

Но тѣмъ не ограничилось церковное торжество: третій крестный ходъ изъ всѣхъ церквей Подола, предводительствуемый Ректоромъ академіи Архимандритомъ Филаретомъ, съ иноками Братской обители и съ чудотворною иконою Богоматери, ожидалъ уже пришествія двухъ первыхъ, изъ стараго Кіева и Лавры. Такимъ образомъ тройственное ихъ соединеніе совокупило, единодушною молитвою, всѣ части

горняго и дольняго города у того священнаго источника, гдѣ, въ числѣ двѣнадцати сыновъ Владиміровыхъ, крестились и св. Страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ. Въ обновленной красѣ являлся памятникъ Крещатика надъ кладеземъ, гдѣ опять заструились живыя воды цѣлебнаго источника и пробивались фонтаномъ изъ водоема, какъ-бы радуясь, что вновь исторглись на Божій свѣтъ, изъ нѣдръ земли, послѣ долгаго запустѣнія.

Прежде нежели приступить къ освященію водъ, Митрополитъ произнесъ, надъ самымъ кладеземъ, умилительное слово, въ коемъ изобразилъ многовѣковую лѣтопись престольнаго Кіева и, начавъ отъ проповѣди Первозваннаго, возвѣстившаго благодать Божію на сихъ горахъ, обратилъ вниманіе слушателей на событіе сего пророчества. Владыка указывалъ постепенно на величественные храмы, коими украсился Кіевъ древній и новый, на святыню Софійскую и Златоверхую, на преподобіе Лавры, съ ея почіющими подвижниками во глубинѣ пещерной, и на выспренній храмъ Апостола, гдѣ водруженъ былъ первый крестъ. Тогда совершилъ освященіе и, что весьма замѣчательно, нечаянно опустилъ на дно кладезя крестъ Десятинный, какъ-бы для болѣе прочнаго основанія, такъ что долженъ былъ заимствовать для освященія другой крестъ, принесенный изъ Лавры.

Освятивъ источникъ, окропилъ Митрополитъ знамена воинскія около памятника, и крестный ходъ

сталъ обратно подыматься, по крутой стезѣ, къ старому Кіеву. На каждомъ шагу было замедляемо шествіе усердіемъ народа, который стремился принять благословеніе своего Архипастыря. Слышны были, изъ толпы, благодарные возгласы за обновленіе священнаго источника и давно желаннаго крестнаго хода. Какъ только отступило духовенство отъ кладезя, хлынули къ нему толпы богомольцевъ, чтобы зачерпнуть его живой струи, ибо, по давнему преданію, цѣлительны для глазъ воды сего источника,— быть можетъ въ память прозрѣнія самаго Равноапостольнаго Князя, при своемъ крещеніи. Весь этотъ день, отъ утра и до вечера, тѣснился народъ съ водоносами около кладезя, и доселѣ каждое утро дозари стекаются туда богомольцы, ибо преданіе гласитъ, что цѣлебная сила водъ сихъ дѣйственнѣе до восхожденія солнца.

Таково усердіе Кіевлянъ къ святому мѣсту, возвращенному молитвѣ и чрезъ то сдѣлавшемуся опять достояніемъ вѣрующихъ. Граждане собрали уже нѣсколько денегъ, чтобы устроить часовню при кладезѣ для охраненія его святыни; чему благопріятствуетъ близость его къ большой дорогѣ и купальнямъ, гдѣ въ лѣтніе дни, стекается все лучшее и богатое народонаселеніе города. Омывающіеся, ради прохлады, въ водахъ Днѣпра, пусть вспомнятъ о томъ духовномъ омовеніи грѣховъ, которое истекло нѣкогда на всю Русь, изъ сей первоначальной купели ихъ пред-

ковъ, и пусть каждый мимоходя принесетъ сюда свою лепту. Со временемъ устроится надъ кладеземъ и небольшая церковь во имя Равноапостольнаго Князя, на память крещенія всея Руси: ибо отселѣ собственно можно считать не только церковное, но и гражданское начало ея существованія, такъ какъ она вся переродилась чрезъ духовное свое просвѣщеніе.— Господь да благословитъ благое начинаніе!

1861 года.

V.

ОБНОВЛЕНІЕ КРЕЩАЛЬНИ СВ. ВЛАДИМІРА.

Повторилось и въ нынѣшнемъ году торжество прошлогоднее, и еще съ большимъ блескомъ: крестный ходъ къ крещальному памятнику св. Владиміра, на сей разъ обновленному, въ первобытной красотѣ своей, общественнымъ усердіемъ гражданъ Кіевскихъ и нѣкоторыхъ доброхотныхъ дателей.—Величественное зрѣлище сіе было достойно Кіева и древней его святыни, и здѣсь, во всей полнотѣ, представилось церковное значеніе матери нашихъ градовъ, обиліе духовнаго ея богатства, въ предносимыхъ чудотворныхъ иконахъ и многочисленности священнаго клира, при вѣяніи безчисленныхъ хоругвей —сихъ побѣдныхъ знаменъ воинствующей Церкви Господа Силъ. Горы Кіевскія, которымъ нѣкогда предсказалъ Апостолъ благодать Божію, покрыты были народомъ, уже воспріявшимъ сію благодать; густыя толпы его благоговѣйно спускались въ глубокую юдоль къ источнику, и всѣ окраины овраговъ унизаны были живою плетеницею самыхъ яркихъ красокъ: все это стремилось къ водамъ, какъ-бы на зовъ Равноапостольнаго. И, при этомъ всенародномъ стремленіи, глубокая царствовала тишина, такъ что ясно слышны были гимны,

воспѣваемые въ честь Просвѣтителей Руси. Здѣсь, въ этомъ церковномъ торжествѣ, вѣрнѣе и чище всякихъ политическихъ возгласовъ, выразилось исконное Русское Православіе Кіева и невольно вырывалось изъ устъ неодолимое сознаніе: что Кіевъ можетъ быть только сердцемъ Руси и ничѣмъ инымъ.

Много воспоминаній отечественныхъ и церковныхъ соединилось въ одинъ этотъ радостный день, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и днемъ воскреснымъ. Церковь совершала память шести вселенскихъ Соборовъ, утвердившихъ ея Православіе на незыблемомъ основаніи; праздникъ св. Ольги, случившійся въ теченіе недѣли, отнесенъ былъ, по новому порядку, къ тому же воскресному дню,—и такимъ образомъ вмѣстѣ совершалась память Равноапостольныхъ бабки и внука. Было сверхъ того и отечественное торжество, по случаю рожденія Великаго Князя Вячеслава Константиновича, который присовокупилъ имя своего Ангела, просвѣтителя Славянъ западныхъ, къ именамъ нашихъ родныхъ просвѣтителей. Повсемѣстный звонъ колоколовъ, въ продолженіе цѣлаго дня, придавалъ ему особенное торжество.

Митрополиту угодно было ознаменовать этотъ день заложеніемъ храма, въ честь св. Владиміра, который давно уже предполагалось соорудить на новыхъ мѣстахъ, близъ университета. Мѣсто сіе было избрано еще праведнымъ старцемъ, Митрополитомъ Филаретомъ, оставившимъ по себѣ столь благую па-

мять въ Кіевѣ. Но онъ не успѣлъ положить первый камень величественнаго собора, который хотѣлъ воздвигнуть по обновленному образцу древней св. Софіи. Обстоятельства измѣнились, и доброе намѣреніе отлагалось съ года на годъ; измѣнены были самые размѣры громаднаго зданія, по недостатку средствъ, и вотъ нынѣшнему Митрополиту Арсенію, возобновившему крестный ходъ на крещальню св. Владиміра, послѣ долголѣтняго ея запустѣнія, суждено было привести въ исполненіе давнее желаніе двухъ своихъ предмѣстниковъ и всѣхъ Кіевлянъ православныхъ.

Послѣ Божественной литургіи въ Десятинной церкви, обновленной недавно усердіемъ Царскимъ, двинулся крестный ходъ, отъ гроба Равноапостольнаго Князя, сперва на крещальный кладезь. Митрополитъ шелъ со крестомъ, во главѣ всѣхъ священнослужителей Стараго Кіева, которые несли святыню Софійскую и чудотворныя иконы ближайшихъ церквей. Предъ вратами Златоверхой обители встрѣтилъ его викарій Епископъ Серафимъ, со всею братіею Михайловскою. Умноженный ею ходъ спустился къ фонтану, у Царскаго сада, и тамъ соединился съ нимъ еще одинъ крестный ходъ, предводимый Намѣстникомъ Лавры, съ многочисленнымъ ликомъ ея иноковъ и клиромъ церквей Печерскихъ. Когда же они спустились въ долину, къ источнику св. Владиміра, тамъ, на обширной терассѣ, вновь устроенной около памятника, ожидалъ еще одинъ крестный ходъ всѣхъ По-

дольскихъ церквей, съ чудотворною иконою Братскія Божія Матери; такимъ образомъ три величественные хода, тройственными гимнами, слились во едино у священнаго источника.

Самый памятникъ, какъ фениксъ возродившійся изъ своего пепла, въ обновленной красѣ утѣшительно представился взорамъ идущихъ къ нему со всею святынею Кіева: ярко сіялъ въ лучахъ солнца, на темной синевѣ Днѣпра, бѣлый одинокій столпъ, увѣнчанный золотымъ крестомъ надъ легкимъ куполомъ, который имѣетъ видъ крещальной чаши. Рѣзко отличается бѣлизна колонны отъ темной, какъ бы гранитной арки, на которой она такъ легко поставлена, а подъ аркою самая часовня, и внутри ея источникъ, гдѣ крестилъ св. Владиміръ двѣнадцать своихъ сыновей и знатнѣйшихъ бояръ Кіевскихъ; чистая вода струится изъ вѣтвей креста въ чашу, надъ устьемъ крещальнаго кладезя. Двѣ великолѣпныя иконы Равноапостольныхъ, которая пожертвовала Лавра, уже поставлены на двухъ столбахъ часовни, и вся она постепенно украсится подобными иконами, столь же дорогаго письма.

Замѣчателенъ ликъ св. Ольги: по преданію, это есть вѣрное ея изображеніе съ древняго списка, подлинникъ котораго писанъ въ Царѣградѣ, послѣ ея крещенія, живописцемъ Императора Константина Багрянороднаго, и хранится въ родѣ Князей Бѣлосельскихъ. Греческими письменами начертано на иконѣ: ѳ

τοῦ γένους Ρώς Δεσπήνα, ἐπόιησε Γρηγορίως, ὁ ζογραφὸς Κονσταντίνου τοῦ Πορφηρογέννητου (сія есть Владычица племени Руссовъ, писалъ Григорій, живописецъ Константина Багрянороднаго). Тутъ будутъ и лики родственныхъ ей Святыхъ: Страстотерпцевъ Русскихъ, Бориса и Глѣба, Игоря, Михаила Черниговскаго, княжившаго въ Кіевѣ при разореніи Монгольскомъ; тутъ и Святители Кіева: Михаилъ и священномученикъ Макарій, и преподобные Печерскіе Антоній и Θеодосій, и Сергій, отецъ иночества на сѣверѣ Россіи,—и великій Арсеній, держава безмолвія, какъ Ангелъ нынѣшняго Владыки, при коемъ обновился священный памятникъ. Святитель Николай, избранный воевода и покровитель земли Русской, Великомученица Варвара, украсившая Кіевъ своими мощами, Первозванный Апостолъ, предвозвѣстившій благодатную его славу, и великій Предтеча Господень, станутъ также въ ликахъ Святыхъ, расположенные крестообразно на стѣнахъ часовни. Небо Ангельское и земное небо Преподобныхъ украсятъ ея своды, вмѣстѣ съ четырьмя изображеніями чудотворныхъ иконъ Божіей Матери: Нерушимой стѣны Софійской, Успенія, что надъ царскими вратами Лавры, и двухъ образовъ св. Софіи, Кіевскаго и Новгородскаго. Въ самомъ куполѣ Господь Вседержитель въ сонмѣ Ангеловъ; въ рукѣ его евангеліе, отверстое надъ самимъ устьемъ крещальнаго кладезя, съ такими словами св. Ев. Марка: «иже аще вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ». Такъ одна

мысль о благодатномъ крещеніи и память всѣхъ угодниковъ Божіихъ, прославленныхъ въ Кіевѣ, наполнятъ собою священную часовню, и дадутъ ей символическое значеніе о духовномъ обновленіи земли Русской.

Пусть красуется нѣкогда великій Новгородъ новымъ своимъ памятникомъ тысячелѣтія Руси, который мысленно возводитъ насъ еще къ языческимъ ея временамъ, по слову лѣтописца Нестора «откуда пошла земля Русская». Древняя матерь городовъ нашихъ, стряхнувъ съ себя прахъ своихъ развалинъ, утѣшительнѣе напомнитъ намъ эпоху духовнаго возрожденія нашего, и этотъ скромный, крещальный памятникъ Равноапостольнаго послужитъ свидѣтельствомъ девятисот-лѣтняго Христіанства Руси, которая съ того только времени и получила свою самобытность. Въ Новгородѣ будутъ съ изумленіемъ смотрѣть на благолѣпныя изваянія роскошнаго памятника, гдѣ вся наша исторія представлена въ лицахъ, и великіе ея дѣятели обозначаютъ собою различныя грани сей тысячелѣтней славной лѣтописи, которой начальный свитокъ въ рукахъ мудраго Нестора. Здѣсь же въ смиренномъ Кіевѣ, иной Несторъ, глаголемый некнижный, почіющій также въ пещерахъ, не словомъ лѣтописи, но духомъ молитвы, повлечетъ благоговѣйныхъ чтителей священной старины, къ бывшему устью Почайны, откуда дѣйствительно пошла земля Русская, возрожденная въ этомъ Іорданѣ. Мимо всѣхъ событій минувшаго, каждый чувствуетъ тутъ духов-

ное родство свое съ Просвѣтителемъ Руси, по внутреннему сознанію своего Христіанства,—ибо это все духовныя его дѣти, которыхъ ему далъ Богъ, по слову псаломному, какъ и тѣ двѣнадцать сыновей, которыхъ онъ крестилъ въ этой купели. Собственное его исцѣленіе отъ слѣпоты не только духовной, но и тѣлесной, въ водахъ крещенія, освятило давнимъ преданіемъ и сію купель, ибо здѣсь болящіе глазами, получаютъ прозрѣніе, если только умоются въ водахъ источника до восхожденія солнца. Благоговѣйное чувство къ сему кладезю, переходящее безотчетно отъ отцевъ къ дѣтямъ, безчисленными стопами богомольцевъ пробило девятисот-лѣтнюю стезю, въ горахъ Кіевскихъ, на источникъ Владиміровъ:—сюда текутъ волны народныя, не считая годовъ и столѣтій, мимо протекшихъ, со всѣми ихъ бурями, и многое стершихъ съ лица земли:—ибо у Господа день единъ какъ тысяча лѣтъ, и тысяча лѣтъ какъ единъ день, символъ же Христіанства—вѣчность, безъ различія временъ.

Отъ источника поднялись всѣ три крестные хода: Старокіевскій, Печерскій и Подольскій на возвышенную террассу, гдѣ стоитъ иной гражданскій памятникъ св. Владиміру—громадное бронзовое его изваяніе на высокомъ пьедесталѣ, господствующее надъ долиною Крещатика, и бывшимъ устьемъ Почайны и привольнымъ теченіемъ Днѣпра. Большой крестъ въ рукахъ Равноапостольнаго, а у подножія изображена картина крещенія Руси. Толпа народа обступила памятникъ,

какъ-бы пріютившись подъ сѣнь его креста; около него торжественно двигались, по окраинѣ горы, побѣдныя хоругви многочисленнаго клира. Митрополитъ поднялся на чугунныя ступени, окропилъ памятникъ и, съ высоты ихъ, осѣнилъ крестомъ во всѣ стороны, какъ-бы отъ лица Равноапостольнаго, исполняя то, что и самъ онъ готовъ бы былъ сдѣлать въ сію радостную минуту. И воды и горы Кіевскія—все будто бы отозвалось осѣняющему ихъ пастырю. Это было самое торжественное благословеніе, какое можно себѣ вообразить въ столь великолѣпной рамѣ, вполнѣ достойное того именитаго urbi et orbi, которымъ хвалится Римъ.

Оттуда двинулся общій ходъ по зеленой терассѣ, подъ сѣнію тополей, на вершину горы, къ обители Михайловской, по новой дорогѣ, для него прокопанной въ углубленіи горы, и направился мимо собора Софійскаго, прямо къ тому мѣсту, гдѣ должна была совершиться закладка храма. Проходя мимо памятника св. Ирины, который поставленъ надъ развалинами ея церкви, Митрополитъ остановился, обошелъ кругомъ колонну и окропилъ ее святою водою; потомъ, въ виду древнихъ Златыхъ воротъ Ярослава, осѣнилъ издали сей торжественный входъ Великихъ Князей Русскихъ, Ольговичей и Мономаховичей, въ ихъ столицу, которую оспаривали другъ у друга. Златыми вратами окончилась лѣтописная мѣстность Стараго Кіева, и начались такъ называемыя Новыя мѣста,

надъ коими господствуетъ университетъ св. Владиміра. Не доходя его, на обширной площади, избрано мѣсто для новаго храма Равноапостольному, и тутъ совершилась торжественная закладка, въ присутствіи всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ властей Кіева. Митрополитъ заключилъ священный обрядъ назидательнымъ словомъ, напомнивъ намъ, новому Израилю, судьбы стараго, чтобы мы не превозносились посреди нашего величія и смиренно сознавали свое недостоинство, усердіемъ къ Церкви выражая любовь свою къ Богу.

День спустя, еще одно церковное торжество совершилось въ близь-лежащемъ Вышгородѣ, бывшемъ селѣ Ольгиномъ, которое всегда было удѣломъ наслѣдника Велико-княжескаго престола, и гдѣ, до разоренія Монгольскаго, открыто почивали мощи св. Князей Бориса и Глѣба. Тамъ усердіе мѣстнаго священника, въ весьма скорое время, хотя и съ весьма скудными средствами, соорудило каменную церковь во имя св. Страстотерпцевъ, вмѣсто убогой деревянной, приходившей въ ветхость. Новое зданіе поставлено отчасти на старомъ фундаментѣ великолѣпнаго храма Мономахова, который стерла съ лица земли буря Монгольская; но утѣшительно было видѣть хотя и небольшую церковь каменную на этомъ священномъ мѣстѣ, которое господствуетъ надъ всею долиною Днѣпровскою и далеко видно изъ Кіева. Неутомимый Архипастырь, какъ-бы забывъ трудный свой подвигъ въ день св. Владиміра, съ обновленными силами

явился на освященіе храма сыновей Равноапостольнаго, которыхъ купель только что обновилъ въ долинѣ Крещатика.

И на слѣдующій день продолжалъ онъ Святительскій свой подвигъ, спустившись съ Вышгорода въ Межигорье, гдѣ совершилъ св. литургію въ храмѣ Преображенія, бывшей знаменитой обители, которой запустѣнія нельзя видѣть равнодушно. Уже обновилась Святогорская, опустошенная тою же рукою Таврическаго Князя; неужели же не обновится и Межигорская, которая создана для безмолвія иноческаго въ своихъ глубокихъ удоліяхъ и роскошныхъ садахъ, нынѣ уже заглохшихъ, на красныхъ берегахъ Днѣпра? Отрадно было видѣть благолѣпное служеніе Митрополита въ величественномъ храмѣ, который соорудилъ Патріархъ нашъ Іоакимъ, бывшій послушникомъ Межигорскимъ. Оно мысленно переносило насъ къ лучшимъ временамъ сей древней обители, которой имя было такъ громко во всѣхъ предѣлахъ южной Россіи.

1862 года.

ПРОЩАНІЕ СЪ МЕЖИГОРЬЕМЪ.

Не могу тебѣ довольно высказать, любезный другъ, какое грустное оставила во мнѣ впечатлѣніе послѣдняя моя поѣздка въ Межигорье, 6-го Августа на храмовой праздникъ упраздненной обители. Казалось, все благопріятствовало этой поѣздкѣ: и погода была великолѣпная, и общество пріятное, и новый хозяинъ монастырскаго помѣстья—человѣкъ весьма радушный, съ европейскою образованностью: чего бы еще желать болѣе? И со всѣмъ тѣмъ у меня тяжко было на сердцѣ, какъ бы на похоронахъ кого либо изъ присныхъ... И дѣйствительно, это было отпѣванье, но только не одного человѣка, а цѣлой обители, которая, казалось, никогда не должна бы умирать на святой Руси. Я говорю—отпѣванье, потому что собравшіеся тутъ иноки Печерской Лавры, которые, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, опять завѣдывали бывшею обителью Межигорскою, совершали въ послѣдній разъ храмовой ея праздникъ Преображенія, съ тѣмъ чтобы болѣе уже туда не возвращаться, потому что они должны были передать древнее благолѣпное святилище Патріарха всея Руси Іоакима—въ руки свѣтскаго владѣльца и сельскаго священника.... Вотъ

почему такъ глубоко отзывались въ душу каждый звукъ, каждое слово ихъ торжественнаго богослуженія, по бывшему здѣсь искони чину иноческому, которое должно было замѣниться убогою, сельскою службою. Видно было, что и братія Лаврская, и тѣ изъ мірянъ, которые понимали, что тутъ происходило, глубоко были проникнуты этимъ послѣднимъ служеніемъ, съ которымъ сопряжено было конечное паденіе древняго Межигорья

Надобно же было широкой рукѣ Князя Таврическаго, который такъ легко умѣлъ и ломать и созидать, по ненависти своей къ Запорожской Сѣчи, сокрушить священную для нея обитель Межигорья! Она вспыхнула, по его манію, наканунѣ Царскаго посѣщенія Екатерины, и вслѣдъ за тѣмъ опустѣла. Но то, что, можетъ быть, было отчасти нужно тогда, едва ли необходимо теперь, ибо отнюдь не страшны намъ нынѣ бродящія тѣни отжившаго Запорожья на красныхъ берегахъ Днѣпра. По странной игрѣ случая, фаянсовая фабрика заступила мѣсто древней обители; она держалась тутъ до полувѣка на своемъ глиняномъ основаніи, доколѣ казна не нашла болѣе для себя выгоднымъ отдать фабрику сперва въ аренду, которая совершенно ее разорила, а наконецъ продать, какъ простое помѣстье, въ частныя руки. Этотъ послѣдній уронъ чувствительнѣе всѣхъ прежнихъ, потому что пока еще фабрика принадлежала казнѣ,—храмы были обезпечены этою самою при-

надлежностью, и надежда на возстановленіе древней обители могла когда либо осуществиться. Соборный храмъ не весьма давно былъ даже обновленъ, послѣ бывшаго пожара, на церковныя деньги, коихъ израсходовано до 50 тысячъ. Но какъ скоро святыня сія перешла, на правахъ обыкновеннаго помѣстья, въ частныя руки, то уже исчезла всякая надежда на обновленіе Межигорья средствами духовенства, и древняя его святыня ничѣмъ не обезпечена, кромѣ доброй воли помѣщика.

И однако какъ только пронеслась молва о томъ, что казна будетъ продавать Межигорье съ аукціона, Лавра Печерская озаботилась пріобрѣсти сію древнюю обитель, тѣмъ болѣе что, по упраздненіи фабрики и до ея продажи, два благолѣпныхъ храма были переданы въ руки Епархіальнаго начальства, и нѣсколько монашествующихъ братій водворились въ ближайшихъ келліяхъ, прилегающихъ къ самому храму Преображенія. Народъ, издавна привыкшій уважать сію древнюю обитель, началъ опять въ нее стекаться, привлекаемый стройнымъ служеніемъ иноковъ, которое для простыхъ людей замѣняетъ катихизическое ученіе. Лавра предложила 65 т., то есть, ту сумму, которая объявлена была первоначально для торговъ, обязуясь уплатить ее съ процентами въ короткіе сроки; но не смотря на то, Межигорье было продано въ частныя руки, за сумму хотя нѣсколько и высшую, но весьма выгодную для покупателя, потому

что она разсрочена на 10 лѣтъ безъ процентовъ, на что конечно бы съ охотою согласилась и Лавра. При условіяхъ продажи, не было возложено никакихъ обязательствъ на помѣщика, касательно неприкосновеннаго соблюденія древней святыни въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ нынѣ, не смотря на ея историческое достоинство, ибо, какъ я уже сказалъ выше, главный соборъ Преображенія, напоминающій собою Лаврскую великую церковь, былъ сооруженъ знаменитымъ Патріархомъ Іоакимомъ, который принялъ постриженіе въ Межигорской обители; а другая, также весьма благолѣпная церковь, построена во имя Верховныхъ Апостоловъ, славнымъ Гетманомъ Запорожья Петромъ Конашевичемъ-Сагайдачнымъ. О прочихъ именитостяхъ и древностяхъ обители воспоминать теперь было бы излишнимъ: все ея былое стерто однимъ почеркомъ пера въ продажномъ актѣ, какъ будто никогда его и не было. Одно только условіе въ немъ оговорено касательно церквей: это то, чтобы Епархіальное начальство, въ назначеніи приходскаго священника для Межигорья, согласовалось съ выборомъ помѣщика, который будетъ платить причту извѣстное жалованье, то есть отдала бы церкви въ полное его распоряженіе, и надобно пожелать, чтобы первый его выборъ былъ удаченъ, особенно послѣ бывшаго тутъ благолѣпія.

Какъ Русскій, какъ православный, я не могу не сочувствовать такому урону, не только церковному,

но и археологическому и нравственному, по тому впечатлѣнію, какое оно здѣсь произвело на почитателей древней Святыни, въ краю Западномъ, гдѣ еще такъ свѣжа память борьбы нашей съ Латинствомъ, противъ котораго твердымъ оплотомъ стояло всегда Межигорье; сообщаю и тебѣ, какъ тоже Русскому и православному, мое горе, тѣмъ болѣе чувствительное, что нынѣшнее положеніе бывшей обители сдѣлалось уже безвыходнымъ...

Прости, Межигорье, съ твоими великими дубами, которые слывутъ «Владиміровыми», и которые однако не пощадилъ топоръ прежняго арендатора, коснувшійся и фруктоваго лѣса и окрестныхъ садовъ обители! Прости, со всѣми воспоминаніями выходцевъ св. горы Аѳонской, тебя основавшихъ, и всѣхъ великихъ тружениковъ, которые подвизались въ твоихъ живописныхъ ущеліяхъ, и тѣхъ великихъ мужей Церкви и отечества, коими ты въ свое время прославилась! Прости и съ поэтическою памятью рыцарскаго удальства Сѣчи Запорожской, ограждавшей и тебя и весь южный край отъ Латинства! Все для тебя миновалось, и словно не было для тебя никогда твоего былаго... Древняя священная обитель, это перло всей Малороссіи, опять обращается въ фабрику... Да, *девятнадцатый* промышленный вѣкъ, беретъ свое и на святой Руси.

1868.

VI.

СУДЬБА АНДРЕЕВСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ КІЕВѢ.

Есть мѣсто на Руси, въ древней матери городовъ нашихъ, тотъ священный холмъ, гдѣ, по давнему преданію, записанному въ Несторовой повѣсти временныхъ лѣтъ, Первозванный Апостолъ водрузилъ первый крестъ, и отъ подножія сего креста пошла Русская земля. Кажется мѣсто сіе должно бы быть священно для всецѣлаго народа, и Великой, и Малой, и Бѣлой, и Новой Россіи!—И дѣйствительно, съ незапамятныхъ временъ, оно почитаемо было въ Кіевѣ, какъ только просвѣтился онъ вѣрою Христовой. Съ XI вѣка внукъ Равноапостольнаго Князя, Всеволодъ, созидаетъ тутъ дѣвичью обитель во имя Первозваннаго; сто лѣтъ спустя, другой благочестивый Князь Кіевскій, Мстиславъ, ставитъ нѣсколько ниже церковь Кресто-Воздвиженскую, чтобы увѣковѣчить память креста, водруженнаго Апостоломъ на горахъ Кіевскихъ, гдѣ должна была возсіять благодать Божія.

Но не протекло и тридцати лѣтъ послѣ сооруженія сей церкви, какъ внезапно обрушилась, въ разгромѣ Монгольскомъ, вся святыня Стараго Кіева и долго оставалась въ развалинахъ. Святая Софія, болѣе другихъ уцѣлѣвшая, обитель Михайловская и

Лавра Печерская, уже опять оглашались божественными гимнами, но еще совершенное запустѣніе тяготѣло на пепелищѣ града собственно Владимірова, въ его акрополисѣ, какъ-бы стертомъ съ лица земли, потому что тутъ, около Десятиннаго собора, упорнѣе была защита противъ Монголовъ. Не ранѣе какъ въ XVI столѣтіи, когда великій Святитель Петръ Могила, изъ рода Господарей Молдавскихъ, возсѣлъ на каѳедру Кіева, начали мало по-малу обновляться давно заброшенныя развалины; властной рукою воздвигъ онъ, хотя и въ маломъ видѣ, остатокъ Десятинный и церковь Трехъ Святителей на бывшемъ холмѣ Перуна.

Но холмъ Первозваннаго еще болѣе ста лѣтъ ожидалъ обновленія своей святыни, отъ другой державной руки, дабы не утратилась память о водруженіи перваго креста Апостоломъ, съ предсказаніемъ грядущей славы нашей родины: начало Христіанства было поистинѣ и началомъ величія державы Русской, ибо она утвердилась на незыблемомъ камени вѣры Христовой. Явился и геніальный исполнитель благочестиваго желанія дочери Великаго Петра, зодчій Растрелли, какихъ дотолѣ еще не видала Россія и едва-ли когда увидитъ, который какъ-бы угадалъ самую мысль Первозваннаго и олицетворилъ ее храмомъ. Геній Италіи, великій Микель-Анджело, довершая храмъ Верховныхъ Апостоловъ, надъ ихъ гробомъ, похвалился: что онъ возметъ Пантеонъ древняго Рима и поставитъ его на воздухѣ, и онъ исполнилъ смѣлое

свое обѣщаніе, громаднымъ куполомъ дивной базилики Ватиканской. Растрелли еще болѣе отважный, создавъ уже, въ своихъ предначертаніяхъ, соборъ Исаакіевскій для сѣверной столицы, прежде нежели поставить его на землѣ, вздумалъ поднять его какъ-бы на воздухъ, надъ горами Кіевскими, и осуществилъ на ихъ вершинѣ тотъ чудный планъ, которому не суждено было исполниться на главной площади Петрова града. Храмъ Первозваннаго доселѣ паритъ въ небѣ, едва касаясь земли, какъ бы нѣкое видѣніе временъ Апостольскихъ.

Если бы такое чудное зданіе, нигдѣ еще не повторявшееся по своей смѣлости и красотѣ, существовало за границею (не говоря уже о святости и значеніи самаго мѣста), не было ли бы оно постояннымъ предметомъ заботъ церковныхъ и государственныхъ? Да и какъ не озаботиться, чтобы неоцѣненное сіе сокровище сохранилось нерушимо и не прикоснулась къ нему рука времени; чтобы не подѣйствовали на него бури и непогоды, съ которыми борется оно на окраинѣ утесовъ; чтобы родная земля удержала на своей почвѣ это геніальное созданіе, какъ-бы готовое улетѣть на небо, если его не оцѣнитъ земля. Не благоговѣетъ ли вселенная предъ куполомъ Ватиканскимъ? Не изумляются ли и здѣсь, въ родномъ нашемъ Кіевѣ, всѣ приходящіе, и Русскіе, и иностранцы, смѣлому произведенію геніальнаго художника?

Дѣйствительно изумляются.... и только! а чудному зданію угрожаетъ опасность, но объ этомъ только

молча пожимаютъ плечами! Казалось, за границею, озолотили бы такое сокровище, какъ и было оно нѣкогда позолочено внутри и снаружи, по всѣмъ своимъ легкимъ карнизамъ и капителямъ Коринѳскихъ колоннъ; но все это давно уже стерло время, а люди, помогая времени, безпечно подкапывали основаніе храма, роясь въ окрестной землѣ. Какая странная и вмѣстѣ горькая участь сего драгоцѣннаго святилища, забытаго и преданнаго запустѣнію почти отъ самаго своего начала! Какой тяжкій укоръ нашему равнодушію, и къ святости мѣста, и къ генію зодчаго! А когда наконецъ поколеблется оно на своихъ основаніяхъ и мы лишимся милліоннаго зданія, то едва ли будемъ въ силахъ возстановить падшее, сколь бы ни было прискорбно для насъ зрѣлище такихъ развалинъ, когда теперь еще не многихъ стоило бы усилій предупредить это бѣдствіе.

Въ 1747 году положенъ былъ первый камень, рукою Императрицы Елисаветы, и хотя ничего не щадила она для прочнаго сооруженія благолѣпнаго храма, но работы шли медленно отъ глубины фундамента, и величественное зданіе довершено было только предъ самою кончиною царственной его основательницы. Оно оставалось не освященнымъ въ первыя шесть лѣтъ царствованія Екатерины II и, отъ недостатка надзора, понесло значительныя поврежденія. Не ранѣе 1767 года, по настоянію Кіевскаго Губернатора Воейкова, разрѣшено было освятить давно

оконченный храмъ, но безъ всякаго пособія для необходимыхъ исправленій. Митрополитъ Арсеній Могилянскій, освящавшій храмъ, долженъ былъ для него пожертвовать всю утварь, но не было назначено особаго причта и церковь исключили изъ числа ружныхъ, хотя продолжала она слыть въ народѣ *Государевою*, по благоговѣйной памяти царственной храмозда́тельницы. А между тѣмъ быстро увеличивались поврежденія, оттого что не были отведены при самомъ началѣ всѣ родники, вредившіе основанію. Тогда Императрица повелѣла коммиссіи о церковныхъ имуществахъ, пріискать средства для поддержанія храма, но протекло 18 лѣтъ въ тщетной перепискѣ между этою коммиссіею и Кіевскимъ магистратомъ и, въ продолженіи сего времени, многое еще пришло въ ветхость въ великолѣпномъ зданіи, а убожество дошло до такой степени, что настоятель его долженъ былъ испрашивать себѣ, какъ милостыни, ризы для богослуженія.

Наконецъ ревностный Митрополитъ Самуилъ, видя, что теряется дорогое время въ безполезной перепискѣ, рѣшился лично ходатайствовать о помощи предъ Намѣстникомъ Малороссіи графомъ Румянцовымъ. Герой Задунайскій понялъ всю важность сего храма и поступилъ энергически, какъ онъ привыкъ всегда дѣйствовать: въ одинъ годъ было имъ сдѣлано болѣе чѣмъ въ предъидущіе 18 лѣтъ; до 7,000 руб. отпущено изъ городской думы, исправлены всѣ ветхости и отведенъ угрожавшій источникъ, а Митро-

политъ Самуилъ, не ожидая ни откуда болѣе помощи, снабдилъ церковь Первозваннаго старою разницею изъ упраздненныхъ обителей.

Съ тѣхъ поръ церковь стала сама себя, хотя и скудно, поддерживать свѣчнымъ сборомъ и милостынею богомольцевъ, ежегодно посѣщающихъ святыню Кіевскую; но этого едва достаточно было на содержаніе причта и на исправленіе нѣкоторыхъ ветхостей, не терпящихъ отлагательства; отъ казны же не было положено ежегоднаго пособія для поддержанія сего лучшаго памятника нашей церковной архитектуры. Однажды только, въ 1844 году, отпущено 22,000 руб. для устройства чугунной лѣстницы и паперти храма, и куполы его были обшиты бѣлой жестью, но уже не возобновилась позолота карнизовъ и лѣпныхъ украшеній извнѣ и внутри святилища.

А между тѣмъ храму Первозваннаго опять угрожаетъ прежняя опасность отъ осѣдающей кругомъ него горы. Весьма неосторожно было дозволено, въ 1846 году, построить большой домъ подъ самой его терассой, и когда начали срывать валъ, чтобы очистить мѣсто, засыпали землею тайные родники; отъ сего образовались большія трещины въ горѣ, по временамъ умножающіяся при обвалѣ весеннихъ снѣговъ; не говорю уже о неблаговидной наружности самаго дома, который заслонилъ съ южной стороны величественное зданіе Растрелли. Оно было выдано такимъ образомъ на произволъ сосѣдей, какъ и са-

мый холмъ его, гдѣ каждый могъ добывать себѣ глину и песокъ и свозить на него всякую нечистоту, а дождевыя струи, разливаясь изъ согнившихъ трубъ, подмываютъ фундаментъ паперти и буравятъ около нея землю.

Началось опять, на многіе годы, составленіе проэктовъ и смѣтъ, для укрѣпленія горы и устройства водопріемниковъ подъ чугунной папертью, которая грозитъ разрушеніемъ; но еще много пройдетъ времени пока утвердятся эти смѣты, безпрестанно измѣняемыя, и пока пріищутся необходимыя для сего деньги, а время не терпитъ и гора ежедневно обваливается, хотя и начали теперь, по случаю устройства городскаго сада на Андреевской горѣ, возводить уступами терассы съ юговосточной стороны храма, чтобы укрѣпить его основный холмъ; но нельзя довершить успѣшно эти работы, если не будутъ отведены дождевые струи, подмывающія паперть.

Русское *авось* довольно надежно, но и оно однако бываетъ крѣпко только до поры, до времени, а какъ начнется разрушеніе, то уже нельзя будетъ остановить его никакими проэктами.—Неужели на святой Руси не достанетъ средствъ для поддержанія столь чуднаго храма, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ Первозванный Апостолъ водрузилъ первый крестъ, предсказавъ будущую славу нашего отечества, ибо сія гора была высшею каѳедрою, отколѣ распространилось Христіанство по всей Россіи. Если бы этотъ чудный

памятникъ Растрелли возобновился опять въ прежней красѣ своей, раззолоченный внутри и снаружи,—какое бы это было украшеніе не только для Кіева, но и для всей Россіи, которая имъ гордится?—Зардѣютъ ли когда либо, въ нашемъ полуденномъ небѣ, золотые его куполы, какъ вѣнецъ Христіанства земли Русской?

Если въ Вильнѣ нашлось довольно средствъ, чтобы изъ денегъ собранныхъ послѣ мятежа, возстановить поруганную святыню въ древле-православной Литвѣ, то неужели здѣсь, въ родномъ нашемъ Кіевѣ, не найдется такихъ же источниковъ, для полнаго обновленія храма Первозваннаго на его первобытномъ утесѣ, и для довершенія того обѣтнаго собора, который сооружаетъ вся земля Русская во имя Равноапостольнаго ея просвѣтителя, близъ самаго разсадника просвѣщенія?—Но увы! здѣсь идетъ рѣчь уже не о благолѣпномъ украшеніи храма, а только о его утвержденіи на вершинѣ горы, гдѣ угрожаетъ ему опасность, которую думаютъ отклонить однимъ лишь равнодушнымъ словомъ: «устоитъ, если до сихъ поръ не упалъ!»

Давно ли завѣтная гора сія, которой одно имя должно быть священно для каждаго Русскаго, была предметомъ общаго нареканія и позора, отъ той нравственной нечистоты, которой она была обречена сверху и до низу? Можно надѣяться, что не возобновится опять этотъ позоръ, потому что будетъ об-

ращено вниманіе къ священной мѣстности, отовсюду здѣсь окруженной церквами и обителями, въ числѣ коихъ единственный въ Кіевѣ женскій монастырь и духовная семинарія. Если равнодушенъ Кіевъ къ своему родному святилищу, предоставляя убогой лептѣ богомольцевъ поддерживать это вѣковое зданіе,—не подвигнется ли православная Россія и не вспомнитъ ли о своемъ неоцѣненномъ сокровищѣ, при его непрестанной борьбѣ со всѣми стихіями, доколѣ еще стоитъ на высяхъ горныхъ этотъ чудный храмъ, какъбы олицетворяющій собою самаго Апостола, когда онъ осѣнилъ крестомъ своимъ всю землю Русскую!

1864 года.

ЮБИЛЕЙ АНДРЕЕВСКОЙ ЦЕРКВИ.

Исполнилось благочестивое желаніе жителей Кіева!—храмъ Первозваннаго, этотъ чудный памятникъ зодчества геніальнаго Растрелли, возобновленъ опять въ прежней красѣ своей, раззолоченный внутри и снаружи, и зардѣлись золотые верхи его въ нашемъ полудневномъ небѣ, какъ вѣнецъ Христіанства земли Русской. Будетъ утвержденъ и тотъ завѣтный холмъ, гдѣ водрузилъ Апостолъ первый крестъ въ залогъ просвѣщенія нашего. Десница Царская положила основаніе храму; десница Царская и обновила его, изливъ нынѣ обиліе своихъ щедротъ на святилище, которое служитъ украшеніемъ не только Кіеву, но и для всей Россіи.—Памятенъ будетъ для древней матери городовъ нашихъ день его столѣтняго юбилея 19 Августа. Все было устроено, чтобы придать торжеству церковному подобающее великолѣпіе и знаменательность, которая бы соотвѣтствовала самой мѣстности и значенію сего праздника.

Въ близь лежащей Десятинной церкви собралось многочисленное духовенство и всѣ свѣтскія власти, какъ въ древнѣйшемъ каѳедральномъ соборѣ святаго Князя Владиміра, а на самой ракѣ Равноапостольнаго положены были драгоцѣнные дары Царскіе: священная икона Господа Вседержителя, пожалованная Государемъ Императоромъ, и изящное Евангеліе, благоговѣйное приношеніе Государя Цесаревича и Цесаревны. Старшіе священнослужители обѣихъ степеней, пресвитерской и діаконской, облачались въ богатыя голубыя ризы, орденскаго цвѣта, съ вытканными на нихъ серебряными орлами и крестами Первозваннаго, которыя за нѣсколько только дней, присланы были царственнымъ усердіемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ къ радостному торжеству юбилея.

За сто лѣтъ предъ симъ, во дни великой Екатерины, довершившей зданіе Императрицы Елисаветы, Арсеній Могилянскій, Митрополитъ Кіевскій, Галицкій, и тогда еще всея Малороссіи, освящалъ великолѣпный храмъ сей, при сослуженіи Епископа Далматскаго, Настоятеля Лавры, Архимандритовъ Братскаго и Пустыннаго, Выдубицкаго и иныхъ обителей Кіевскихъ. Имена сихъ обителей повторились и нынѣ, ибо настоятели Братскаго и Пустыннаго присутствовали въ лицѣ обоихъ Ректоровъ Академіи и Семинаріи; тутъ же были и старецъ Выдубицкій и Намѣстникъ Лавры, которые съ осмью Протоіереями со-

служили Владыкѣ Кіевскому. Но что весьма замѣчательно: повторилось и самое имя Арсенія въ лицѣ маститаго Первосвятителя нашего. Съ нимъ были два Епископа, его викарій и ревностный Іоаннъ, поспѣшившій изъ Переяславля ко дню юбилея. Лице же пришельца Далматскаго, бывшаго при первомъ освященіи храма, замѣнялъ отчасти Епископъ Болгарскій, присутствовавшій, хотя и безъ служенія, при нынѣшнемъ его обновленіи. Такъ согласно отразилось минувшее въ настоящемъ!

Облаченные Святители подошли къ священной ракѣ Просвѣтителя нашего; Митрополитъ поднялъ съ нея драгоцѣнное Евангеліе и вручилъ Епископу Полтавскому, подалъ затѣмъ икону Первозваннаго Епископу Чигиринскому, своему Викарію, а самъ взялъ Царскую икону Господа Вседержителя, и двинулся крестный ходъ изъ Десятиннаго храма къ высокой лѣстницѣ Андреевскаго холма, при чрезвычайномъ стеченіи народа, предшествуемый разноцвѣтными значками всѣхъ городскихъ цѣховъ Кіева. Поразительно было это торжественное шествіе, когда подымалось оно по чугуннымъ ступенямъ величественнаго крыльца на паперть Андреевскую.

Совершено было посреди храма освященіе воды и двинулось опять вокругъ него церковное шествіе. Четыре Архимандрита подняли серебряную раку, въ которой хранится часть мощей Первозваннаго, принесенная паломникомъ Русскимъ съ горы Аѳонской,

мезинецъ священной стопы его, стоявшей нѣкогда на этомъ холмѣ, при водруженіи имъ честнаго креста:—такимъ образомъ самъ Апостолъ, какъ-бы соприсутствовалъ крестному ходу въ предносимой ракѣ, утверждая своимъ осѣненіемъ и холмъ и храмъ свой. Владыка окроплялъ ихъ святою водою, останавливаясь на четырехъ странахъ церкви для литіи, и осѣняя Царскою иконою Вседержителя. Онъ воздвигалъ ее высоко надъ главами молящагося народа и надъ всѣмъ Кіевомъ, который простирался вокругъ во всей красѣ своей, у подножія завѣтнаго холма, съ своими златоверхими церквами, предсказанными Апостоломъ, и съ синимъ Днѣпромъ, по водамъ коего онъ нѣкогда пришелъ.—Картина чудная!—Вся паперть была обставлена кругомъ цвѣтными значками, между коими стройно двигались церковныя хоругви, кресты и иконы, съ ликами священнослужителей, при пѣніи гимновъ на выспреннемъ холмѣ.—Казалось шествіе совершалось между небомъ и землею, въ синевѣ прозрачнаго эѳира, ярко проникнутаго полуденнымъ солнцемъ.—Это было какъ-бы нѣкое видѣніе, мгновенно облиставшее горній храмъ и опять исчезнувшее во глубинѣ его предъ благоговѣющею землею.

Послѣ торжественнаго хода, Митрополитъ произнесъ молитву на обновленіе храма, и вслѣдъ затѣмъ трогательную рѣчь, въ которой объяснилъ значеніе радостнаго дня и судьбы обновляемой церкви, возбуждая тѣмъ благоговѣніе въ душахъ слушателей.

Началась божественная литургія, совершаемая тремя Архіереями, съ полнымъ великолѣпіемъ церковнымъ, какого доселѣ не видалъ храмъ Первозваннаго со дня его освященія. Умилительно было пѣніе ликовъ. Вмѣсто причастнаго стиха, настоятель церкви взошелъ на высокую каѳедру, на которую давно не восходили проповѣдники, противъ обновленнаго Царскаго мѣста, и сказалъ краснорѣчивое слово о томъ, что нѣкогда было съ симъ храмомъ, о его славномъ началѣ и послѣдовавшемъ затѣмъ оскудѣніи и нынѣшнемъ обновленіи отъ щедротъ Царскихъ; онъ перешелъ отъ описанія вещественнаго храма къ высокому значенію храма духовнаго, т. е. души Христіанской, которую прообразуетъ собою внѣшній храмъ, и призывалъ насъ къ охраненію сей внутренней святыни нашей.—Такъ совершилось духовное торжество.

Окинемъ взорами и мы красоту внутреннюю обновленнаго храма, послѣ долгаго его оскудѣнія, и подивимся изяществу зодчества и символическому значенію украшеній.—Не напрасно самъ Первозванный Апостолъ изображенъ при входѣ, на сводахъ своей церкви, которую благословляетъ, воздвигая въ ней крестъ, съ такимъ изреченіемъ изъ перваго посланія къ Коринѳянамъ: «по благодати Божіей данѣй мнѣ, яко премудръ архитектонъ основаніе положихъ.» (гл. III, ст. 10).

Вся церковь раззолочена внутри, по всѣмъ сво-

имъ окнамъ и дверямъ, самыми изящными узорами, которые сплетены изъ раковинъ, вѣтвей и цвѣтовъ, съ чрезвычайнымъ разнообразіемъ, во вкусѣ XVI вѣка, подобно какъ украшена великолѣпная церковь Зимняго дворца въ столицѣ, и это яркое золото, по бѣлому полю стѣнъ, обставленныхъ Іоническими пилястрами съ блестящими ихъ капителями, производитъ самое пріятное впечатлѣніе.—Раззолоченный куполъ, весь изваянный арабесками и цвѣтами, осѣняетъ какъ одна златокованная митра, крестообразный храмъ, гдѣ геній Растрелли превзошелъ самъ себя.

Пурпурный иконостасъ, испещренный золотомъ узорочныхъ рамъ съ легкими изваяніями Ангеловъ, стройно возвышается подъ самый куполъ, увѣнчанный крестомъ Искупителя, и, на этой выспренней Голгоѳѣ, Евангельская исторія начертана въ многоярусныхъ иконахъ; подъ мѣстными, въ самомъ низу, символически изображены семь таинствъ, какъ и Господь положилъ ихъ въ основаніе своей Церкви. Двенадесять праздниковъ новозавѣтныхъ и Пророки ветхозавѣтные въ верхнихъ ярусахъ, а самъ Господь, въ образѣ вѣчнаго Архіерея, возсѣдаетъ на горнемъ престолѣ, съ Предтечею и Апостоломъ языковъ по сторонамъ; ниже его, въ одной обширной картинѣ, сошествіе Святаго Духа на учениковъ Христовыхъ и пречистую его Матерь, и нерукотворенный образъ Спаса надъ царскими дверьми. Когда же они отверсты, то внутри алтаря представляются, на горнемъ

мѣстѣ, Тайная вечеря, прекрасной кисти ученика Рубенсова, и богатая сѣнь, окружающая престолъ раззолоченнымъ вѣнкомъ своихъ легкихъ колоннъ. Достойна вниманія символика изображеній алтарныхъ на внутренней стѣнѣ иконостаса, которая обыкновенно остается безъ всякихъ украшеній; здѣсь же напротивъ, она вся исписана картинами. Надъ царскими дверьми,—закланіе Пасхальнаго агнца прямо противъ Тайной вечери, какъ образъ ветхозавѣтной Пасхи, бывшей предзнаменованіемъ новозавѣтной; по сторонамъ—очищеніе совѣсти Іудейской чрезъ возложеніе руки кающагося на голову тельца, и соотвѣтствующее сему таинство покаянія Христіанскаго. Еще дальше—манна, служившая хлѣбомъ небеснымъ въ пустынѣ для странствующихъ Іудеевъ, и въ противоположность ей, распятый Господь, какъ хлѣбъ сшедшій съ небеси и дающій безсмертную жизнь; а свыше всего таинственное видѣніе Апокалиптической Церкви и небесной литургіи, съ двадцатью четырьмя старцами, окружающими жертвенникъ Агнца.

Противъ храмовой иконы Первозваннаго у праваго клироса, гдѣ стоитъ обновленное нынѣ Царское мѣсто, занимаетъ всю стѣну оригинальная картина, изображающая проповѣдь Апостола дикимъ Скиѳамъ и водруженіе имъ перваго креста на горахъ Кіевскихъ. Изящная кисть достойна высокаго предмета; художникъ Борисполецъ, написавшій въ Парижѣ сію колоссальную картину, пожертвовалъ ее за годъ предъ

симъ Митрополиту Кіевскому; какъ-бы предчувствуя обновленіе Андреевскаго храма, онъ предоставилъ Владыкѣ выборъ церкви, и выборъ Святителя палъ на тотъ храмъ, гдѣ совершилось самое событіе представленное художникомъ. Противъ мѣстной иконы верховнаго Апостола, позади лѣваго клироса, возвышается каѳедра проповѣдническая, богато украшенная раззолоченною рѣзьбою. Не безъ возвышенной символики расположены ея живописныя изображенія. Икона сошествія Святаго Духа на Апостоловъ осѣняетъ проповѣдника подъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ золотою короною; на самой же каѳедрѣ изображены—нагорная проповѣдь Господа о блаженствахъ Евангельскихъ, мудрая бесѣда отрока Іисуса въ храмѣ съ вопрошающими его книжниками, и три евангельскія притчи: небесный сѣятель бросаетъ сѣмена свои въ плодородную и безплодную землю, какъ и слово проповѣдника, съ этой каѳедры, можетъ умилять сердца или падать на жесткую ихъ почву; далѣе, господинъ вертограда повелѣваетъ срубить въ саду своемъ безплодную смоковницу, а вертоградарь смиренно умоляетъ его потерпѣть еще одно лѣто, въ теченіи коего, при постоянныхъ его заботахъ, быть можетъ принесетъ она желанный плодъ;—какъ поучительна эта притча для пастырей и пасомыхъ! Третья притча на самомъ всходѣ каѳедры, которую поддерживаютъ два золотыхъ ангела, какъ-бы на облакахъ; тутъ изображены въ лицахъ послѣднія слова нагор-

ной проповѣди Спасителя: внемлющій ей подобенъ твердому дому, прочно основанному на камнѣ, а легкомысленный—столь же легкому зданію, построенному на пескѣ, которое разрушается бурею.

Такого рода каѳедры, еще въ прошломъ столѣтіи, были необходимымъ условіемъ всѣхъ соборныхъ и придворныхъ церквей, по своему удобству для проповѣди; но теперь, къ сожалѣнію, онѣ почти вездѣ уничтожаются; имъ приписываютъ западное начало, тогда какъ на Востокѣ онѣ встрѣчаются въ каждой Греческой церкви, потому что тамъ діаконы не читаютъ иначе Евангелія, какъ съ высоты каѳедры, противъ Архіерейскаго мѣста, и кладутъ самое Евангеліе, вмѣсто аналоя, на распростертыя крылья орла, украшающаго спереди каѳедру, какъ символъ Евангелиста.

Надъ сею каѳедрой, соотвѣтственно большей картинѣ Апостола, водружающаго крестъ, что у праваго клироса, есть также изящная картина, пожертвованная Графомъ Шереметевымъ.—Она изображаетъ избраніе православной вѣры Равноапостольнымъ Княземъ. Владиміръ сидитъ на престолѣ въ своемъ теремѣ, въ виду стараго Кіева, окруженный боярами и дружиной, между коими языческій жрецъ умоляетъ его не измѣнять вѣрѣ отцевъ. Не внемлетъ ему Князь, обративъ все свое вниманіе къ Греческому Епископу, который указываетъ ему на отверстое Евангеліе и на икону страшнаго суда; а отъ

подножія его престола, со стыдомъ бѣгутъ Евреи и Магометане, предлагавшіе ему свою вѣру, вмѣстѣ съ клиромъ Латинскимъ. Епископъ, Кардиналъ и пресвитеръ, удаляются съ поникшей головою и съ гнѣвнымъ лицемъ, только что услышавъ знаменательное слово: «идите къ себѣ, ибо отцы наши сего отъ васъ не принимали.»

Еще двѣ Византійскія иконы, въ золотыхъ роскошныхъ рамахъ, присланы были изъ сѣверной столицы, усердіемъ тѣхъ правительственныхъ лицъ, которые принимали живое участіе въ обновленіи храма. Онѣ поставлены со входа въ западной его части, чтобы свидѣтельствовать о ихъ похвальной ревности къ церкви Божіей. Съ лѣвой стороны, подъ нерукотворенною иконою Спаса, образъ мученика Помпея, соименнаго одному изъ ревнителей, и великомученика Андрея Стратилата, котораго память совпадаетъ со днемъ юбилея. Съ правой стороны, подъ иконою Донской Богоматери, чествуемой также 19 Августа, Ангелы двухъ храмоздателей и обновителя: благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, Великомученицы Царицы Екатерины и святой праведной Елисаветы.

Память державной храмоздательницы, по усердію священнослужителей, уже за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, почтена была теплымъ придѣломъ во имя ея Ангела, праведной Елисаветы, въ верхнемъ ярусѣ того зданія, которое служитъ основаніемъ горнему

храму съ лицевой его стороны. Недавно, въ самомъ его фундаментѣ, подъ высокими стрѣльчатыми сводами Растрелли, устроена во всю глубину зданія, новая церковь во имя преподобнаго Сергія, которая можетъ служить усыпальницею.

Внутреннее расположеніе этой пещерной церкви весьма оригинально: она имѣетъ форму осмиконечнаго креста, потому что средняя главная ея галлерея, пересѣкается еще двумя подземными покоями, въ видѣ пятиугольника, и оканчивается полукружіемъ, гдѣ собственно церковь и алтарь. Хотя и не широка самая галлерея, но есть довольно простора въ пещерной церкви, отъ углубляющихся ея частей. Въ первомъ пятиугольномъ покоѣ, двѣ высокія двери открываютъ входъ въ другіе обширные склепы, которые теперь остаются пусты, но они служили нѣкогда мѣстомъ заключенія для плѣнныхъ воиновъ. При самомъ входѣ, изъ глубины пещерной поражаетъ взоры высокій крестъ, образующій собою царскія двери: крестъ падающихъ возстаніе, по словамъ церковной пѣсни. Малыми Византійскими крестами, въ позлащенныхъ кругахъ по бѣлому полю, украшены архитравы и подножія обоихъ чугунныхъ иконостасовъ, какъ самаго алтаря, такъ и ближайшаго къ нему отдѣленія, предназначеннаго для усыпальницы.

По сторонамъ рѣшетчатыхъ створовъ, ведущихъ въ первую галлерею, стоятъ какъ-бы изшедшіе изъ

своихъ пещеръ, два преподобныхъ Антоній и Θеодосій, основатели житія иноческаго. Всѣ иконы имѣютъ здѣсь свое символическое значеніе; лики Равноапостольныхъ просвѣтителей земли Русской, Владиміра и Ольги, сіяютъ въ золотомъ полѣ на ближайшемъ иконостасѣ, предъ входомъ въ послѣднюю галлерею, ведущую къ алтарю; по сторонамъ ихъ Святитель Николай и два Апостола, Первозванный и братъ Богослова, Іаковъ. Своды галлерей украшены фресками въ Византійскомъ вкусѣ, и Херувимы изображены на стрѣльчатыхъ сводахъ послѣдней арки.

Въ самой церкви, на главномъ иконостасѣ, всѣ мѣстныя иконы должны возбуждать память смертную въ молящихся, символическимъ своимъ значеніемъ. По правую сторону царскихъ дверей изображенъ Господь, съ побѣдною хоругвію, наступившій на вереи ада и изводящій изъ него души Праотцевъ, какъ обыкновенно писалась въ древности икона воскресенія Христова. По лѣвую сторону Божія Матерь, списокъ съ Боголюбской, держитъ въ рукахъ свитокъ, на коемъ начертаны первые стихи канона къ ней обращеннаго на исходъ души: «подобно дождевымъ каплямъ, малые и непостоянные дни мои оскудѣваютъ по немногу.... Владычице, помоги мнѣ». —Подлѣ же икона Предтечи, проповѣдающаго въ пустынѣ: «покайтеся, приближися бо царствіе небесное», и слова сіи начертаны на хартіи, которую онъ держитъ; тутъ же написано и древо, съ лежащею

у подножія его сѣкирою, на память словъ Предтечи: «уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ; всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ и во огнь вметаемо.» (Матѳ. III, ст. 10.). Храмовая икона преподобнаго Сергія, съ частицею его раки, прислана изъ священной его Лавры, какъ благословеніе Митрополита Московскаго, дабы память угодника Божія была чествуема на югѣ какъ и на сѣверѣ Россіи, наравнѣ съ преподобными Печерскими, по стопамъ коихъ онъ слѣдовалъ.

Служеніе Ангеловъ, въ дольнемъ и горнемъ мірѣ, изображено на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ, а по сторонамъ ихъ, на стѣнѣ церковной, хорошіе снимки съ лучшихъ произведеній живописи: Ангелъ молитвы, несущій свѣтильникъ и ѳиміамъ, есть подражаніе художественной кисти Нефа; еще одинъ Ангелъ, парящій къ небесному жертвеннику, умилостивительнымъ кадиломъ какъ-бы отклоняетъ заслуженную нами кару, которую знаменуетъ опущенный имъ мечъ; оригиналъ этой изящной иконы, изъ Болоніи, приписывается кисти знаменитаго Карла Дольче.

Внутри алтаря на горнемъ мѣстѣ, въ золотомъ полѣ, Апокалиптическое видѣніе Іоанна Богослова ярко поражаетъ взоры при открытіи царскихъ вратъ, ибо въ него направленъ лучъ свѣта подземной галлереи отъ входныхъ дверей. Господь Іисусъ, въ бѣломъ виссонѣ съ седмью звѣздами въ десницѣ, съ мечемъ огненнымъ, исходящимъ изъ его устъ, яв-

ляется посреди седми свѣтильниковъ „Алфа и Омега, начало и конецъ, по словамъ Откровенія, который держитъ въ рукахъ своихъ ключи ада и смерти“; посему и начертанъ спасительный ликъ сей въ самой глубинѣ усыпальной церкви. А такъ какъ свѣтильники, посреди коихъ онъ ходитъ, сдвигая и воздвигая ихъ по своей власти, знаменуютъ Апостольскія Церкви и ихъ Ангеловъ или Предстоятелей, то по сторонамъ иконы Господней поставлены лики Святителей: съ правой стороны три Греческіе Іерарха, Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, бывшіе свѣтильниками Церкви Восточной, а съ лѣвой три великіе Іерарха Кіевскіе и всея Руси, Петръ, Алексій и Іона, священнодѣйствовавшіе здѣсь въ родномъ Кіевѣ, какъ и въ первопрестольной Москвѣ. Высоко надъ горнимъ мѣстомъ, поставлена во глубинѣ свода такъ называемая икона восточной Божіей Матери, или Нерушимой стѣны, съ воздѣтыми къ небу руками, предстательствующей за міръ. Это вѣрный списокъ съ горней иконы Софійскаго собора, уцѣлѣвшей мозаикою отъ XI вѣка, и она производитъ особенное впечатлѣніе съ верхнихъ хоръ; на ея золотое поле ярко падаетъ свѣтъ, сквозь всю длинную галлерею отъ противолежащаго окна, такъ что она кажется прозрачною. Взирающему на сію икону изъ устья галлереи, представляется будто сама Царица небесная, съ воздѣтыми къ небу руками, идетъ на встрѣчу притекающаго къ ея свѣтлому лику;

бѣлымъ своимъ лентіономъ она готова стереть, по выраженію церковной пѣсни, всякую слезу отъ всякаго лица, ибо никогда не отвращается отъ тока слезъ человѣческихъ, и во временной нашей жизни и въ самый часъ страшнаго ея исхода.

Красуйся на горахъ Кіевскихъ, въ обновленномъ твоемъ благолѣпіи, храмъ Первозваннаго! Взоръ утомленнаго путника, идущаго поклониться древней святынѣ, издали ищетъ на темени горъ, твою свѣтлую главу; издали устремляетъ къ тебѣ свои взоры и быстрый пловецъ, спускающійся или подымающійся по водамъ Днѣпра, какъ бы къ яркому фаросу, возженному рукой Апостола на завѣтномъ его холмѣ, чтобы направлять къ нему обуреваемыхъ посреди житейскаго плаванія. Златоглавый столпъ колокольни Печерской, на крайнемъ отрогѣ священныхъ высотъ, и серебристый вѣнецъ Апостольскаго храма, парящаго въ воздухѣ на другой ихъ окраинѣ, обозначаютъ собою молитвенную грань, въ объемѣ коей все близкое сердцу богомольца. Тутъ, между сихъ двухъ завѣтныхъ граней, сосредоточилась для него вся родная святыня; внѣ ихъ и за ними—опять одно лишь житейское; но свѣтлый вѣнецъ Первозваннаго, горитъ ярче всѣхъ золотыхъ вѣнцовъ многохолмнаго Кіева.

19 Авг. 1867.

ОБНОВЛЕНІЕ ДВОРЦА ВЪ КІЕВѢ.

Наконецъ и древній, родоначальный Кіевъ сдѣлался опять столицею Руси, украсившись Царскими палатами, которыя достойны своего высокаго назначенія! Протекло болѣе ста лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ онѣ воздвигнуты геніальнымъ Растрелли, по волѣ державной дочери Великаго Петра, и въ нихъ обитала великая Екатерина, но уже болѣе полувѣка какъ онѣ запустѣли, послѣ страшнаго пожара въ царствованіе перваго Александра. Второму, многое призвавшему къ новой жизни въ своей необъятной Имперіи, суждено было возобновить и сіи давно забытыя палаты, въ несравненно большемъ великолѣпіи. Если бы первый ихъ зодчій могъ на нихъ взглянуть нынѣ, онъ бы призналъ дѣло рукъ своихъ и порадовался бы, что такъ угадали и осуществили его творческую мысль. Но если кто долженъ радоваться, то это древняя матерь городовъ Русскихъ; облекшись опять въ свою царскую порфиру, съ вѣнцемъ Мономаха на челѣ, она готовится принять въ объятія его Царственное племя, снова водворяющееся въ ея чертогахъ. Событіе сіе знаменательно не для одного лишь Кіева, но и для всей Россіи,

потому что совершается въ ту минуту, когда Кіевъ только что связанъ желѣзными путями съ сердцемъ Руси, и самый Днѣпръ дѣлается опять для насъ Греческимъ путемъ, какъ во дни Олега, Святослава и Владиміра, а море Черное, еще во дни ихъ слывшее Русскимъ, закипитъ опять Русскими судами.

Архангелъ Кіева, надъ главнымъ портикомъ, осѣняетъ Царскіе входы и исходы; одна только исполинская стража стройныхъ тополей обступила кругомъ обширный дворъ, посреди коего запѣнится живая струя водомета; не нужно иной стражи Русскому Царю предъ входомъ въ его чертоги; ихъ охраняетъ здѣсь народная къ нему любовь, подъ щитомъ Архистратига, который принялъ подъ свой покровъ новое Царское жилище, и ознаменовалъ самый день освященія своимъ торжествомъ, какъ завѣтный покровитель Кіева, напечатлѣнный въ его гербѣ.

Но какая гармонія внутри самыхъ палатъ, во всѣхъ ихъ размѣрахъ, и въ мягкомъ топѣ красокъ, и въ изяществѣ лѣпныхъ украшеній! Утонченный вкусъ составляетъ главную ихъ роскошь, и стройность отдѣльныхъ частей, сливаясь въ одно гармоническое цѣлое, услаждаетъ взоры, пораженные его величіемъ. Нигдѣ не ослѣпляетъ излишній блескъ золота; кое гдѣ только отсвѣчиваетъ оно узорочные карнизы и легкіе потолки, какъ послѣдніе смѣлые помибы кисти искуснаго художника, довершающаго свою картину. Все здѣсь въ благородномъ

вкусѣ Людовика XVI, внутри дворца, тогда какъ все наружное носитъ отпечатокъ Людовика XV, современнаго его основанію, и этотъ переходъ, отъ нѣсколько грубаго стиля къ болѣе утонченному, чрезвычайно пріятенъ для глазъ. Во всемъ зданіи видна одна обдуманная мысль, а не прихоть или произволъ зодчаго. Парадная лѣстница, съ ея стройными аркадами, соотвѣтствуетъ величію пріемной залы, которая украшена мѣстными гербами Кіева Волыни и Подоліи, подъ сѣнію двухглаваго орла; она раздѣляетъ на двѣ равныя половины обширный дворецъ, гдѣ одновременно могутъ помѣщаться въ семейномъ кругу своемъ, и Русскій Царь и царственный его Наслѣдникъ: такъ все удобно и разумно расположено въ ожиданіи дорогихъ гостей.

Не достаетъ только для нихъ одной домашней церкви, если иногда, послѣ благоговѣйнаго поклоненія Кіевской святынѣ, пожелали бы уединенно помолиться въ кругу семейномъ; но и для нее есть мѣсто на половинѣ Императрицы; тамъ, на восточной оконечности зданія, легко можно пристроить полукружіе для олтаря и открыть куполъ надъ церковнымъ покоемъ, что довершитъ красоту царственныхъ палатъ. Но кому посвятить сію домашнюю сокровищницу Царской молитвы, если не Ангелу того, кто поднялъ изъ развалинъ давно опустѣвшія сіи палаты?—Пусть витязь Невскій, столько подвизавшійся за Русскую землю въ самую бѣдственную ея го-

дину, когда уже исчезла слава Кіева, послѣ разгрома Монгольскаго,—пусть онъ молитвенно осѣнитъ древнюю столицу своихъ предковъ, и здѣсь, гдѣ уже не могъ онъ обрѣсти себѣ Княжескаго престола, въ разоренномъ домѣ прадѣда Мономаха, пусть сооружится ему иной, духовный престолъ, въ новомъ свѣтломъ жилищѣ Державныхъ его потомковъ! Да обновится и здѣсь его память, какъ на прославленныхъ имъ берегахъ Невы!

Не все ли исполнено здѣсь воспоминаніемъ первобытной Руси, какъ будто живая лѣтопись инока Печерскаго развивается предъ нами? Невольно вспомнишь выразительное слово преподобнаго Нестора, при началѣ его повѣсти временныхъ лѣтъ «откуда пошла Русская земля», когда посмотришь изъ оконъ сего чуднаго дворца, обращенныхъ къ столь же чудному саду;—въ каждомъ окнѣ та же очаровательная и вмѣстѣ лѣтописная картина, вставлена въ зеленую раму вѣковыхъ липъ. Предъ вами, за глубокимъ оврагомъ, по которому раскинулся цвѣтущій садъ, какъ-бы въ завѣтной дали минувшаго, весь Старый Кіевъ, на своемъ высокомъ холмѣ,—нашъ христіанскій Капитолій, которому уступитъ языческій Рима! Вотъ храмъ Первозваннаго на краю утеса, гдѣ водрузилъ онъ первый крестъ, возвѣстивъ благодать Божію на горахъ Кіевскихъ, а предъ нимъ, во исполненіе Апостольскаго слова, первая церковь, которую сооружилъ Просвѣтитель Руси на быв-

шемъ холмѣ низвергнутаго имъ Перуна. Тутъ-же златоверхая обитель Михайловская, перваго Митрополита Кіевскаго, посвященная имъ Архистратигу небесныхъ Силъ, который осѣнилъ вмѣстѣ и градъ и Русь, а нѣсколько далѣе—Десятинный соборъ Владиміра, гдѣ самъ онъ доселѣ почиваетъ и покоилась блаженная Ольга. Лѣвѣе, изъ-за купы деревъ, является многоглавая громада Св. Софіи, память и подражаніе Цареградской, гдѣ прочерпнули мы свѣтъ Христіанства; это нерушимое зданіе великаго Ярослава, стоитъ еще во всемъ своемъ лѣтописномъ величіи, осѣняя мраморный саркофагъ храмоздателя.

Если же, впереди всѣхъ завѣтныхъ намъ святилищъ Стараго Кіева, стоитъ двухбашенный костелъ Римскій,—не должно смущаться сердце столь разительнымъ противурѣчіемъ. Не о разрывѣ Церквей, но о бывшемъ ихъ вселенскомъ союзѣ должна напоминать Православію сія одинокая сиротствующая церковь, чуждая намъ на завѣтномъ холмѣ Кіевскомъ, посреди сонма родныхъ святилищъ. Было время, когда не существовало отдѣльныхъ Запада и Востока, но одно лишь всеобъемлющее вселенство Каѳолической Церкви; да обновится же сіе желанное вселенство съ паденіемъ непогрѣшимости Папской и Римскаго властолюбія!.

Громадное зданіе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ на площади Стараго города воздвигнутое по державной волѣ Царственнаго обновителя Кіева, какъ

будто соединяетъ въ одну каменную массу всѣ храмы и обители, разсѣянные по вершинѣ историческаго холма, и довершаетъ величіе картины. Гдѣ? изъ какихъ Царскихъ чертоговъ, можно созерцать что либо подобное, и какъ бы на каменныхъ скрижаляхъ, пощаженныхъ временемъ, читать всю первобытную исторію родной земли, которая свидѣтельствуетъ своими памятниками, что только вѣрою Владиміра создана его Русь!—Не напрасно имя Крещатика доселѣ сохранилось главной улицѣ Кіева, на память будущимъ родамъ! Чтобы лучше обнять взоромъ всю сію величественную панораму, надобно выдти на широкое крыльце, которое спускается въ садъ, и тогда еще откроется между густой зелени липъ, дальняя синева лѣсовъ Заднѣпровья, какъ-бы синяя безбрежная пучина моря.

Обновленіе дворца Государева въ Кіевѣ, восполняетъ для древней столицы то, чего ей не доставало, возвративъ ей родовое наслѣдственное достояніе. При обновленіи палатъ обновился и Царскій великолѣпный садъ, разросшійся по живописнымъ удоліямъ надъ крутымъ берегомъ рѣки. Годъ отъ году приходилъ онъ въ запустѣніе, особенно въ послѣднее время, когда всѣ заботы обращены были на гульбище, втѣснившееся въ самую его сердцевину, и вѣковыя его липы должны были уступать мѣсто расширявшейся площадкѣ для новыхъ зданій воксала, а всѣ прочія части сада были оставлены

безъ всякаго вниманія. Не было кругомъ никакой ограды; свободно могъ пастись на его луговинахъ бродящій скотъ, истребляя кусты и деревья; роскошный садъ обратился такимъ образомъ въ одно пространное «Campo-Vaccino», какъ нѣкогда древній Форумъ Римскій, а вечеромъ опасно было ходить по его густымъ аллеямъ, отъ недобрыхъ людей, которые со всѣхъ сторонъ въ него проникали изъ сосѣднихъ враговъ.

Нынѣ же, какъ-бы по волшебному манію, все въ немъ мгновенно измѣнилось; садъ обнесенъ благовидною оградой; расчищены давно забытыя аллеи и проложены новыя дороги по отлогимъ скатамъ, гдѣ только позволяла своенравная мѣстность; ожили опять заглохшія клумбы роскошныхъ липъ, которыхъ не щадила рука человѣческая, хотя ихъ нужно ожидать цѣлое столѣтіе. Все принимаетъ прежній благолѣпный видъ, но для того чтобы вполнѣ достигнуть первобытнаго своего назначенія, садъ долженъ сдѣлаться единственно Царскимъ, безъ всякой примѣси какого либо чуждаго ему элемента. О, да возвратится ему та отрадная тишина, которою такъ долго наслаждались мирные жители Кіева, доколѣ не вытѣснило ихъ, изъ-подъ его родной сѣни, шумно вторгшееся въ него гульбище, (Chateau des fleurs) слывущее замкомъ цвѣтовъ только по имени!

Тотъ кто, ранней весною, приходилъ сюда, въ вечерній сумракъ, заслушиваться звонкою трелью безчисленныхъ соловьевъ, еще въ завѣтной тогда чащѣ вѣковыхъ деревъ, или кто въ знойный пол-

день, наслаждался здѣсь прохладою, подъ непроницаемою тѣнію душистыхъ липъ, жадно глотая ихъ ароматы,—тотъ уже не можетъ забыть всѣхъ минувшихъ очарованій сего чуднаго сада, которому нѣтъ нигдѣ подобнаго по красотѣ его мѣстности. Когда же полная луна, подымется надъ дальней синевой Заднѣпровья, чтобы блѣднымъ лицемъ своимъ отразиться въ спящей пучинѣ,—гдѣ можно отраднѣе полюбоваться этой чудной картиной, если не изъ Царской бесѣдки, увѣнчанной вазами цвѣтовъ, которая нависла надъ рѣкой. Въ ночномъ сумракѣ, сливающемъ всѣ предметы, она будто паритъ въ воздухѣ, господствуя надъ сушей и надъ водами, отъ исполинскаго, ихъ оковавшаго моста, и до дальняго тонущаго въ нихъ Подола. Посмотрите, какъ игривый лучъ мѣсяца перекатывается по серебристому куполу церкви Первозваннаго или на золотыхъ верхахъ Михайловской обители, зажигая въ темномъ небѣ ихъ огненные кресты; онъ будто хочетъ вызвать изъ тьмы временъ, все наше славное былое,—чтобы ярче отразилось оно въ пробужденной памяти. Есть вѣщій голосъ и въ самомъ безмолвіи ночи, и въ такую торжественную минуту невольно дрогнетъ сердце и крѣпче забьется оно Русскою жизнью, подъ тихій плескъ Днѣпровской волны, плескавшей и въ крылатые суда нашихъ предковъ, когда еще носила воинскія ладьи Оскольда и Олега къ трепетавшему ихъ Царь-граду.